

Марджори Роулинг

Европа в Средние века. Быт, религия, культура

Глава 1

Карл Великий и средневековое общество

В 814 году н. э. во дворце, построенном им в Аахене, умер император Карл Великий. Вскоре после этого монах одного из монастырей Италии так выразил чувство страха и потери, «которое испытали франки, романцы и весь христианский мир, узнав о смерти столь великого воина и правителя»: «О горе мне! Мы скорбим и пребываем в вечном трауре... Франкия, которая прошла в своей истории через самые страшные катастрофы, никогда не погружалась в такую скорбь, как тогда, когда провожала в последний путь августейшего и самого великого из королей Карла». Карл Великий скоро стал легендой и встал в один ряд с такими великими героями, как Авраам и Цезарь, и занял свое место среди Девяти Воинов, столь глубоко почитаемых в Средние века. Однако великий император, окруженный искусственным романтическим ореолом, не теряет своего величия и под пронзительным, безжалостным взглядом истории. В истории он остался человеком, заложившим основы развития Европы в Средние века, хотя, конечно, некоторые сооружения, возведенные на этом фундаменте, в какой-то момент были разрушены.

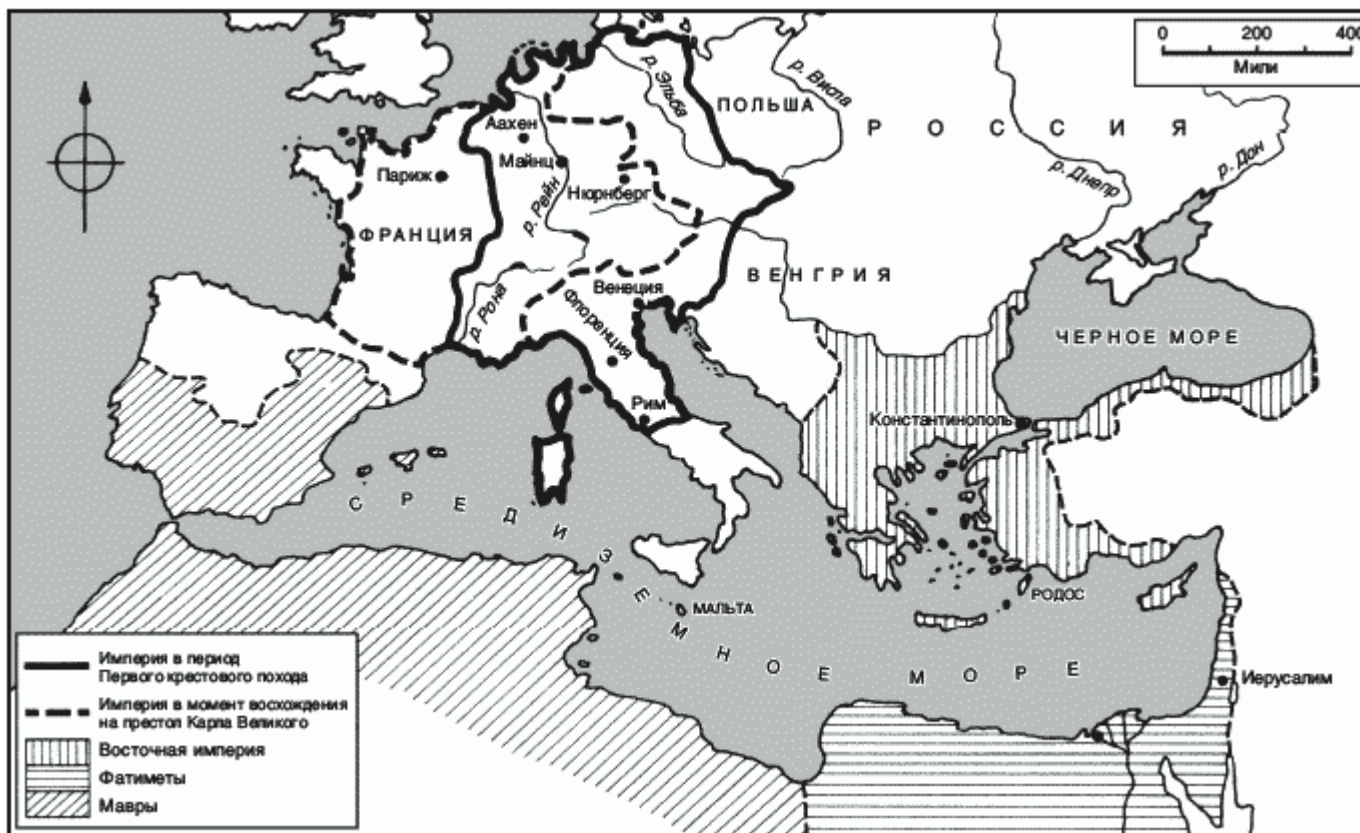

Рис. 1. Европа в эпоху Первого крестового похода в 1095 году

Деяния и идеи Карла Великого (по крайней мере отчасти) нашли свое отражение буквально во всех сторонах жизни Средневековья - территориальном делении, образовании, политике, духовной и общественной жизни. Действительно, перемены, которые он внес в жизнь государства, позволяют нам с полным правом говорить об этой эпохе как о «веке Карла Великого», поскольку он не только хотя бы на время навел порядок в наполовину еще варварской Европе, но и возродил идеал поздней Римской империи, а именно - христианского общества. Он всячески поощрял сохранение древнего классического наследия, развитие образования и реформу церкви, создание монастырских и церковных школ, а заодно ввел в обращение монеты - фунты, шиллинги и пенсы, - которые до сих пор (то есть до 1968 года) имеют хождение в Великобритании. Помимо этого, развитые Карлом Великим взаимоотношения между господином и повинующимся вкупе с системой землевладения, которая клятвой верности связывала навсегда вассала с его господином, легли в основу более поздних феодальных отношений общества. Наконец, подвиги и сама личность Карла Великого не только произвели огромное впечатление на его современников, но и стали объектом поклонения в более поздние века. Имя Карла Великого будоражит ум и будит воображение людей и сейчас, более одиннадцати веков спустя.

Рис. 2. Статуя предположительно Карла Великого

Что же это был за человек? Безусловно, не безгрешный и не святой, но такой же страстный, полный жизни и даже жестокий, как и большинство его современников, он соблюдал все внешние обряды и ритуалы церкви, однако большой глубины в его вере, пожалуй, не было. Его главным капиталом - и, возможно, залогом успеха - была неукротимая энергия и упорство, с которым он доводил до конца любое свое начинание. Со слов его секретаря и друга Эйнхарда, знавшего Карла как никто другой, известно, что Карл был «высоким, хорошо сложенным мужчиной с большими пронзительными глазами. Как у многих великих людей, у него был большой нос. В конце жизни волосы его поседели, но остались такими же густыми, как в молодости. Его манеры были поистине царственными и одновременно располагающими к себе. Всегда и во всем он сохранял властность и достоинство».

Карл сохранял физическую силу и бодрость до самого конца своей долгой жизни. Он уделял много времени физическим упражнениям, обожал охоту, любил плавать и купаться в горячих источниках, бивших возле его дворца в Аахене. Несмотря на то что он был варваром и воином, он имел острый ум и талант к наукам. Посещал лекции по грамматике, которые читал Петр Пизанский, знаменитый ученый и педагог, привезенный к его двору из Ломбардии. Остальные науки ему преподавал Алкуин Нортумбрийский. Однако грамо-

те Карл так и не научился, и это - несмотря на часы усердных занятий по ночам (король страдал бессонницей). В отличие от своих детей и придворных он не мог похвастаться изысканными манерами, но одет был всегда в соответствии со случаем и обстоятельствами. В праздничные и торжественные дни его голову венчала золотая, украшенная драгоценностями корона, он щеголял в позолоченных башмаках и в роскошном костюме, поверх которого был наброшен расшитый золотом плащ. Однако в будни его костюм мало чем отличался от одежды простых людей. Он предпочитал накидки из шкур животных. В то время представители высшего сословия франков любили богатую, яркую одежду. А наряды дочерей Карла, которые были известны своей красотой, вообще поражали воображение своей роскошью. Его приближенные также, как правило, появлялись при дворе в золоченых башмаках на шнуровке, богато вышитых штанах из тончайшего льна, завязывавшихся под коленями пурпурными лентами. Вышитые льняные рубашки и белая или голубая накидка, разрезанная на два квадрата по бокам, застегивавшаяся на плечах, схваченная поясом на талии и доходившая до щиколоток спереди и сзади, дополняли костюм.

Один из рассказов Эйнхарда только подтверждает тот факт, что Карл был весьма здравомыслящим человеком (во всяком случае, в том, что касалось одежды) и обладал хорошо развитым чувством юмора. Однажды он пришел на мессу в самой простой одежде и наброшенной сверху овечьей шкуре: день был холодный и дождливый. Его придворные только что вернулись из Парижа, где были на ярмарке, куда «венцианские купцы привезли все богатство Востока из своих заморских территорий». Накупив кучу роскошной одежды и украшений, они пришли на мессу, «шурша платьями, сшитыми из шелка и тафты, а также перьями фазанов и павлинов, которыми они украсились. Красные и ярко-желтые банты, накидки и шлейфы дополняли картину».

Король, недобро усмехнувшись, вдруг сказал: «А не отправиться ли нам на охоту... прямо сейчас, вот в этой самой одежде». Придворным ничего не оставалось, как только подчиниться. Они продирались через заросли и, естественно, порвали свои наряды о ветки и колючки; они промокли до костей и испачкались в крови диких животных. И вот в таком виде они вернулись домой.

После чего Карл повелел им: «Пусть никто из вас не станет переодеваться в чистую одежду до отхода ко сну. Так все высохнет гораздо быстрее».

На следующий день Карл сказал своему слуге: «Почисти мою шкуру и принеси ее мне». Тот так и сделал: она была по-прежнему белая и без единой дырки. Увидев, в каком виде появились его приближенные, король сказал: «Глупейшие из смертных! Так какая же одежда более ценна и полезна - моя, купленная за один серебряный, или ваша, за которую заплачено много фунтов?»

Придворные опустили глаза вниз, не вынеся его усмешки и «пронзительного взгляда».

Слуга-камердинер, упомянутый в этом рассказе, был одним из целой армии людей, которые управляли всеми делами во дворце Карла и следили за хозяйством. Он не только следил за гардеробом короля, он был еще и главным казначеем. Дворцовый администратор прежде всего выступал как судья и председательствовал на заседаниях суда, когда Карл не мог сделать этого. Он также выступал в качестве посла, генерала и во множестве других ипостасей. В обязанности квартирмейстера входило обеспечение ночлега для Карла и его придворных во время многочисленных путешествий, а когда Карл находился в своих покоях, он должен был готовить комнаты для гостей во дворце. Королевский стол находился в ведении сенешаля, констебль заведовал королевской конюшней, а четверо ловчих организовывали королевскую охоту. Сотня более мелких придворных включала в себя главного привратника, ключника, сокольничего и других.

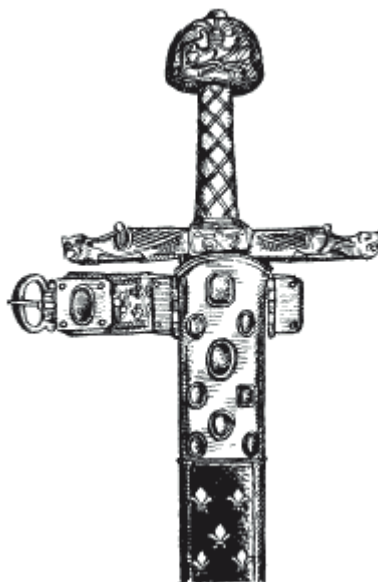

Рис. 3. Эфес меча Карла Великого

Рис. 4. Рог, традиционно связываемый с именем Роланда

Большую часть жизни король проводил отнюдь не во дворцах. Он был настоящим воином, и, чтобы по заслугам оценить его свершения и понять, какие изменения внесли в жизнь Европы он сам, его отец Пипин и дед Карл Мартелл, мы должны взглянуть на карту той Европы, какой увидел ее Карл Великий, когда стал королем франков. В Испании господствовали арабы. Именно дед Карла Великого остановил их продвижение на север, разбив в 732 году под Пуатье. Если бы он тогда не одержал победу, ничто не остановило бы мусульман от похода на Рейн. Пипин, отец Карла, нанес арабам, остававшимся на севере от Пиренеев, еще один удар в битве на юге Аквитании. Тем самым он начал движение, которое в конечном итоге вытеснило мавров из Испании. Тем не менее армия Карла потерпела поражение от басков при Ронсевале. Это поражение, правда, было следствием измены. Та битва легла в основу множества легенд, ставших позднее известными как «Песнь о Роланде»: так звали близкого друга и соратника Карла Великого, который погиб при Ронсевале. Это романтическое произведение будоражило умы и воображение читателей в поздние Средние века. В битве при Гастингсе в 1066 году рыцари атаковали армию норманнов, декламируя строки из этой поэмы. К XII веку рог Роланда и меч Карла Великого стали ценнейшими реликвиями - объектами поклонения сотен и сотен пилигримов.

Самую упорную борьбу Карлу Великому пришлось вести против саксов. Саксы были язычниками, религия которых подразумевала совершение жестоких кровавых ритуалов. Вместе с фризийцами - племенем крестьян, моряков и торговцев - они жили за Рейном к северу и востоку от Франкского государства. Вдохновленный призывами церкви, Карл считал свою кампанию против саксов не только завоевательной войной, но и крестовым походом: вместе с франками к саксам шло христианство. Целью Карла было объединить земли под своим владычеством, обезопасить границы и истребить язычество, чтобы создать великую империю, объединенную христианской верой. Именно по этой причине он

уничтожил статую Арминия - символ могущества сакских богов, поскольку, по мнению саксов, именно этот бог держал на своих руках небесный свод. И саксы никогда не простили Карлу ни этого святотатства, ни насильственного крещения. В результате жизнь на землях саксов, да и на прилегающих к ним франкских территориях, была полна опасностей. Стоило Карлу удалиться от земель саксов на некоторое расстояние, как те восставали. При этом они жгли все подряд: церкви, монастыри, поселения торговцев и деревни простых франков. Это повторялось много раз. Все же, несмотря на это, к концу своей долгой жизни Карлу Великому удалось подчинить Ломбардию и Саксонию, установить и укрепить владычество франков над Баварией и Южной Галлией, вытеснить аваров со среднего течения Дуная. К тому же ему удалось присоединить к своей империи большую часть Италии и Испании.

Чтобы совершить все это, Карлу нужны были люди, на которых он мог положиться. Поэтому со своих подданных он брал клятву верности. Дело в том, что верность клятве считалась среди варваров одной из высших добродетелей. После восстаний 786-го и 792 годов Карл издал указ, в соответствии с которым все подданные (мужчины) должны были еще раз принести клятву вассальной верности перед представителем короля. В каждом большом городе Франкского государства, на всех завоеванных территориях потоки людей направлялись в ближайшую церковь, чтобы там над гробницей местного святого публично поклясться в верности королю Карлу. До нас дошли слова этой клятвы:

«Клянусь, что с этого дня я буду преданнейшим слугой нашего благочестивого императора, моего господина Карла, сына короля Пипина и королевы Берты. Я буду служить ему верой и правдой, не тая в сердце ни измены, ни злого умысла, на благо его царства, как и положено делать слуге по отношению к своему господину и повелителю. Да помогут мне Господь и святые, чьи останки лежат здесь передо мной; до конца своей жизни я буду посвящать себя служению своему господину со всем умением и силами, которые Господь даровал мне».

Рис. 5. Солдаты эпохи Каролингов

Более узкий круг подданных связывал себя еще более жесткой клятвой - клятвой вассала. Обет вассальной верности постепенно стал значить гораздо больше, чем простая клятва. Когда во время Крестовых походов один из архиепископов подвешивал предводителя мусульман за ребро, христиане в восторге кричали: «Он поступает как настоящий вассал короля!» Так и в «Песне о Роланде» говорится:

Язычник тот, Бланкадрий, был умен,
И клятву вассала он сразу принес,
А позже, как истинный рыцарь,
Был рядом с своим господином.

Как правило, король награждал вассала за верную службу очень щедро, даря ему землю. Именно отсюда взял свое начало класс крупных землевладельцев. Здесь мы видим начальные черты той особой организации, которая позже стала доминирующей в феодальном обществе. Богатство и власть стали синонимами владения землей. В своем поместье землевладелец (он же зачастую настоятель монастыря) стоял на верхней ступени иерархии арендаторов земли. В этот период беспрестанных войн и голода служба в обмен на защиту и покровительство стала краеугольным камнем общества. На самой вершине этой пирамиды был король, который собирал в год две ассамблеи, на которых присутствовали дворяне и высшее духовенство. Если задумывалась военная кампания, то всем военнообязанным надлежало прибыть на сборы со своей долей войска, полностью экипированной, и с необходимым запасом еды и одежды.

В письме Карла к аббату Фульраду говорится о военном поезде этого церковника-землевладельца, выступившем на «майское поле» (это имя носила весенняя ассамблея). Аббату было приказано прибыть «со всеми своими людьми в полной экипировке, чтобы быть готовым в любой момент выступить в любом направлении по нашему приказу, то есть с оружием, доспехами и припасами (едой и одеждой). У каждого всадника должен быть щит, латы, меч, копьё, лук, колчан со стрелами, а в повозке должны быть... топоры, лопаты, доски и другие предметы обихода, необходимые в любой армии. В провиантских повозках должен находиться запас продовольствия на три месяца, а также запас оружия и одежды на шесть месяцев».

Все без исключения были обязаны служить в войске либо обеспечивать его живой силой и провизией. Неспособность сделать это влекла за собой штраф в 60 солидов. Штраф был настолько велик, что делал воинскую службу практически обязательной. Один из капитуляриев (декретов) Карла касался именно воинской повинности.

«Каждый свободный человек, владеющий четырьмя мансами (один манс равнялся примерно 135 акрам) или имеющий их в качестве бенефиции от кого-либо, должен обеспечить себя всем необходимым и идти воевать со своим господином либо с его господином.

Тот, у которого есть три манса, объединится с человеком, владеющим одним мансом, и поможет ему так, чтобы он служил за двоих.

Четыре человека, имеющие по одному мансу, должны всячески помогать тому из них, кто один пойдет в армию».

От внимания Карла не ускользал ни один аспект управления государством, поэтому его капитулярии (декреты) касались самых разнообразных вопросов - от управления монастырями и выдачи грабителей из их убежищ до обеспечения безопасности путешественников, спасения крестьян, умирающих от голода, и обучения девочек-сирот почтенными матронами под руководством духовенства. Карл выработал положения, касающиеся этих и сотен других вопросов - светских, духовных, политических, общественных и правовых.

Однако капитулярии, известные под названием «девиллей» (De Villes), были наиболее подробными и обязательными для исполнения. Они были своеобразным «руководством к действию» для управляющих королевскими угодьями. В отчете, который управляющие должны были сдавать каждое Рождество, следовало указать все принадлежащее королю имущество, вплоть до последнего гвоздя, яйца или дощечки. В период правления Каролингов все угодья делились на сеньориальные земли и данники (то есть земли, с которых взималась дань). Первые, получившие при более поздней манориальной системе название земельной собственности, несдаваемой в аренду (или поместий), находились под непосредственным управлением короля, землевладельца (феодала) или аббата (настоятеля монастыря), если земли были церковными.

Королевские владения были многочисленны. Все производимое или выращиваемое на этих землях было самого лучшего качества, будь то лошади, скот, фрукты, овощи, цветы или декоративные птицы вроде фазанов, поскольку Карл своим указом повелел: «Угодья, которые мы выделили для нашего собственного пользования, должны целиком удовлетворять только наши нужды, а не кого-либо другого.

Следует тщательнейшим образом следить, чтобы все, производимое руками: бекон, копченое мясо, колбаса, солонина, вино, уксус, горчица, сыр, масло, солод, пиво, медовуха, мед, воск, мука - изготавливалось чистыми руками и в чистом помещении...

Во всех наших поместьях в жилых помещениях должны быть стеганные покрывала, подушки, постельное белье, скатерти и накидки для скамеек».

Любое поместье было полностью автономным, поскольку каждый управляющий должен был иметь в нем «кузнеца, золотых и серебряных дел мастера, башмачников, гончаров, плотников, оружейников, рыбаков, маслоделов, мыловаров, пивоваров и других специалистов по производству различных напитков, хлебопеков, мастеров по плетению сетей для ловли рыбы и охоты на дичь и других работников».

Также предписывалось, что жилища работниц должны быть оснащены прочными ставнями, болтами и засовами. В домах должны были быть очаги и погребя, чтобы женщины могли качественно готовить еду. Управляющий должен был обеспечивать все необходимое сырье: «лен, шерсть, вайду, киноварь, марену, скребницы, ворсовальные шишки, мыло, жир и всю необходимую утварь».

Точно так же управлялись угодья монастыря Сен-Жермен-де-Пре, что недалеко от Парижа. В начале IX века из 278 домовладельцев, поименованных в двух реестрах настоятеля монастыря, только двадцать пять были рабами. Четыре века спустя рабов не было вообще, однако почти все крестьяне, за исключением нескольких, стали крепостными. При Карле Великом работники были преимущественно свободными, однако вид и размер услуг, денежных выплат и арендной платы, поставляемых ими землевладельцу, зависели от статуса каждого отдельно взятого работника.

Одного из арендаторов земли аббата звали Фрамбер. Он жил в маленьком деревянном домике, стоявшем в группе таких же убогих строений. В определенное время года вместе с другими арендаторами он должен был вспахать определенное количество сеньориальных земель аббата. Помимо этого управляющий мог в страду вызвать его на дополнительные работы. Позднее этот вид работ получил название поденной и «даровой» работ. Фрамбер и другие арендаторы выполняли и иные виды работы: рубили лес, пилили дрова, чинили амбары и заборы. Помимо этого Фрамбер должен был платить за предоставленные ему привилегии: он поставлял аббату телегу дров за собранный в лесу хворост, бочку вина - за право пасти овец в том же лесу и т. д. Каждый арендатор должен был выплачивать налог на содержание войска, часть которого, в свою очередь, собирал с субарендаторов. Размер налога составлял один или два серебряных - или их эквивалент: бык или две овцы. И это - помимо обязательной военной службы. Кроме того, Фрамбер должен был поставлять монастырю определенное количество зерна, вина, масла, кур или яиц. Удивительно, откуда у него брались время и силы, чтобы обрабатывать собственный клочок земли и ухаживать за своими виноградниками.

Жена Фрамбера работала ничуть не меньше его. Ей надо было смотреть за детьми, кормить птицу, собирать яйца, пасти свиней, ткать, шить, красить ткань для плащей и туник, которые носили мужчины, а также для длинных, перехваченных поясом платьев для себя и дочерей. Тем не менее даже у крестьян были свои праздники и выходные. Они появились благодаря церкви, и Карл Великий издал закон, по которому воскресенье назначалось днем отдыха. В 827 году сын Карла Великого подтвердил право на выходной день: «Следуя слову Господа, мы повелеваем... что по воскресеньям не выполняются никакие низкие работы: пахота, уборка зерна, молотьба, работа в карьерах и строительство домов. Не должен также человек работать в саду, ходить в суд или охотиться. Однако в воскресенье разрешается двигаться к войску, возить еду либо (при необходимости) сопровождать тело господина к могиле. Женщины не должны ткать и шить одежду, прясть шерсть, изготавливать пеньку, принародно стирать белье или стричь овец; в этот день они могут отдыхать. Но повелеваем им всем собираться на мессу в церковь».

И все же иногда, в праздники, Фрамбер и его товарищи навлекали на себя осуждение церкви. Они любили петь и танцевать, и их веселье и развлечения часто граничили с бес-

стыдством и святотатством; их песни были грубыми и иногда богохульными - как наследие языческих времен. Да и плясали они иногда не только в церковном дворе, но и в самой церкви, даже когда шла служба. В одной епархии священник запретил танцы в церкви по церковным праздникам. Но в другом приходе «некоторые молодые люди имели привычку въезжать в церковь на деревянных лошадках и плясать в масках и «маскарадных» костюмах. Один молодой человек отказался прекратить эту забаву. Когда он однажды ворвался на своем деревянном коне в церковь, где вся паства была погружена в молитву, на самом пороге церкви его охватило и поглотило пламя».

Но конечно, не танцы были самым страшным из прегрешений, ведь в некоторых местах население по-прежнему практиковало жертвоприношения. Особенно это касалось тех регионов, которые, как Саксония, были завоеваны совсем недавно и где население насильно обратили в христианство. Священники жаловались, что везде из народных песен торчали «дьявольские рога». Тем не менее Фрамбер и подобные ему находили себе и более безобидные развлечения. Были весьма популярны пивные, особенно когда туда заходили странствующие менестрели, которые развлекали публику песнями и балладами о подвигах франкских героев. (Сам Карл Великий с большим удовольствием слушал эти баллады и имел тексты многих легенд варваров и даже древних сказаний, чтобы иметь возможность на досуге освежить их в памяти.)

Однако Фрамбер и люди, жившие в относительной близости от Парижа, всегда с нетерпением ждали приближения главного месяца в году. Это было время ежегодной большой ярмарки Сен-Дени, которая проходила у внешних ворот города в течение всего октября, «чтобы все купцы из Италии, Испании, Прованса и других стран могли посетить ее».

В одном из наставлений своим управляющим Карл Великий повелевал им всячески препятствовать «посещению его работниками всяческих ярмарок и рынков».

Рис. 6. Сбор урожая

Рис. 7. Танцовщик и жонглер

Однако Фрамбер и ему подобные умудрялись ускользнуть от зоркого взора управляющего и отправиться с женами и детьми в Париж, где могли потратить свою серебряную монетку, заработанную тяжелым трудом, на развлечения на ярмарке в Сен-Дени (рис. 21).

Они с восторгом взирали на прилавки с венецианскими товарами, на горы фазаньих перьев, на богатые шелка и тонко выделанную кожу. Дети с жадностью глядели на игрушечных обезьянок и горы сладостей, сделанных в виде поросят и котят. Однако больше всего крестьян забавлял фокусник, который глотал огонь или шпагу, веселые шутки клоунов и жонглеров и неуклюжие «танцы» голодного и неопрятного медведя. В конце дня Фрамбер с друзьями направлялись домой, чтобы на следующий день вернуться к утомительному труду. Один раннеевропейский писатель спросил бедного пахаря: «Твоя работа очень тяжела?» - «Да, - ответил он, - очень тяжела». С этими словами, без сомнения, согласились бы все средневековые Фрамберы.

Однако не только крестьяне имели основания жаловаться на тяжелую долю в королевстве Карла. Ведь король не только старался истребить язычество на границах, он еще и вел постоянную борьбу с невежеством в своих владениях - к огорчению, без сомнения, многих церковников и монахов, которые часто были плохо или вообще необразованны.

В своем знаменитом письме к аббату Баугульфу король писал: «Жизненно необходимо, чтобы монастыри и епископства не только совершенствовали монастырскую жизнь, но и проявляли рвение в изучении культуры письма...

Тем не менее последнее время, когда мы получали письма из монастырей с сообщениями о том, что их обитатели от нашего имени возносили молитвы Господу, мы заметили, что в большинстве писем правильные мысли были выражены весьма неуклюжим слогом; мысли, рожденные благочестием и верой, излагались необразованным, невежественным языком: то, что вера диктовала уму, язык, пренебрегавший учебой, был не в состоянии выразить без ошибок...

Поэтому мы призываем вас не пренебрегать изучением письма. Для этой работы должны быть отобраны такие люди, у которых есть желание и способность учить, а также стремление быть примером другим. И пусть они это делают с тем же рвением, с каким мы пишем этот указ».

В 780-х годах Карл пригласил к своему двору многочисленных ученых, в которых сочеталась ученость и желание учить других. С их помощью он организовал во дворце школу, где учились его сыновья и другие молодые люди. Примерно в 782 году эту школу возглавили Павел Дьякон и его коллеги. Среди них были теолог Паулиний Аквилейский и грамматист Петр Пизанский. Однако с 782-го по 796 год вдохновителем и главным идеологом этой школы был Алкуин из Нортумбрии - талантливый ученый и писатель из Англии.

Он преимущественно обучал через диалоги. В одном из таких диалогов молодой принц Пипин задает вопросы, а Алкуин отвечает на них.

П и п и н. Что есть жизнь?

А л к у и н. Радость для благословенных, печаль для грешников, ожидание смерти.

П и п и н. Что есть смерть?

А л к у и н. Неизбежное событие, путешествие без цели, слезы живущих, утверждение Завета, кража человека.

В Средние века разгадывание головоломок использовалось и как форма обучения для тренировки ума, и как развлечение. В следующем диалоге Алкуин ставит перед Пипином задачу.

А л к у и н. Поскольку вы - человек с хорошими способностями и природными талантами, я загадаю вам несколько загадок.

Я видел, как мертвое рождает живое, а затем мертвое уничтожается дыханием живого.

П и п и н. Если потереть друг о друга две палки, разгорится огонь, который сжигает их.

Диалоги, в которых принимал участие сам Карл, обычно носили более глубокий характер.

К а р л. Раскрой мне природу справедливости.

А л к у и н. Справедливость - это состояние ума, которое определяет истинную ценность каждой вещи. В ней сохраняются культ божественного, права человечества и состояние равновесия жизни.

К а р л. Расскажи мне о ее составных частях.

И Алкуин делает это.

Во многих школах эпохи Каролингов учащиеся специализировались на чтении либо на пении или на письме. В результате некоторые школы становились известны своей музыкой или высоким качеством книг, которые в них переписывали. Школа в Метце отличалась первым, а школы в Туре, Флери и Лионе - искусством каллиграфии. Хотя в королевстве Карла не было глубоко разработанной системы начального образования, тем не менее отдельные епископы, по призыву короля, организовывали в своих епархиях сельские школы. Любой христианин мог отправить детей в такую школу, где их бесплатно обучал грамоте местный священник. После смерти Карла, в тот ужасный период, когда созданная им империя распалась на множество частей, эти очаги образования постепенно потухли. Однако в церковных и монастырских школах искры просвещения продолжали тлеть. Любовь к книгам, столь усиленно пропагандируемая Карлом, также не исчезла с его смертью. В любом монастыре сохранились условия для переписывания рукописных манускриптов. При Карле в крупных монастырях работало столько писцов, что их скриптории могли выпускать книги в количестве, достаточном не только для собственных библиотек, но и для других монастырей. Библиотечные списки и дошедшие до нас рукописные тексты свидетельствуют, что при Каролингах собрания книг включали в себя большое количество рукописей как христианского, так и языческого содержания.

В одну из своих поэм Алкуин включил краткое описание книг, хранившихся в кафедральной библиотеке в Йорке. Среди этих книг были не только произведения Отцов Церкви и поэмы христианских писателей, но также работы языческих авторов: поэтические сочинения Вергилия, Стация и Лукана, отрывки из прозы Цицерона, Плиния Старшего, Аристотеля и Помпея Мавра, африканца, который в XI веке написал комментарии к грамматике Доната.

Во Франции IX века богатыми собраниями книг могли похвастаться библиотеки Корби, Тура и Лиона. Многие книги, ранее находившиеся в Корби, позже попали в Сен-Жермен и теперь находятся в Национальной библиотеке Парижа. В кафедральной библиотеке Лиона также сохранилось несколько древних манускриптов.

В VIII и IX веках появлялись библиотеки на территории нынешних Германии и Швейцарии. Из-под руки писцов Кельна и Майнца вышли рукописи, сохранившиеся до наших дней. В Вюрцбурге также можно видеть манускрипты, созданные или собранные первыми христианскими монахами. В каталоге знаменитой библиотеки Лорша в Гессе значатся почти 600 работ как религиозного, так и классического содержания. Среди них труды по грамматике, риторике и метрике, которые использовались учителями монастырской школы.

Из примечания, сделанного Винитарием, монахом монастыря Святого Галена, что в Швейцарии, видно, каких усилий и затрат стоило создание рукописных книг. Он лично создал шесть манускриптов (целиком или частично) и в конце одного из них написал следующее:

«Здесь заканчивается книга, которую переписал Винитарий, грешник и священник, незаслуженно благословенный. С Божьей помощью он собственноручно завершил эту работу; в ней нет ни одной страницы, к которой он не приложил бы своих усилий, покупая или прося милостыню, и нет ни одной строчки, к которой он не приложил бы своей руки».

Созданные с такими усилиями манускрипты были ценным приобретением, и во многих мы видим строки, в которых содержится призыв к обладателям относиться к ним с великой аккуратностью, а также проклятия вора, которые посягнут на них. В списке IX века работы Ювеналия мы находим призыв к силам небесным покарать всякого, кто поднимет руку на этот манускрипт.

Еще один писец в более сдержанных выражениях умолял читателя «переворачивать страницы со всей осторожностью, мыть руки перед тем, как взять книгу, и не класть ее к

себе на колени». Именно усилиям монахов и ученых так называемых «темных веков» мы обязаны тем, что до нас дошли эти бесценные шедевры.

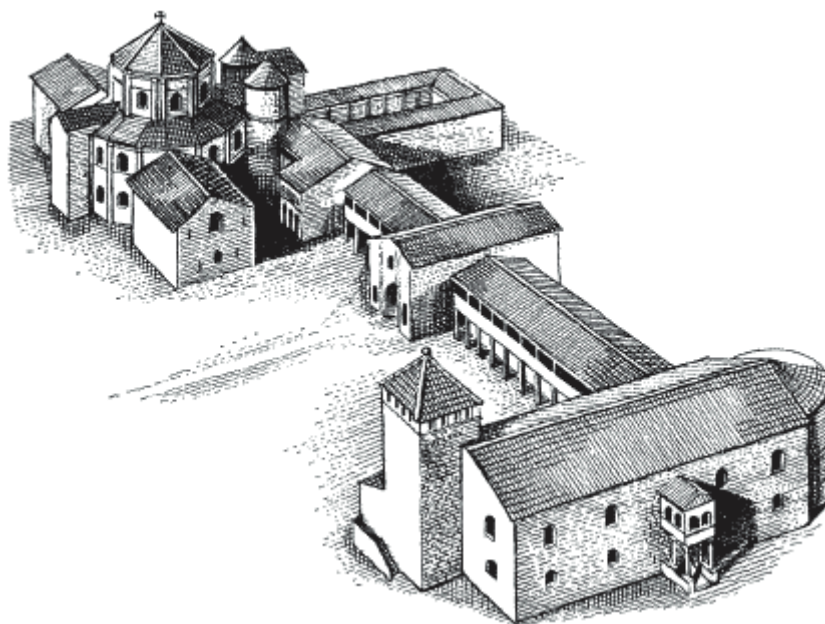

Рис. 8. Реконструкция дворца Карла Великого в Аахене

В эпоху Карла Великого развивались и другие виды искусства, в особенности - архитектура. В Ингельхайме и Аахене были построены огромные дворцы, однако Карл направил всю свою страсть, деньги и таланты на строительство церквей. Красивейшей из них была базилика Девы Марии в Аахене. Массивного вида, с совершенными пропорциями, украшенная великолепными колоннами, мрамором и мозаикой, она стала одним из прекраснейших произведений архитектуры западного христианского мира. Ее канделябры были отделаны золотом и серебром, многочисленные двери и перила - сверкающей латунью, купола крыши - чистым золотом.

Фрагмент этого сооружения сохранился в современном здании базилики. Восьмиугольник, похожий на церковь Сен-Витале в Равенне, 50 футов в диаметре и окруженный шестнадцатисторонней галереей, увенчанный куполом, - этот собор до сих пор считается одним из наиболее примечательных памятников ранней христианской архитектуры. Часть сводов, верхняя галерея и мраморные и гранитные колонны относятся к эпохе Карла Великого. Там же находится каменный императорский трон, который был обнаружен германским императором Оттоном III и который для королей Западной Европы стал символом империи и королевского величия. Первоначально базилика была соединена с королевским дворцом галереей, на которой возвышалась конная статуя Теодориха, привезенная из Равенны. На одном из рисунков древнего манускрипта, принадлежавшего руке самого Карла, мы видим его самого в королевской мантии и короне, держащего миниатюрную модель базилики и башни Девы Марии с бронзовым орлом, распростершим свои крылья над прилегающим дворцом.

Церковь Святого Рикера была построена под непосредственным руководством Карла. На ее возведение он и его семья, а также крупнейшие землевладельцы пожертвовали огромное количество золота и серебра на алтари, золотые и серебряные диски, потиры, церковные чаши, кресты и сотни богато украшенных одеяний священнослужителей. И дворцы, и церкви отличались пышным убранством, настенными росписями, бронзовыми колоннами и балюстрадами, выполненные в отличном вкусе.

Одновременно с расцветом архитектуры шло развитие книжной миниатюры. Новые художники (зачастую прибывшие из Византии) привнесли в это искусство абсолютно новые идеи. Одна из книг Завета, выполненная ими, до сих пор находится в Аахене. Страница,

на которой четыре евангелиста составляют свои писания в окружении гор и застывших деревьев на фоне закатного неба, является удивительным произведением искусства.

Однако надежда на дальнейшее развитие искусства и культуры, а также укрепление христианской империи была недолгой: ее прервала не только смерть Карла, но и новые набеги сарацин с юга, скандинавов с севера и венгров с востока. В течение следующих полутора веков европейская христианская цивилизация должна была бороться за свое существование.

Глава 2

Феодалы и вассалы

Примерно через полвека после смерти Карла Великого его империя по Мерсенскому договору 870 года оказалась разделенной на три части. Из этих трех королевств (Восточно-Франкского, Западно-Франкского и Итальянского) позднее возникли мощные современные государства (см. карту). Однако в течение многих веков ни одному правителю не удавалось обрести достаточно сильную власть, которая могла бы оказать сопротивление новым набегам варваров или обуздать междоусобные распри внутри страны. Фактически именно они - графы, епископы и другие крупные землевладельцы - строили мощные крепости, из которых отражали вторжения на свои земли или вели войны против соседей. Для этого у них были собственные армии, собранные из многочисленных вассалов, которые были готовы прийти под их знамена по первому требованию.

Рис. 9. Символическое изображение обряда принесения вассальской клятвы

На рисунке XIV века (рис. 9) мы видим одного из таких вассалов или арендаторов феодала с пятью руками. Две его руки, сложенные вместе, вложены в руки сидящего перед ним господина. Еще одна рука, указывающая на него самого, означает, что он - «человек» своего господина. Двумя оставшимися руками он указывает на хлебное поле, символизирующее его «лот», или землю, за пользование которой он в присутствии двора отдает себя в вассальную зависимость от хозяина. Это был своеобразный обряд, посредством которого человек объявлял, что он стал «человеком» другого. Эта церемония - оммаж - была одним из самых важных обрядов, совершаемых в период, когда в Европе процветали феодалные отношения. Истоки этого обряда частично можно обнаружить у поздних римлян и германцев, когда люди отдавали себя под защиту и покровительство человека более сильного и богатого, чем они сами. В IX веке мы видим, как такой человек, оставшийся без средств к существованию, обращается к некоему могущественному господину:

«Поскольку всем без исключения известно, что я не в состоянии прокормить и обеспечить себя одеждой, я воззвал к вашему состраданию, и вы великодушно дали мне дозволение отдать себя под вашу власть и покровительство... вы обязались защищать меня и обеспечивать меня едой и одеждой, а я обязался служить вам по мере сил моих. И пока я жив, я обязан служить вам и уважать вас, как это положено любому свободному человеку,

и в течение всей своей жизни я не имею права уйти из-под вашей власти и покровительства, но, напротив, обязуюсь до конца своих дней оставаться под таковыми.

И если один из нас пожелает изменить положения этого договора, он может сделать это, уплатив другому штраф в 10 солидов. Однако сам договор останется в силе. И поскольку этот договор кажется нам справедливым, то мы изложим его в письменном виде в двух экземплярах и скрепим своими подписями. И так тому и быть».

Обязательства, подобные этому, были введены в практику еще до VIII века, однако коммундация и другие феодальные институты получили свое самое полное развитие между X и XIII веками. Но даже и тогда эти институты были различными в разных частях Европы, а хозяйства и землевладения, свободные от всех арендных плат и обязательств, были разбросаны среди феодальных поместий.

Несмотря на все разнообразие форм, вполне возможно нарисовать некую обобщенную картину того, какие отношения существовали между феодалами и их вассалами, и того, на какой основе они управляли своими ленами. Однако не стоит забывать, что в каждой отдельно взятой стране и в каждом отдельно взятом регионе развитие феодализма имело свои особенности.

В период распада империи Каролингов и разрухи, вызванной бесконечными набегами скандинавов, мадьяр и сарацин, внешнеторговые связи разрушились и все то золото, которое еще оставалось в западном христианском мире, перетекло в сундуки мусульман или византийцев. Тогда основной формой и признаком богатства стала земля, а не золото. Те, у кого была земля, имели возможность накапливать военную и политическую мощь, поскольку на земле человек мог выращивать продукты питания; на ней можно было расселить людей, которые бы служили и защищали своего хозяина. В эти тревожные времена свободные люди снова стали отдавать себя во власть богатых землевладельцев по своей собственной воле: им нужна была защита и покровительство сильного феодала. В 1117 году современник описал то, как вассалы убитого графа Фландрского поспешили перейти под сильную руку его преемника графа Вильгельма Клито:

«Сначала они принесли вассальную присягу следующим образом. Граф спрашивал у своего будущего вассала, хочет ли он без сомнений быть его «человеком», и тот говорил: «Да, я желаю». Затем он вкладывал свои сложенные руки в руки своего господина, и они обменивались поцелуями. Во-вторых, новоявленный вассал выражал свою преданность хозяину следующими словами: «Клянусь своей честью, что с этого времени я всегда буду хранить верность графу Вильгельму и без обмана и колебаний буду верен своей вассальной присяге, данной ему». В-третьих, он приносил еще одну клятву над мощами святых».

Поцелуй не был неотъемлемой составной частью вассальской присяги, но он символизировал тот факт, что и феодал, и его вассал поддерживают между собой дружеские отношения и в их вассальских отношениях нет ничего предосудительного. В Германии, где главы больших семейств неохотно связывали себя, как они считали, узами рабства или столь же неохотно признавали, что в дружбе они равны со своими вассалами, поцелуй как знак равенства между феодалами и вассалами скоро прекратил свое существование.

Вассал должен был оказывать своему господину различные услуги; если он принадлежал к знатному роду, то это были в основном услуги военного характера. На раннем этапе вассалы жили в крепости своего хозяина, которая представляла собой замок с двором, окруженным рвом. В ИЗО году современник так описал приезд епископа Теренского в средневековый замок Мерхем возле Дисмюда:

«Возле церковного дворика возвышалось укрепление, построенное хозяином поместья много лет назад в соответствии с традициями этой страны. Обычно богатые люди и дворяне тех мест насыпали высоченную гору земли и окружали ее глубоким, широким открытым рвом. Ведь в основном они вели бесконечные войны, чтобы умножить свое могущество, победив равных себе или забрав у них их вассалов. Верхняя часть насыпи была укреплена толстой стеной из бревен, накрепко соединенных между собой. Внутри рва и крепостной стены находился дом или, скорее, настоящая крепость, которая была центром всей

постройки. К воротам можно было подойти только через мост, который начинался на краю внешнего края рва и заканчивался возле входа в замок».

Епископ, закончив службу в церкви, вернулся к крепости, чтобы переодеться. На мосту собрались жители замка, чтобы поглядеть на него. Дополнительный вес епископа и его свиты был больше, чем мог выдержать мост. Он с треском рухнул вниз, увлекая за собой всех находившихся на нем - и мирян, и церковников.

Должно быть, жизнь в такой военизированной крепости была очень тяжелой. Ламбер из Ардре так описывает внутреннее убранство средневекового замка в его родном городе в 1117 году: «Арнольд из Ардре построил на земляной насыпи деревянный дом, превосходящий все дома Фландрии как по качеству материала, так и по мастерству плотников. На первом этаже были сложены огромные ящики, бочки и другая домашняя утварь. На верхних этажах были жилые помещения и большая комната, где спали хозяин и хозяйка. В глубине этой комнаты была небольшая потаенная комната, где по утрам, или вечерам, или во время болезни, или кровопускания, или для того, чтобы согреть беременных или грудных детей, разжигался камин. На самом верхнем этаже были чердачные помещения, где на одной стороне спали сыновья, а на другой - дочери. Здесь же временами попеременно спали часовые. Дом соединялся с кухней - двухэтажной пристройкой к дому - лестницами и переходами. Лестницы также вели из дома на балкон, где обитатели дома часто сидели и разговаривали, а оттуда - в молельню».

Во дворовых постройках располагались конюшни, казармы с отдельными кухнями и мастерские.

Фальк де Нерра, граф Анжуйский (987-1040), который укрепил могущество своей семьи, был типичным феодалом - властным и жестоким. Он был пионером в строительстве каменных крепостей. Крепость, построенная им в Ланже (994-995), даже сейчас символизирует жестокость Фалька, его железную волю и стремление удержать накопленное. В следующие четыре века замки стали возводить по более сложным планам, подобно Шато-Гайяру, построенному в Нормандии Ричардом I в XIII веке. Этот замок имел три двора - внешний, промежуточный и внутренний. Все они были обнесены укрепленными стенами с башнями, стоявшими друг от друга на равном расстоянии, и внешним рвом. Внутренний двор Шато-Гайяра был окружен собственным рвом и располагался на высоком каменном уступе, чтобы обеспечить максимальную безопасность главной башни и сделать ее практически неприступной. Эта укрепленная башня служила последним оплотом защитников крепости, если врагам удавалось занять внутренние дворы. Входы в замок имели собственные оборонительные башни, разводной мост, который можно было в нужный момент поднимать и опускать, и опускающуюся решетку, которая загораживала дорогу внутрь. Такие крепости, если они не принадлежали самому королю или его сторонникам, могли представлять собой опасность для власти правителя; они также служили военным плацдармом, откуда крупные феодалы могли вести друг с другом бесконечные войны.

В те века хаоса и постоянных войн любому честолюбивому феодалу, желающему укрепить или удержать свою власть, необходимо было иметь собственную сильную армию, состоящую как из рыцарей, так и простых воинов. Чтобы привлечь к себе на службу, короли, герцоги и менее крупные феодалы в награду за службу выделяли своим слугам лены. Обычно это были поместья площадью от нескольких до тысячи и более акров. Такие лены могли раздаваться вассалам как самим королем, так и настоятелем монастыря или мирянином, причем даже не очень высокого уровня. Также вассалы могли в качестве награды получать право собирать налоги и пошлины, чеканить монету и отправлять правосудие, занимать должности управляющего, казначея и т. д. В XII веке ленами стали даже денежные выплаты. Затем появились вассалы, которые соглашались служить своему господину во время военных действий за право носить кольчугу. Некоторые должны были служить стражниками; другие - оказывать финансовую помощь, в то время как феодал зачастую имел право заключать браки и брать под опеку детей своих вассалов. Вообще, лены

даровались на самых разных условиях, некоторые из которых бывали довольно обременительны.

Рис. 10. Разрушенная крепость в Ланже

Помимо ленных земель имелись также поместья и хозяйства, которыми владели свободные люди, не имеющие никаких обязательств перед феодалами. Иногда эта свободно отчуждаемая земельная собственность передавалась ее владельцами другим лицам по самым разным причинам, а затем возвращалась им в виде ленов. В 1071 году Робер Фризийский захватил графство Эно, убив молодого графа Арнульфа III. Мать Арнульфа, вдовствующая графиня Рихальда, решила сместить узурпатора и посадить на его место младшего сына Болдуина. Для этого она «продала свои свободно отчуждаемые земли в Эно епископу Льежскому. На вырученные деньги она намеревалась нанять наемников для борьбы с Роббером. Епископ Теодуин с радостью купил у нее эти земли. Он передал их Рихальде в виде лена и заплатил за них хорошие деньги».

Когда лен даровался вассалу, это сопровождалось символическим ритуалом. Вообще, в Средние века люди редко мыслили абстрактными категориями. Какое бы событие ни происходило - от коронации монарха до освобождения крепостного, - оно сопровождалось определенными действиями, происходившими в присутствии других людей. В годы, когда письменные контакты не были столь распространены, это помогало запечатлеть событие в памяти людей, которые впоследствии могли засвидетельствовать, когда и где состоялся обряд крещения, бракосочетания или когда состоялся акт передачи земель завоевателю.

После принесения вассальской присяги шло введение во владение собственностью. Только в Северной Италии человек вступал во владение леном, прежде чем приносил присягу верности своему феодалу. В поэме XII века описывается введение вассала во владение Карлом Великим:

Бернар из Мондидье предстал пред королем
И преклонил колена перед ним.
Король, поцеловав его, велел ему подняться.
И знак вручил ему владения земель.

Иногда в знак владения землей вассалу вручали горсть земли, пучок колосьев, знамя или пику; это были символы того, что он вступил во владение землей. Однако в XIII веке во Франции, Англии и Фландрии распространился другой обычай, в соответствии с которым феодал вручал своему вассалу грамоту, в которой было указано, что в отношении определенного лена совершены акты принесения вассальской присяги и инвеституры. Иногда вассал давал своему господину документ, в котором была зафиксирована заключенная сделка. В 1228 году в одном из таких документов говорилось: «Мессир д'Эстенвиль принес вассальскую клятву Вильгельму, епископу Парижскому, за то, чем он владеет из его

собственности возле Сен-Круа, что недалеко от Сен-Дени, и он обязуется в течение 40 дней составить список всей собственности, находящейся в его управлении».

Рис. 11. Введение в собственность посредством передачи флага

Подобного рода формальности, однако, не мешали развитию нормальных человеческих отношений между вассалом и его господином. Помимо оказания услуг военного характера, вассал зачастую исполнял роль советника. По праздничным дням его призывали в замок феодала, и там дворянство развлекалось. Сохранилось множество описаний этих больших торжественных приемов. Там были феодалы с женами в роскошных парчовых, бархатных и шелковых одеждах, землевладельцы и их юные дочери в расшитых золотом платьях. Мы слышим звук труб, призывающий собравшихся к обеду в большом просторном зале, где пиршество будет длиться несколько часов. Мы слышим пение менестрелей, поющих о любви и сражениях:

О Роза, взгляни на эту розу
И посмотри с улыбкой.
А в смехе радостном твоём
Услышу птичье пенье.
Возьми же эту розу.
Она - цветок любви,
Ее волшебной красотой
Навеки я сражен.

И вот уже все перемешалось: появились шуты и скоморохи, началась раздача подарков вассалам: лошадей, оружия и одежды. Возможно, на следующее утро феодал собирал своих ближайших советников, чтобы «вершить правосудие... помогать униженным»; затем, возможно, следовало обсуждение вопросов управления поместьем, может быть, о желательности вырубки леса - но более вероятно, что они оживленно обсуждали предстоящую военную кампанию.

Одной из главных добродетелей Средневековья была верность своему господину; действительно, связь между вассалом и феодалом была столь же прочной, как и кровные узы. Фридрих Барбаросса повелел в Германии, что бунтари (или разбойники), нашедшие убежище в замке, должны быть отданы в руки правосудия, если только они не были «господином, вассалом или родственником» владельца замка. Обычай посылать детей на воспитание в замок феодала обычно укреплял дружеские узы, существовавшие между вассалом и феодалом. У нас есть очень живописное описание жизни мальчика Гарнье в доме Карла Великого:

Когда король идет в леса,
Идет с ним и малыш;
Он носит шпоры короля
И даже его лук.
Когда с охоты мчится Карл,
Малыш всегда при нем;
И держит на руке малыш
Он сокола всегда;
Когда король уходит спать,
Малыш опять при нем
И песни сладкие поет
О прошлом, о былом.

Роман «Галеран» рисует нам еще одного молодого человека, которого после двух лет службы у герцога посвятили в рыцарское звание. Дело в том, что вооруженные конные рыцари были краеугольным камнем раннефеодального общества. Они играли столь большую роль, что церковь с самого начала благословила рыцарство, и всеми без исключения признавалось, что «рыцари должны почитаться выше других людей, за исключением священников». Со временем рыцарство переросло в особую военную касту, хотя сначала любой рыцарь мог посвятить в рыцари другого человека. Однако в 1119 году, когда для похода на Святую землю был создан орден рыцарей-тамплиеров, он был поделен на рыцарей, которые носили белые одежды и плащи с красным крестом, и «сержантов», чьи белые плащи контрастировали с их коричневой формой. Судя по всему, не существовало никаких строгих правил относительно того, какими умениями должен обладать рыцарь, чтобы перейти в более высокий рыцарский ранг.

Однако к 1250 году, чтобы стать членом высшей иерархии ордена тамплиеров, было уже необходимо не только быть рыцарем, но и «сыном рыцаря или потомком рыцаря по отцовской линии».

Эта попытка исключить из числа рыцарей людей, не имевших рыцарских корней, предпринималась не только орденом тамплиеров. Однако она оказалась безуспешной. К XIII веку относится презабавная история о трех рыцарях, которые, желая начать некую кампанию, для которой им требовался четвертый рыцарь, схватили проходящего мимо крестьянина, заставили его встать на колени и со словами «Будь же ты теперь рыцарем!» увлекли его за собой в свое предприятие. Это незаконное действие повлекло за собой наказание - крупный штраф, поскольку к этому времени только король мог посвятить в рыцарское звание человека нерыцарского происхождения.

Постепенно сформировалась сложная церемония посвящения в рыцари с соответствующими символическими обрядами. В XI веке для посвящения было достаточно, чтобы старейший рыцарь протянул посвященному меч и ладонью нанес ему удар по лицу и по шее. Затем новоиспеченный рыцарь должен был вскочить на коня с пикой в руке и метнуть ее в столб или щит, висевший на столбе, чтобы проявить свое мастерство наездника и воина.

Однако к 1150 году церковь решила ввести военные действия в «правильное русло». Кандидат в рыцари приносил свой меч священнику, который возлагал его на алтарь, и над мечом произносились молитвы. В молитве XIII века делается попытка ограничить применение меча случаями, когда это «справедливо и правильно»:

«Господь пресвятой и всемогущий... Ты, Который дозволил на земле использовать меч, чтобы покарать зло и отстоять справедливость; Ты, Кто защиты людей своих ради решил учредить орден рыцарей... Слуга Твой, стоящий перед Тобой, открыл свое сердце добру, чтобы никогда не поднимать свой меч за несправедливое дело; но сделай так, чтобы он всегда мечом своим защищал Добро и Справедливость».

Рис. 12. Трубачи созывают на праздничный обед

В последующие века церемония посвящения в рыцари стала более сложной. У кандидата остригали волосы, и эта прическа, как тонзура монаха, символизировала его преданность Богу. Также иногда его окунали в купель и укладывали на постель, что символизировало чистоту и отдохновение праведного в раю. Надевая одежды трех цветов - белую, красную и черную - одну на другую, кандидат символизировал вступление в состояние чистоты, готовности умереть за дело Бога и смиренного принятия смерти. Вернувшись в свой замок, рыцарь также проходил через церемонию одевания. Галеран в одноименной поэме набрасывает кольчугу, сапоги и шлем. Поверх он надевает голубой плащ со своим гербом - двуглавым орлом. От самого герцога он получил правую шпору и великолепный меч с золотым эфесом и выгравированными буквами. Знаменитый рыцарь пристегнул этот меч к поясу Галерана, который на коленях принял меч из рук герцога как знак рыцарского звания со словами: «Рыцарь, Бог дарует тебе жизнь чести, чтобы в мыслях, словах и поступках ты был совершенным человеком». Затем герцогиня вручила ему щит с его гербовым орлом, и все вместе они отправились к мессе. После этого Галеран снял свои доспехи и надел богатые одежды из шелка, более подобающие грандиозному пиру. На следующий день он впервые участвовал в рыцарском турнире:

«Затем Галеран едет с караваном из 30 груженных лошадей и 10 исполинских верховых коней в Метц. Улицы полны рыцарей на боевых конях, горожан, несущих подарки женам, молодых людей, запускающих ястребов. Из окон свисают разноцветные знамена и щиты - стены украшены по-праздничному. Рынок полон: ювелиры нахваливают серебро и драгоценности, на прилавках выложены дичь, птица, рыба и самые разнообразные пряности. Циркачи забавляют народ своими львами, леопардами и медведями; повсюду бродят скрипачи и певцы, а поверх всего этого гвалта плывет колокольный перезвон городской церкви, наполняя воздух радостными звуками, воодушевляя новых рыцарей на подвиги».

Рис. 13. Символическое одевание и вооружение рыцаря

Очень часто в рыцари посвящали перед или после какого-то вооруженного конфликта. Филипп Справедливый вручил знаки рыцарского отличия мяснику за его храбрость в битве при Монпелье, и это несмотря на настойчивые попытки закрыть доступ в рыцарские ордена людям недворянского происхождения. Крестьянам было даже запрещено носить за рыцарем его оружие - меч и пику. Тем не менее в одном из стихотворений примерно 1160 года говорится: «О Бог! Как же плохо поступает доблестный воин, который делает простолюдина рыцарем!» Эти строки свидетельствуют о том, что крестьяне могли преодолеть пропасть, отделяющую их от рыцарских привилегий. Общепринятая точка зрения заключалась в том, что слуги и существовали-то лишь для удовлетворения потребностей двух высших сословий - воинов и тех, кто молится, поскольку, как указал Рамон Лалл, своими молитвами они помогали воинам:

«Так положено, чтобы мужики пахали и копали и упорно работали, чтобы земля давала урожай, благодаря которому будет жить рыцарь и его конь; а рыцарь, который скачет верхом и делает положенную господином работу, богатеет за счет того, что создается трудом и потом многих людей».

Рис. 14. Посвящение в рыцари на поле сражения

Но как же появился класс крепостных крестьян? Некоторые из них отказывались от статуса свободного человека в обмен на защиту и покровительство; однако, не имея возможности пополнить ряды воинов, они были вынуждены отдавать себя и свою землю (если она у них была) в обмен на еду, кров и одежду. Таким как раз был Вильгельм, брат Реджинальда, который в XI веке добровольно стал собственностью монахов в Мармутье, что близ Тура, - «во имя любви к Господу», как было сказано в договоре, а на деле ради чисто земных выгод:

«Пусть знают все, кто придет к нам, что один из наших людей - Вильгельм, брат Реджинальда, рожденный от свободных родителей, движимый любовью к Богу, - отдал себя в качестве крепостного монастырю Святого Мартина в Мармутье; и отдал он не только себя, но и всех своих потомков. Так что они будут служить монастырю и монахам как крепостные слуги. Чтобы этот дар был очевиден и понятен для всех, он повязал себе вокруг шеи веревку от колокола и положил четыре монетки со своей головы на алтарь Святого Мартина в знак признания своего крепостного состояния и предложил их всемогущему Господу. Нижеупомянутые являются свидетелями, поскольку они видели и слышали все, что происходило».

Вильгельм сделал крепостным не только себя, но и всех своих потомков. Действительно, свободные люди работали так же много, как и крепостные, платили столько же пошлин и выполняли столько же услуг, да и жили они зачастую в тех же условиях, что и крепостные. Практически все были связаны соответствующими обязательствами с выше- и нижестоящими. Даже арендаторы, имеющие рыцарское звание, получали вместе со своим поместьем по наследству и соответствующие обязательства. И они не могли избавиться от них или как-то уменьшить. Единственный выход был - отдать землю в последующую аренду. Монахи и крестоносцы использовали те же символы, что и Вильгельм, чтобы показать, что они стали слугами Бога. Сам папа носил титул «первый из слуг Божьих». Но

такие услуги не несли на себе никакой негативной печати. А вот потомки Вильгельма унаследовали положение презираемых.

Тем не менее без работы крепостных на господских землях вся сложная система средневекового сельского хозяйства, на которой строился феодализм, просто рухнула бы. Дело в том, что, хотя существовали еще и свободно отчуждаемые земли и независимые хозяйства, большая часть западного христианского мира была организована по манориальной системе. У феодала имелись земли, возделываемые работниками, которые жили на территории поместья. Это были и крепостные, и свободные крестьяне. Все произведенное на этих землях принадлежало феодалу. Крестьяне были обязаны выплачивать феодалу определенные суммы - деньгами или натурой. Например, один крепостной отдавал своему феодалу каждый год бушель пшеницы, восемнадцать снопов овса, три курицы и петуха и еще пять яиц на Пасху. Помимо этого он должен был работать на феодала три дня в неделю, за исключением Рождества, Пасхи и Троицы, когда ему выпадала свободная неделя. Условия, на которых работник владел своей землей, варьировались в зависимости от площади земельного участка. Крепостной также компенсировал феодалу право пользоваться его мельницей, давящей виноград, очагом и овчарней. Его дом и земля всегда находились под угрозой разорения в результате междоусобных войн; а урожай мог быть вытоптан хозяйской охотой или отравлен дикими животными. Хуже того, его собственность, пусть и теоретически, могла быть захвачена феодалом. Кроме этого, крепостной мог жениться только на женщине аналогичного статуса внутри своего феодала; к тому же он не мог уйти в монахи без разрешения господина. Он также должен был платить душевой налог - те самые четыре монетки, которые были на голове у «Вильгельма, брата Реджинальда». И все же самым тяжелым была печать презрения, лежавшая на крепостном. Тем не менее его положение было значительно лучше, чем положение раба. Он не был вещью, у него были определенные права, и, хотя он был привязан к своему господину «от макушек до пяток», он не был привязан к земле.

Рис. 15. Водяная мельница с сетями для угрей

В XI веке беспрецедентное развитие Европы дало крепостным возможность выйти из своего подневольного состояния. Новые методы обработки земли дали возможность начать освоение заброшенных земель. Это было жизненно необходимо из-за роста населения, который одновременно обеспечивал рабочую силу для обработки новых земель. Использование утяжеленного плуга с железным наконечником, который глубоко врезался в землю, увеличило урожайность земли. Изобретение жесткого хомута и упряжи, при которой животные двигались друг за другом, высвободило множество рабочих рук, которых раньше категорически не хватало, и к тому же позволило перевозить более тяжелые грузы. Благоприятные условия аренды вновь осваиваемых земель, которые вынуждены стали предлагать и хозяева старых - если только они не хотели, чтобы крестьяне покинули их, - должны были создать новые привилегии и снять самый тяжелый груз с работников.

Мы видим все это на примере франкской семьи, приехавшей осваивать новые земли возле Сарты, где местный граф был рад принять новых колонистов. Робер Графар хотел создать хозяйство на земле, которая лежала далеко за пределами границы недавно построенного города. К счастью, у него были помощники - жена и двое сыновей. Даже если бы до этого у него был статус крепостного, теперь он мог сделаться свободным человеком и

даже договориться с графом относительно того, что должен платить и какие услуги оказывать. Он мог договориться с феодалом, что тот выделит ему пару быков для пахоты, и, если повезет, получить несколько клочков плодородной земли для выращивания пшеницы. Но в первую очередь Роберу надо было свести деревья и на освободившемся месте построить дом. После этого он разбил огород, где можно было выращивать бобы, фасоль, коноплю и другие овощи. На лугу росла трава для скота, а право рубить деревья в графском лесу обеспечивало его строительным материалом для постройки хозяйственных помещений, заборов, а также для отопления дома. У него также было право пасти там свиней.

В это время стали бурно расти новые, независимые крестьянские хозяйства, а также небольшие городки, где бывшие крепостные могли стать свободными людьми. Зачастую управляющие поместьями, которые происходили из сословия слуг, пользовались сложившимися обстоятельствами и нехваткой рабочих рук, чтобы захватить земли своих хозяев. Так поступил и Жан, управляющий землями аббатства в Брабанте. Он перестал выплачивать арендную плату и объявил земли аббатства своими. Его сын Макариус пошел еще дальше. Укрепив свой дом и вооружив слуг, он так запугал аббата, что в 1146 году испуганный священник был вынужден дать имеющее юридическую силу распоряжение формально изменить социальный статус отца и сына. В Германии и Франции подобные случаи получили широкое распространение: ключники, управляющие, лесники и другие работники манориальных земель стали захватывать земли и деньги, которыми они раньше заведовали, и превратились в землевладельцев с собственными крепостными.

Иногда крепостной покупал себе свободу. По тем, еще весьма примитивным законам, освобождая крепостного, феодал должен был - при свидетелях - подвести его к открытой двери и вывести на дорогу. При помощи этих символических действий он освобождал крестьянина.

Увеличение торгового оборота пополнило сундуки крестьян и изменило условия жизни даже в отдаленных деревнях. К XIII веку торговля снова начала бурно развиваться. Венеция, как и другие порты, экспортировала зерно, масло, лес, фрукты, животных и мясо - то есть продукцию сельского хозяйства. Купцы и их агенты рыскали по труднодоступным регионам в поисках товаров на экспорт. В один из дней в июне 1236 года жители отдаленной горной деревушки Тессеро, что недалеко от Трента, наблюдали прибытие богатого купца - Коррадо из Ора - и его каравана. Они видели, как он спешил у дома Отто Грассо, итальянского землевладельца. В прохладной горнице собрались другие видные жители деревни, чтобы стать свидетелями сделки, в ходе которой в обмен на 200 веронских фунтов купец должен был получить от Грассо 500 мер зерна - ржи, пшеницы, бобов, проса. Это соглашение было заключено на несколько лет.

Точно так же флорентийские торговцы ездили в Апулию, чтобы закупать там сыр, другие - чтобы договориться «о поставке 20 сосновых бревен, заготовленных на берегу реки Авидо». Мы привели только три примера из бесчисленного числа таких же сделок. Однако за голыми цифрами скрывались торговцы, снующие по всей Европе, а за ними - крестьяне в отдаленных деревушках, на целинных и плодородных землях, которые пахали, сеяли, собирали урожай, ткали, пасли и стригли овец, делали ткани, валили и сплавляли деревья, охотились на зверя и птицу. В результате на свет народилась новая Европа. На вновь появившиеся деньги стали возводиться грандиозные церкви и дворцы, библиотеки, университеты, больницы, города. Часть этого богатства (пусть не очень большая, но важная) шла крестьянам, которые на эти деньги могли купить себе свободу, заплатить за образование сыновей, собрать приданое дочерям, открыть дверь в новую жизнь и дать новый социальный статус потомкам Вильгельма, брата Реджинальда, который двести лет назад надел себе на шею веревку. Развитие торговли повлекло за собой изменения и в высших слоях общества. До VII века владение землей было в основном прерогативой дворянства, однако теперь в Италии и Фландрии крупные торговцы сформировали новый класс городских патрициев, которые начали постепенно вытеснять феодалов. Они восприняли их манеры и образ жизни, приобретя многие поместья.

Рис. 16. Вьючная лошадь (Германия)

Один из итальянских купцов средней руки Франческо Датини оставил потомкам массу писем и отчетов, которые проливают свет на его жизнь и деятельность. Хотя он унаследовал большое поместье от семьи жены, ему доставляло удовольствие покупать участки земли возле своей родины Прато. На главной ферме трудилось два работника, имелась конюшня с лошадьми и осликами, рига и башня с голубятней. Датини построил для своих работников новые дома, против чего резко возражали его друзья: «Если они будут жить в домах, годящихся для ремесленников, то умрут от духоты». Тем не менее и один из тех же друзей продемонстрировал гуманное отношение к своим работникам. В письме к Датини он говорит:

«Я держал у себя Мокко (моего работника) много лет, хотя его сыновья подросли и Господь забрал их к себе, так что он у меня всегда был один. И он такой искусный пахарь и винодел, что я даже не знал, кем смогу заменить его... Но я нашел большую семью, которую хочу поселить на своей ферме. Моя трусливая и сострадательная душа не знает, как сказать Мокко: «Поищи себе другое место»... Сообщи мне в течение восьми - десяти дней, если ты возьмешь его».

Но не все итальянцы так беспокоились о своих крестьянах. К примеру, один итальянец в XIV веке в письме к другу-землевладельцу советовал ему как можно реже посещать свои земли и никогда не делать этого в праздничные дни, когда все работники собираются на молотильне: «Поскольку тогда они разгорячены вином и вооружены и с ними невозможно договориться. Каждый мнит себя королем и желает говорить, поскольку всю неделю им не с кем общаться, кроме скотины. Лучше ездить на их поля, когда они работают, - плуг, тяпка и лопата делают их робкими и униженными».

Двумя веками ранее некий Орфредо - юрист писал:

«Если рыцарь наедине с крестьянином - пусть даже он угрожает выколоть тому глаза, крестьянин не ответит; но если этих несчастных несколько, то они начнут кричать на него и даже попытаются стащить его с лошади. Когда они вместе, то готовы на любое преступление, но когда поодиночке - они покорнее кур».

Утомительная работа - все дни, за исключением церковных праздников, - и положение крепостного были не самым большим злом для крестьян. До XII века весьма распространенным явлением был голод, и один хронист пишет, что в самые страшные годы на базаре продавали даже человеческое мясо. В XIV веке крестьяне Франции и Италии больше всего страдали от бесконечных войн. В обеих странах хозяйничали банды наемников, наводившие ужас на мирных жителей. Самой «знаменитой» из них был «Белый отряд» сэра Джона Хоквуда. Узнав о приближении солдат, крестьяне собирали все, что можно было унести из своего и хозяйского добра, брали запас еды, сажали в повозки маленьких детей и, гоня перед собой скот, бежали в ближайший город, обнесенный крепостной стеной. Иногда, правда, бывало, что, пока крестьяне работали в поле, разбойники поджигали их дома и уводили их жен и детей. Хозяйство Датини в Иль-Пако оказалось под угрозой такого нападения в 1337 году. Купец писал из Флоренции своей жене:

«Проследи вместе с Барцалоне и Николо, чтобы все вещи из Иль-Пако были перевезены в Прато и чтобы ничего там не осталось, даже куска железа, потому что сейчас все в опасности. Сегодня вечером солдаты приблизились сюда на 12 миль. И еще привези как можно больше соломы и спрячь ее, где сочтешь нужным. Когда у скота не будет овса, он сможет продержаться на соломе».

Рис. 17. В битве при Креси альпийские лучники помогли победить тяжелую кавалерию и арбалетчиков французов

Чума и другие болезни были еще одним бичом крестьян, да и всего средневекового общества. С другой стороны, в середине XIV века «черная смерть», вызвав острейшую нехватку рабочих рук, помогла крестьянам выторговать для себя у феодалов лучшие условия работы и жизни. К этому времени феодалы и рыцари уже не играли такой важной роли в вооруженных силах. Их место заняли лучники и пехотинцы, которые не принадлежали к сословию землевладельцев и рыцарей, но которые доказали свое превосходство над ними на поле брани. Тем не менее класс феодалов и класс крепостных продолжали существовать. Даже в XVIII веке во Франции и Пруссии еще были крепостные. В целом, однако, положение работников значительно улучшилось. Средневековый поэт так выразил врожденную любовь человека к свободе:

Свобода - это благородство.
Свободен будь и будь любим.

Глава 3

Горожане и торговцы

Одним из факторов, способствовавших разрушению устоев феодального общества, было активное развитие торговли и, как результат, возрождение и расцвет городов в Западной Европе. Еще задолго до падения Рима торговля и города Римской империи переживали период упадка. Богатые патриции удалились в свои роскошные поместья, дававшие им все необходимое для жизни, в то время как в городах царил хаос и нищета. Население городов резко сократилось. В загородных усадьбах цивилизация и культура еще сохранились, но это положение было очень шатким. Нашествия варваров довершили уничтожение центров городской цивилизации.

К концу VI века различные племена варваров осели - франки и бургундцы заняли территорию нынешней Франции и долины Рейна, вестготы - Испанию, вандалы расселились на северном побережье Африки (рис. 18), а ломбардцы - в Северной Италии. Там еще сохранялись ранее великие города, и некоторые из них даже процветали благодаря уцелевшим торговым связям. В Северной Европе города, которые стали центрами крупных епископств, тоже демонстрировали вполне стабильное существование.

Рис. 18. Вандал, покидающий свой дом в Африке

В эпоху правления Константина Великого (323-353) епископ, действуя как главный магистрат, отправлявший правосудие и улаживающий конфликты, при помощи местного духовенства управлял своей епархией по образу и подобию Римской империи. Хотя короли династии Меровингов не были большими любителями городского образа жизни, обратившись в христианство, они посещали важные религиозные мероприятия в столицах различных епархий. Эти празднества, проводимые с большим размахом и пышностью, привлекали в города тысячи людей и тем способствовали их выживанию. Этому также помогало основание ранних монастырей за стенами многих городов. Когда умирали их благочестивые основатели, христиане отправлялись в паломничества к местам их захоронения. Такие города, как Тур, Реймс и некоторые другие, богатели, заботясь о нуждах верующих, которые приходили искать помощи или исцеления у мощей святого Мартина, святого Реми или святого Юлиана.

Несмотря на тревожные времена, некоторые города сумели сохранить и развивать древние ремесла. В Кельне сирийская община продолжала традиции производства стекла, и вообще, во многом благодаря именно предприимчивости восточных купцов и ремесленников, в Западной Европе все-таки не совсем заглохла торговля. Во внутренних провинциях Франции и Германии монополия на торговлю, судя по всему, была у евреев. Когда король Гунтрам вошел в Орлеан, приветственные крики на сирийском и еврейском языках чуть ли не заглушили добрую старую латынь. В период правления Меровингов и Каролингов именно выходцы с Востока занимали должности неготиантов - официально назначенных агентов, закупувавших товары для короля и его двора. Еврей Соломон был одним из купцов короля Дагобера, а Приск (тоже еврей) выполнял те же обязанности при короле Хильперике. При дворе Карла Великого тоже было много сирийцев и греков; с их помощью появи-

лась на свет исправленная версия четырех Евангелий. При Людовике Святом - сыне Карла Великого - официальные поставщики двора пользовались огромным доверием. Многие из них были евреями, и епископ Агобард упрекал короля за то, что тот благоволил к ним, говоря, что они были насильно обращены в христианство. Тем не менее именно они закупили для короля и его дворян предметы роскоши - специи, шелка и кружево с Востока - и более распространенные товары для мастерских и присутственных мест - бумагу, индиго, масло и т. д. После завоевания Африки, Испании и островов мусульманами французская морская торговля практически остановилась и воск, масло, пергамент и другие товары были заменены их аналогами с Востока.

В Лионе при Каролингах евреев было довольно много, и там открылось несколько синагог. Евреи также владели домами и землями, на которых работали рабы и которые давали им отличное вино. На деле евреев-торговцев во Франции было подавляющее большинство, и даже указы, касающиеся торговли, начинались со слов «евреям и другим купцам». Персидский ученый X века так описывает евреев IX века:

«Эти купцы говорят на арабском, персидском, греческом и латыни, франкском, испанском и славянском языках. Они путешествуют от крайнего запада до крайнего востока, по суше и по морю. С запада они везут евнухов, рабынь и рабов, кружева, шкуры диких животных, меха и мечи».

Он пишет, что они плывут с «франкского берега» (юг Италии и Франции). Они высаживаются в дельте Нила, в Сирии или Константинополе. Затем, «погрузив свои товары на спину верблюдов, они идут по суше к Красному морю или Персидскому заливу, где садятся на корабли, чтобы плыть в Индию или Китай».

Рис. 19. Франкская повозка X века

Существовало несколько сухопутных маршрутов из Испании через Северную Африку в Дамаск и далее в Багдад, Персию и Индию. Дорога позади Рима шла через земли славян в современную Россию и далее в Китай. Евреи путешествовали всеми этими маршрутами, поскольку, где была торговля, там были и евреи - в Праге, городе камней, где темнокожие южане платили за товары арабскими монетами, а одетые в шкуру прибалты товаром же платили за тюки тканей и мехов; в деревянных домиках на Волге, где хазар обратили в иудаизм и где еврейские купцы были всегда уверены в теплом приеме; в Самкарше, укрепленном поселении евреев на Азове; и на Востоке, где они основали банкирские дома, чтобы их братья в Западной Европе могли при необходимости ссужать деньгами королей Франции, Германии и Италии.

К VII веку появились первые купцы - авантюристы в Европе. Само из Зенона во время правления Дагобера ездил в Эсклавионию (Богемия), чтобы продавать там оружие и покупать рабов. Торговля оружием запрещалась франкскими законодателями, но это не останавливало Само. Впоследствии он так хорошо наладил отношения с вендами, одним из племен варваров, что стал их королем.

Фризийцы также были очень умелыми торговцами. Они жили на берегу моря и на островах к северу от устья Рейна. На их кораблях иногда путешествовали миссионеры, и в IX веке святой Аткарий делил с ними все тяготы путешествия в Шлезвиг, а оттуда - в Бирку, центр шведской торговли на Балтике, но вот только целью его было собирание душ, а не солидов. Фризийцы также торговали с Англией и, как англичане, использовали для торговли порт Квентовик (возле современного Этапля), через который те проникали в Европу. Руан и Амьен были городами, с которыми они вели торговлю. Они также регулярно посещали ярмарку в Сен-Дени возле Парижа, основанную Дагобером. Их корабли плавали вниз по Рейну, везя местным жителям вино и зерно и получая в обмен ткани и рыбу. Майнц был, вероятно, их главной торговой точкой, поскольку там собирались купцы со всех краев. Скандинавы также были исследователями, торговцами и, позже, разбойниками. Они добирались до Босфора на Востоке и Греции и Визландии (скорее всего, это остров Скатари) недалеко от побережья Новой Скотии.

В VIII и IX веках произошло восстановление торговых отношений с Ломбардией. Соль везли по реке По, а торговцы из Кремоны были вполне состоятельными людьми, чтобы иметь собственные лодки. Богатые монастыри Ломбардии также обустроили в Павии несколько келий, где продавали избыток своих продуктов проезжающим купцам и городскому населению. Купцы из Коммачо осуществляли навигацию в устье По в соответствии с королевским указом и загружали на свои живописные лодки соль, растительное масло и специи, завезенные с Востока византийскими купцами. Затем они отправляли эти товары во внутренние города Ломбардской долины.

Однако самой прибыльной и самой жестокой была торговля рабами. Многие из этих рабов были славянами, которые пришли из-за Эльбы, чтобы занять земли, освобожденные германскими народами. Торговля этими несчастными шла так активно, что латинское слово «slave» (раб) было заменено на «slav», первоначально означавшее «раса».

Христиане использовали труд рабов еще при империи: они продолжали делать это и после ее падения, в особенности на церковных землях. В 572 году епископ Манский передал аббатству Святого Винсента крупное поместье. Вместе с ним он передал и рабов - супружескую пару с маленьким ребенком, четырех рабов, двух рабынь и конюшего. В то время на таких же по размеру землях тоже работало по 10 рабов.

Рис. 20. Сценка на рынке тканей

Многие христиане были шокированы тем, какой размах приобрела торговля живыми людьми. В VII веке святой Элуа, министр короля Дагобера и очень богатый человек, покупал бриттов и саксов (рабов) оптом по 50-100 человек и давал им свободу. Большинство этих рабов были привезены фризийцами, для которых такой вид деятельности был регулярным источником дохода. Так, Беда Достопочтенный упоминает о фризийском работоторговце, который продавал 679 рабов в бытность в Лондоне.

Эти несчастные продавались и поодиночке. В 725 году Эрмедруда из Милана, «достойная женщина, дочь Лоренцо..», признается, что получила от Тонтоне, тоже весьма уважаемого человека, 12 золотых солидов за мальчика из племени галлов по имени Сатрелано (или известного под любым другим именем, каким его назовут). Она заявила, что она получила этого мальчика от отца в наследство.

Цена, заплаченная за мальчика, была меньше той, которую в то время давали за коня.

Церковь не особенно активно боролась с работорговлей, и в эпоху раннего Средневековья, случалось, продавали даже детей христиан. Однако постепенно на подобные вещи стали смотреть весьма неодобрительно, и впоследствии стала вестись торговля только детьми язычников. Однако папа Григорий I запретил продавать рабов-христиан торговцам-язычникам, а король Пипин подтвердил этот запрет. Говорят, что в 845 году судьба рабов обеспокоила Отцов Церкви, но единственное, что они сделали, - это призвали монархов запретить торговцам христианам и евреям продавать их неверующим (язычникам), так как якобы при продаже их христианам можно было спасти их души. Страх перед гневом Господним, которым грозили нарушившим этот запрет, возымел больше действия, чем если бы это произошло сегодня.

Оптовая торговля в основном происходила на крупных международных ярмарках Европы. На этих ярмарках существовали своеобразные торговые центры, где купцы и ремесленники могли встретиться друг с другом. Ярмарки Шампани славились еще в древности, но скоро приобрели широкую известность и ярмарки Англии, Германии и других стран. Ярмарка в Сен-Дени, основанная Дагобером в VII веке, выросла, как и многие другие, из места проведения религиозных праздников. Купцы по вполне понятным причинам приезжали на места паломничества пилигримов. Так собор Нотр-Дам стал местом паломничества христиан в июне, после того как в 1109 году там была помещена частица Креста Господня. Скоро передвижные лавки купцов заполнили пространство между Монмартром и Сен-Дени, и ярмарка, которая возникла на этом месте, получила название Ленди (ассамблея). Крестный ход и служба в соборе добавляли духовности этому месту, где приобретались материальные блага.

Товары повседневного спроса, помимо этого, приобретались на небольших еженедельных ярмарках. Эти ярмарки обычно организовывались на королевские деньги и должны были обеспечить всем необходимым жителей конкретной местности. Было важно поддерживать цены на достаточно стабильном уровне. Писатель, живший примерно в 900 году, рассказывает о ярмарке V века, но высказывает мысли своего времени, когда говорит:

«С самого начала епископства благословенного Маурильо и до конца его жизни город Анжер - благодаря его высочайшим человеческим качествам - купался в такой изобилии, что на рынке всегда был широкий выбор самых разных продуктов: они всегда были наилучшего качества, а цены никогда не повышались, поскольку от этого пострадали бы бедняки. Цена на повседневные товары оставалась стабильной, поэтому у каждого жителя всегда был запас вина и пшеницы».

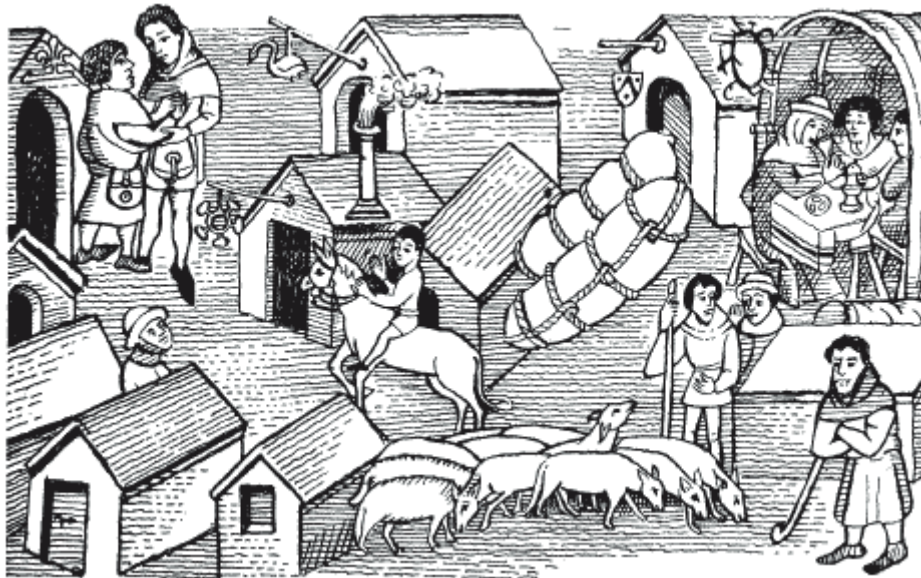

Рис. 21. Сценка на ярмарке Ленди в Париже

В X веке при Оттоне I начался расцвет ярмарок в Германии. Аббатство Святого Вааста в Аррасе организовало ярмарку в городе, и в 1036 году крестьяне, согнувшись в три погибели, тащили на себе товары, произведенные на продажу, - дело в том, что они не платили налога в пользу аббатства с товара, который могли унести на спине. Другие, ведя неподкованных лошадей, радовались, что экономят на этом 1 денье с каждой лошади: налог на подкованную лошадь составлял 2 денье. Перед прилавками с рыбой - сардиной, селедкой и китовым мясом - можно было видеть поставщика, выторговывающего лучшую цену для своего господина; у другого прилавка можно было заметить управляющего, покупающего мясо, мед, соль, растительное масло, жир, сыр, фрукты и вино на свадьбу своей дочери. А в это время сама девушка и ее мать, возможно, размышляли над ценой богато вышитого свадебного наряда или возражали, когда продавец прославленных тканей из Арраса, отмеривая, растягивал ткань, чтобы взять с них побольше денег. У другого прилавка крестьяне, вероятно, придирчиво рассматривали секаторы для виноградников, серпы или лопаты. А по соседству богатый выбор разнообразных красителей и коровьих шкур, из которых получатся отличные башмаки, ждал своих покупателей.

Очень часто вместе с правом организации ярмарки даровалось право выпускать деньги, чаще всего монеты. Во времена Дагобера золотые монеты все еще находились в обращении. Из-за падения производства товаров на Западе за предметы роскоши с Востока приходилось расплачиваться золотом, которое постепенно утекало в сундуки мусульман и византийцев.

Именно Карл Великий ввел в обращение серебряный пенни (динар), который можно было использовать как разменную монету при небольших сделках на местном рынке. Он также ввел систему фунтов, шиллингов и пенсов с примерной стоимостью. 1 либра равнялась 20 солидам или 240 динарам серебряных монет весом в 1 либру. Эта система до 1971 года лежала в основе денежной системы Британии.

Хотя чаще всего использовались серебряные монеты, многие по-прежнему предпочитали натуральный обмен, по крайней мере частично. Грасольфо, торговец, был как раз таким человеком, хотя, даже если бы он предпочитал данные расчеты, не испытывал бы недостатка в наличности. Он купил кусок земли в итальянском городе Лука, и в документе, зафиксировавшем сделку, говорилось: «Я, вышеупомянутый Родинго, сын благословенной памяти Теодориха, получил в качестве платы за вышеупомянутый участок земли, который я передал тебе, Грасольфо, 15 золотых солидов наличными и 1 лошадь стоимостью в 13 солидов для завершения сделки по покупке этой земли».

Со временем рынки с передвижными прилавками были заменены стационарными прилавками и скамейками, а те, в свою очередь, уступили место небольшим лавкам со складскими помещениями позади прилавка и жилыми комнатами наверху. Как правило, торговля определенными видами товаров концентрировалась на одной площади, поэтому по мере развития городов и самой торговли в X веке и позднее возникали целые улицы, где производились и продавались определенные товары. Шамбле была улицей, где находились мясные лавки; на Спайсери продавались специи и пряности, а на Голдсмит-роу вели торговлю ювелиры.

Однако еще до начала развития городов и торговли был довольно долгий период разрухи, которую по катастрофическим последствиям можно сравнить с нашествием варваров на Римскую империю. После смерти Карла Великого в 814 году начались распри между его наследниками. Помимо этого, западное христианство подверглось нападению со стороны внешних врагов. С севера викинги заняли неосвоенные земли Германии и Северной Франции, с востока жестокие мадьяры заняли Венецию до Падуи, захватив Павию, перешли Альпы и попали в Южную Францию, а затем прошли через всю Италию до Оранто; тем временем арабы, уже господствовавшие в Северной Африке, Испании и Португалии, в 878 году завоевали Сицилию.

Еще в VIII веке мусульмане активно осваивали торговые пути Средиземноморья. Их испанские порты всегда бурлили людьми, продающими и покупающими товары, а вот от Барселоны до Генуи и Пизы франкские порты были мертвы и заброшены. Даже в таких городах, как Арль, находившихся далеко от побережья, жители превратили римский амфитеатр в крепость и жили внутри крепостных стен, чтобы обезопасить себя от набегов мусульман.

Итальянские же порты процветали. Амальди, Гаэта, Салерно и Неаполь в X веке превосходили размером и богатством все остальные портовые города, за исключением мусульманских и византийских городов. Писатель того времени сообщает, что «Амальфи - самый богатый город Италии, самый знаменитый... самый процветающий и пышный. Его территория граничит с Неаполем, тоже торговым городом, но не таким важным, как Амальфи. Главное богатство Неаполя - лен и льняные ткани. Там я видел такие ткани, которых не найдешь нигде в мире. Ни в одной другой стране нет мастеров, которые могли бы произвести такое полотно».

Однако богатство этих городов иногда возрастало и за счет предательства. Ради получения торговых концессий Неаполь и его союзники часто объединялись с мусульманами и даже защищали их и помогали снарядить пиратские корабли, готовящиеся совершить нападение на христианские порты и торговые корабли. В это время на севере Венеция начала постепенно восстанавливаться от разрушительных последствий ломбардского завоевания и закрытия торговых путей через Апеннины и вдоль морского побережья. Здесь еще в IX веке Венеция создала систему кредитования: проще говоря, она делала деньги на сдаче капитала в аренду. Сначала эта практика носила название «комменды», и в завещании Джустиниано Партесипаццо, венецианского дожа, мы видим упоминание о деньгах, вложенных в торговое «путешествие». Дож выбрал торговый корабль, владельцу и команде которого доверял, и передал владельцу некоторое количество золотых монет. На эти деньги купец покупал рабов, древесину, оружие и другие товары, которые переправлялись через альпийские перевалы. С этими товарами он плыл в Константинополь и затем закупал там такие предметы роскоши, как шелк или пурпурная краска для перепродажи дома в Венеции. Там он делился прибылью с Джустиниано и любыми другими партнерами по предприятю. Позже Пиза, Генуя и другие города переняли эту практику.

Рис. 22. Купцы, меняющие зерно на ткани

По-настоящему Европа смогла развить свои города и торговлю только в XI-XII веке, когда за концом эпохи викингов и их разбойничьих набегов наступил относительный мир. Это был период всеобщего развития. Границы раздвинулись, в Испании, Франции и Германии возникли новые города; стали обрабатываться новые земли и по мере роста населения производиться новые продукты и товары. Впервые в Западной Европе появился избыток изделий, а вместе с этим стала совершенствоваться и торговля. Профессиональные купцы и ремесленники производили и продавали товары. В их распоряжении теперь были рынки Дальнего Востока, Балтии и Руси.

Но кто же воспользовался этим развитием торговли? Это были представители низшего сословия. В произведениях XII века рассказывается о двух итальянских юношах, которые с самых низов поднялись до вершин богатства, став купцами, владевшими роскошными лавками в Равенне и Павии, а также землями в окрестностях этих городов.

«Сцева и Олио были одного возраста, но совершенно разными по характеру. Дети бедных и незнатных родителей, они сумели накопить небольшой капитал и уже в наши дни стали торговать сначала малыми партиями товаров, а когда пришел успех - и крупными. Сначала они были упаковщиками, потом стали разносчиками, а затем владельцами нескольких передвижных лавок. И они всегда оставались верными партнерами».

Через некоторое время они решили расстаться. Олио женился на прекрасной девушке в Павии, а Сцева, по-прежнему холостой, обосновался в Равенне. Позже он навестил Олио, которого встретил «спешащим с груженными товарами возами на дальнюю ярмарку». Он сказал Сцеве, что не может принять его, и с небрежной вежливостью поспешил по делам. У рассказа забавный конец. И еще он показывает, что Олио был наказан за отсутствие дружеского расположения к своему бывшему партнеру.

В характеристике Сцевы и Олио как горожан очень важную роль играет один факт. Для ведения полноценной торговли купцов было необходимо освободить от феодальных оков, которые ограничивали их свободу передвижения, и от произвола тех, кто жил в поместьях. Поэтому многие города имели свободы, дарованные им королем или местными феодалами. Это привело к возникновению городского самоуправления - совета магистратов, заменившего традиционных феодальных чиновников, выполнявших функции губернаторов городов. Во Фландрии и владениях французского короля XI и XII веков правители в основном благоволили к городскому самоуправлению. В Северной Италии и Северо-Восточной Франции, однако, горожанам приходилось бороться за свои свободы. Чтобы облегчить себе эту задачу, они объединялись в коммуны. В 1115 году в Лаоне такая коммуна была образована с согласия короля. За это согласие королю дали взятку. Епископ, который в это время был в Англии, пылал к горожанам неистребимой ненавистью за то, что они сумели освободиться от феодального ига. Он убедил дворян присоединиться к нему и совместными усилиями предложить королю большую взятку, чем та, что дали ему горожане. Получив ее, король согласился распустить коммуну.

«Когда горожане узнали об этом, их обуял такой гнев, что все чиновники бросили работу, ремесленные мастерские закрылись, трактирщики и хозяева гостиниц заперли свои заведения. Сразу же епископ и дворяне начали пересчитывать все имущество, и если человек вносил ранее что-то на организацию коммуны, то именно столько требовали с него, в знак роспуска коммуны... Епископа предупредили о гневе горожан, но он не обратил на это никакого внимания.

На следующий день по всему городу начались беспорядки, люди кричали: «Коммуна!»... Затем, через часовню Святой Девы Марии... горожане вошли на епископский двор - с мечами, боевыми топорами, их было очень много... Гинимон, пожилой дворянин приятной наружности и безупречного характера, вооруженный лишь щитом и копьем, вбежал в епископальный зал и упал, пораженный в затылок боевым топором, выпущенным неким Рейнбером. Вскоре после этого правитель, торопясь войти во дворец, был поражен сзади ударом копья и, упав навзничь, сразу же стал жертвой огня, уже охватившего дворец... После этого разъяренная толпа, собравшаяся у стен дворца, попыталась прорваться внутрь, но епископ и его ближайšie помощники забросали их камнями и стрелами. Сейчас он проявил настоящее мужество воина... Однако он был не в состоянии противостоять безрассудным атакам горожан, надел на слугу свою одежду и, пробравшись в подвалы дворца, спрятался в бочке, сочтя себя там в полной безопасности... Горожане схватили слугу, но он отказался выдать своего господина. Но другой слуга предательским кивком указал на бочку, где спрятался епископ. Его вытащили оттуда за волосы и избили. Наконец некий Бертран поднял свой боевой топор и жестоким ударом вышиб мозги из этой святой, но грешной головы».

Лаон, Труа, Лангре и Реймс стали важными торговыми городами, поскольку стояли на пересечении торговых путей. Там могли встретиться купцы из Италии и Прованса со своими коллегами из Германии и Фландрии. К XII веку Юпре, Гент и Дуайе вместе с портом Брюгге также превратились в большие торговые центры, куда купцы приезжали закупать английскую шерсть и чудесные фламандские кружева. Спрос на шерсть на континенте был особенно велик, и в одной из хроник того времени мы читаем о фламандских купцах, пересекающих Ла-Манш с партией товара из Лаона. Внезапно появляется пиратский корабль. Охваченные паникой купцы падают на колени и клянутся подарить все свое состояние церкви небесной покровительницы Лаона, если та их спасет. Их мольбы были услышаны, но, судя по всему, прибыв в Англию, купцы забыли все клятвы и потратили в Англии на закупку шерсти все свои деньги.

Для производства тканей были нужны самые разные вспомогательные продукты, поэтому купеческие суда везли из восточных стран кору дуба кермесоносного и другие красители - насочный лак, пирит и вермильон. Из Северной Европы в центры по производству тканей везли пеньку и коноплю. Пурпур был самой дорогой краской, вот почему Маргарет Пейстон в XV веке писала своему отсутствующему мужу о том, что «даже больше алого платья ей хотелось бы, чтобы он был дома».

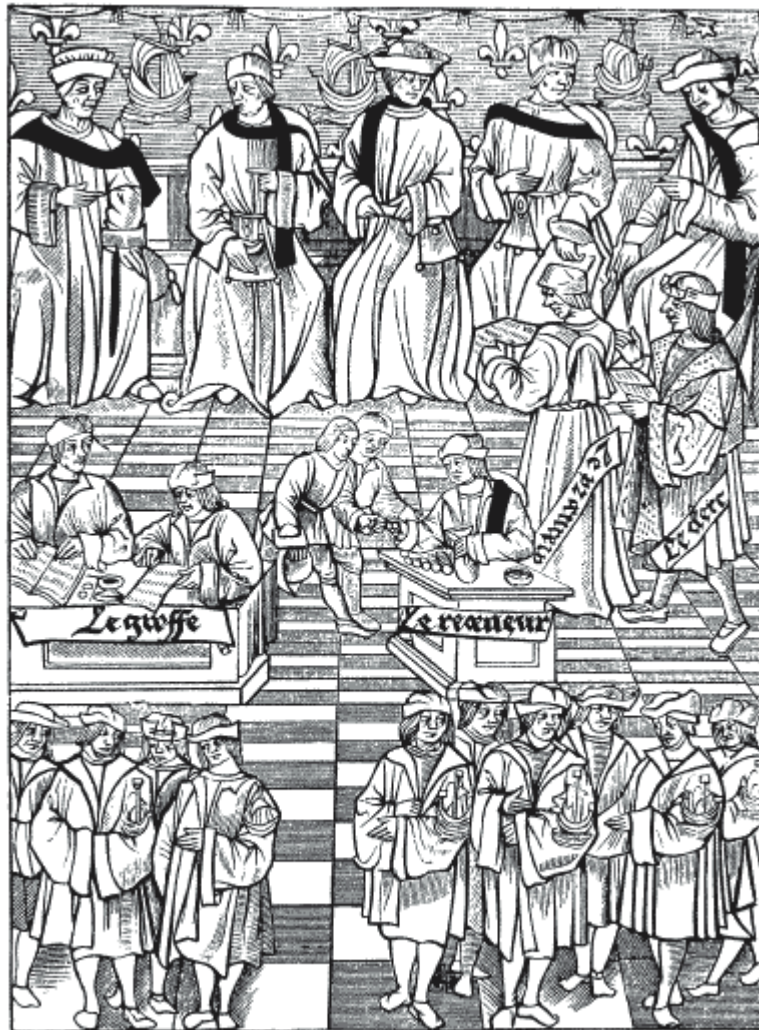

Рис. 23. Заседание муниципального собрания в Париже

В XII и XIII веках сложный процесс производства тканей требовал капиталистической организации труда. Появились предприниматели вроде Жана Буана Брока, который во второй половине XIII века имел процветающий бизнес по производству декоративных тканей в Дуайе (французская Фландрия). Можно представить себе, как путешествующий купец из Парижа гостил в большом доме Жана, который одновременно был и домом, и конторой, и фабрикой, и складом. Показывая Анри свои склады и производство, Жан начал бы с сортировочной. Здесь работники самого непрезентабельного вида, одетые в лохмотья, разбирали сырую шерсть; остальные стирали и отбивали ее в больших чанах. Просушив шерсть, работницы стригли или чесали ее, в зависимости от того, какой длины нить из нее будет сделана. Затем ее смазывали маслом и отправляли в город или за город для прядения. Для Анри зрелище женщин, ловко выпрядавших нити и одновременно пасущих овец, было вполне знакомо.

Затем двое купцов остановились бы полюбоваться на мастерскую работу ткачей, которые делали нити необходимой толщины и длины, и мотальщиков, которые наматывали нити на бобины, чтобы их можно было использовать на ткацком станке. Брови Анри изумленно поползли вверх, когда он увидел широкий ткацкий станок для двух работников, который использовался наравне со станком старой модели, на котором ткали узкие полотнища.

Затем следующая группа рабочих складывала ткани в корыта. По законодательству Арраса, на этой работе должно было быть занято не меньше чем трое рабочих, поскольку этот труд был «тяжелым, напрягающим все мышцы и суставы». На площадке для стирки тканей Жан перекинулся парой слов с работницей, работавшей там уже 12 лет. Намокшие

полотнища были так тяжелы, что ей приходилось прибегать к помощи других для натягивания их на рамки, чтобы при высыхании полотнище приобрело нужный размер. Поблизости мальчишки с ворсовальными шишками поднимали ворс на обратной стороне ткани. Впоследствии этот ворс будет подстрижен высококвалифицированными работниками. Стригали использовали специальные ножницы, которые столь высоко ценились ими, что часто их передавали по наследству.

Если шерсть не была окрашена на самом начальном этапе, то шерстяную ткань отправляли в красильню и там помещали в чан с краской необходимого оттенка. Здесь также работали очень квалифицированные работники, они очень много знали о качестве красителей и способах смешивания красок. Ткань помещали в чан при помощи шестов с плоским концом. Эти же шесты использовались, чтобы вытащить ткань из горячей воды и поместить в ушат на просушку. На завершающем этапе ткань расчесывали специальной щеткой из щетины, помещенной в большую квадратную коробку. Клиенты Жана либо сразу заказывали определенный оттенок ткани, либо покупали полотнища готовой ткани со склада. Большую часть бизнеса Жан вел через агентов; некоторые из них были членами его семьи.

Он был очень занятым человеком, потому что помимо своего бизнеса он еще активно интересовался политической жизнью Дуайе и не менее девяти раз был членом городского совета, а также одним из руководителей гильдии купцов.

В Средние века гильдии были одним из важнейших институтов общества. По существу, гильдий (или цехов) было столько же, сколько и ремесел или видов деятельности. Звонари и менестрели, свечных дел мастера и бакалейщики, дорожные рабочие и ткачи - у всех были свои цеха. Они существовали как для помощи бизнесу, так и ради благотворительной деятельности. Разорившись или заболев, член гильдии (цеха) мог обратиться к своим товарищам по цеху за помощью. Когда он умирал, гильдия заказывала мессу за упокой его души, и все члены гильдии должны были прийти на его похороны. Однако главной целью любой гильдии была защита прав ее членов. Она регулировала цены на сырье и товары, предназначенные для продажи. Она надзирала за работой и качеством производимого товара, так чтобы его вес и размер соответствовали принятым стандартам. Если член гильдии не подчинялся ее решениям и требованиям, его штрафовали. У многих гильдий имелось собственное помещение, где руководители гильдии принимали решения о штрафах, улаживали конфликты или разбирались с украденными вещами. Позже каждая гильдия стала принимать участие в инсценировках отрывков из жизни святых по соответствующим праздникам. Правда, в этих сценках содержалась немалая толика грубого народного юмора. Так, в пьесе Честера о Всемирном потопе этим юмором изобилует сцена, когда жена Ноя отказывается взойти на ковчег, если только «ее сплетни» не будут сопровождать ее.

Ну нет! Не надо это мне!
Хоть ты весь день бесись.

На что Ной отвечает под взрывы хохота зрителей:

Зачем Господь создал нам жен?
Послушны ли они?
Да никогда,
Я - сам тому пример.
Весь этот шум и гам
Из-за жены, которая не хочет
Сесть на корабль, который сделал я.
Того ль хотел ты, Господи?!

Все животные входят на ковчег, но жена Ноя остается на берегу со своими сплетнями.

А вот и добрая бутылка вина,
Которая развяжет мне язык
Да и согреет сердце.
И хоть торопит меня Ной,
Мы лучше выпьем здесь сейчас.

В отчаянии сыновья Ноя силой вталкивают ее на корабль. Когда Ной приветствует ее там, она со всего размаху бьет его по голове.

Ты думаешь, добился своего?
А ну-ка, получай.

В XIII веке цехи текстильной промышленности начали чистку своих рядов. Все кустарно-одиночки были исключены из членства в гильдии. Во Фландрии и Англии все «грязнули», то есть те, кто запачкал руки своей работой, а именно: ткачи, сукновалы и красильщики - перестали приниматься в гильдию, пока они не бросят свое ремесло и не продадут все уже ненужные станки и инструменты. В результате ремесленники не имели права голоса при принятии положений, регулирующих условия работы, расценки на сырье и т. д., и оказались в полной зависимости от своих работодателей. Вообще, у простых ремесленников свободы было очень много. На заре их будил звон городского колокола. Еще раз этот бой раздавался, призывая их на полуторачасовой перерыв на обед, затем он возвещал о прекращении перерыва и последний раз звонил на закате. В конце XIV века во Франции сам король указом отменил перерыв на обед. Если работники хотят перекусить, то жены должны принести им еду прямо на рабочее место, чтобы работа не прерывалась. Работникам был положен отдых во второй половине дня в субботу, в воскресенье и по церковным праздникам. В текстильной промышленности некоторые мастера работали на дому и у них могли быть собственные наемные рабочие. Чем выше была квалификация работников, тем больше независимости они могли получить, а с помощью собственных отраслевых гильдий они могли противостоять чрезмерной эксплуатации. Однако положение ткачей и сукновалов мало чем отличалось от положения рабов, и они были слишком бедны, чтобы иметь собственные орудия производства.

В конце XII - начале XIII века итальянские ремесленники начали соперничать со своими североευропейскими коллегами-текстильщиками, особенно в процессе крашения и доводки тканей. Флорентийские купцы держали лавки на улице Калимала, которая пользовалась дурной славой. Их гильдия имела собственный герб - орла, держащего в клюве мешок с шерстью. Купцы этой гильдии ездили на ярмарку в Шампань, где покупали ткань, которую отправляли на вьючных лошадях в порты Прованса, а оттуда - уже на кораблях - во Флоренцию. Вдоль торговых путей гильдия построила постоянные дворы, где всегда имелись лошади, обеспечивающие быстрое сообщение между головными конторами и ярмарками.

Рис. 24. Меняла

В 1350 году один из итальянских купцов - Франческо Датини - отправился из Прато (близ Флоренции) во французский Авиньон. Ему тогда было всего 15 лет от роду. Имея начальный капитал в 150 флоринов, он решил начать свое дело. В 1361 году у него была уже своя лавка на одной из улиц, где над домишками бедняков возвышался дворец папы Климента VI. Партнерами Франческо были тосканские купцы. Они продавали кирасы, кольчуги и другую амуницию, которую на выючных лошадях завозили из Милана и Комо. В то время шайки авантюристов из Англии и Бретани передвигались по дорогам юга Франции после заключения Бордоского договора 1357 года. В 1358 году Франческо продал Бертрану дю Геслену оружия на 64 ливра. Бертран был командиром одного из таких отрядов разбойников. Годом ранее Франческо открыл лавку в Барселоне, а также вторую в Авиньоне и начал торговать тканями, шелком, специями и солью в трех других лавках города. Не удовлетворившись этим, он также стал менялой и начал заниматься торговлей произведениями искусства, ювелирными изделиями и серебром. В его основной лавке в Авиньоне был богатый выбор доспехов, серебряных поясов, кожаных изделий, седел и упряжи из Кордовы, льна из Генуи, шелков из Луки, шелковых занавесей и шерстяных тканей из Флоренции.

Большим спросом также пользовались сундуки для приданого. В заказе на такой сундук говорится, что «он должен быть средних размеров... для дамы, с росписью по вермильону или лазури в зависимости от того, что будет в наличии. Он должен быть красивым и бросаться в глаза, хорошей работы и должен быть сделан из светлого сухого дерева... Чем лучше и красивее будут эти вещи, тем легче я смогу продать их».

Из письма Франческо своей кормилице, в котором он сообщал о планируемой поездке в Прато, становится ясно, что в XIV веке все еще существовала торговля рабами:

«Не раскладывай передо мной чеснока, или лука-порея, или кореньев. ...Сделай для меня дом раем, я не хочу, чтобы ко мне по-прежнему относились как к ребенку. ...Скажи мне, если тебе нужен раб или служанка-рабыня. Если тебе нужна рабыня, я найду тебе девушку умелую во всех отношениях, которая ничем не опозорит твой дом».

В XIII веке работорговля пошла на спад, однако нехватка рабочих рук после эпидемии чумы спровоцировала ее оживление. Рабов везли из Испании, Африки, Константинополя, Кипра, Крита и с берегов Черного моря. К концу XIV века во всех богатых домах Италии был хотя бы один раб.

Мы знаем много рассказов о попытках рабов сбежать во время долгих путешествий, но из двенадцати мавританских пленников убежать удалось только двоим. «Одного из них зовут Дмитрий, это высокий, красивый человек; другой же - болезненного вида, у него не хватает переднего зуба». Их владелец писал, что они скитаются где-то в Провансе, и про-

сил, чтобы их искали. Он также указал, что в случае поимки они в кандалах должны быть отправлены к нему на корабле.

Как и другие зажиточные купцы того времени, Франческо выстроил себе роскошный дом, со сводчатыми комнатами, прекрасными каминами, большими спальнями и залами, даже с резервуаром для омовения ног и раковиной на кухне. Однако далеко не все могли позволить себе каменные хоромы. Бедняки жили в землянках, а те, кто побогаче, - в деревянных домах с соломенными крышами, которые легко горели. Чуть позже стали использовать черепицу и оконные стекла. Итальянские дворяне жили в укрепленных башнях внутри городов, которые были защищены прочными стенами и въездными воротами.

Жизнь в средневековом городе была сопряжена со многими неудобствами. Улицы были узкими, и доступа воздуха в них практически не было, поскольку выступающие верхние этажи противоположных зданий почти смыкались над головой пешеходов. «Аромат» от сточных канав и куч мусора был удушающим. По улицам бродили свиньи, а шума было ничуть не меньше, чем в современных городах. Мы читаем о студенте из Германии, которому разрешили выселить из своего дома кузнеца, который бесконечным грохотом мешал его занятиям. А еще один «заставил некоего ткача, который своими криками и песнями мешал всем соседям, переселиться в другую комнату. Но тот все равно продолжал шуметь». В Иене «некий бондарь имел обыкновение вставать в полночь и ужасно шумел, надевая обручи на свои бочки», так что соседи страдали от постоянной бессонницы. Неудивительно, что Франческо Датини, как и многие другие зажиточные купцы, вкладывал деньги в фермы и сельскохозяйственные земли, чтобы хоть иногда скрыться в своем поместье от шума и духоты города.

Рис. 25. Каменщики за работой

Однако все же Франческо не принадлежал к кругу крупных международных торговцев, которые еще в 1293 году перехватили у дворян-землевладельцев контроль над государством. Очень скоро новые торговые магнаты восприняли у дворянства, вытесненного ими, его взгляд на общество и сформировали новую аристократию. К 1300 году крупные чиновники Венеции стали новыми патрициями. Их старый слепой дож Энрико Дандоло, навязав свои условия руководителям Четвертого крестового похода, обеспечил Венеции доминирующее положение на четырех морях - Адриатическом, Эгейском, Мраморном и Черном. Те же самые крестоносцы в 1204 году завоевали Константинополь и, по своему

договору с Венецией, должны были передать ей богатые острова и порты, что обеспечило городу торговое доминирование над его бывшими конкурентами.

Церемония назначения венецианского дожа - верховного правителя города - в 1260 году должна была произвести неизгладимое впечатление на зрителей своей роскошью. Глазами Мартина да Канала, присутствовавшего на такой церемонии, мы видим все происходившее, видим Большой канал, сверкающий на солнце, и 50 галер на его водах. На палубах ликовали и смеялись члены команды. Тем временем по площади Святого Марка шествовали старейшины гильдий (цехов) - с развевающимися знаменами под звуки труб шли кузнецы; далее шествовали ткачи, портные и главы других гильдий. Все они были разодеты в свои самые лучшие и богатые одежды, каждая гильдия шла со своими музыкантами. Поравнявшись с дожем и его супругой, они приветствовали их криками: «Да здравствует наш господин, благородный дож Лоренцо Тьеполо!» Празднования продолжались целую неделю - различные гильдии и другие учреждения возносили хвалу дожу, но также и Венеции, потому что разве не ее дворцы, церкви, ее пышные праздники, ее жители, ее богатство и роскошь были отражением славы и мощи величайшего торгового города в мире?

С началом XIV века Европа вступила в период кризиса и упадка. Столетняя война разрушила процветание Франции. Однако уже в ее конце король Карл VII при помощи коммерческого гения Жака Кера начал возрождать французскую торговлю. Жак не только создал торговый флот, чтобы завозить предметы роскоши с Востока, но организовал еще шелковую мануфактуру во Флоренции, красильни и бумажные фабрики во Франции, вновь запустил работы на шахтах в период, когда металл требовался в избытке (из него даже стали делать домашнюю утварь), и в конечном итоге возродил во Франции торговлю.

Великолепие описанной нами церемонии в Венеции и оживление торговли во Франции, благодаря которой в страну вновь стали завозиться товары с Востока, были лишь одними из многих проявлений растущего благосостояния и даже экстравагантности повседневной жизни. Владельцы элегантных каменных особняков, такие как Датини и Жак Кер, демонстрировали свое благосостояние и в costume. Мужчины и женщины придерживались в одежде экстравагантного стиля. Головные уборы женщины стали до нелепости высокими и заостренными. Сделанные из золотой и серебряной парчи, они были еще и украшены драгоценностями. Длинные, отделанные мехом бархатные и кружевные платья, казалось, указывали на абсолютную, пожизненную пассивность зажиточных дам. Однако внимательное изучение жизни женщин того времени доказывает, что этот вывод неверен. Большинство из них играли немалую и не самую легкую роль в распространении богатства, культуры и образования в средневековой Европе.

Рис. 26. Арфист и лютнист

Глава 4

Женщины и жены

«В Средние века женщины постоянно балансировали где-то посередине между сточной канавой и пьедесталом». Точка зрения церкви, озвученная и монахами, и высшим духовенством, заключалась в том, что женщина - это орудие дьявола, главный соблазн и вечное искушение, а потому должна считаться злом и существом низшим по сравнению с мужчиной. Как же эта идея отразилась на повседневной жизни? Здесь по необходимости положение женщины менялось от века к веку и, более того, от класса к классу. Судьба женщины благородного происхождения отличалась от судьбы жены купца, а уж тем более - от положения простолюдинки и крепостной. Тем не менее мужчины (большинство из них) - по меньшей мере теоретически - считали женщину существом второго сорта. И это давало им право всячески их притеснять.

Примеров подобного отношения более чем достаточно. Некий Никола Бийяр в XIII веке заявлял: «Мужчина должен наказывать свою жену и бить ее для ее же блага, поскольку она - часть его домашнего хозяйства, а хозяин может делать со своей собственностью все, что ему угодно». В каноническом праве также говорилось: «Совершенно ясно, что жены должны повиноваться своим мужьям и быть им почти слугами». Даже добрейший префект Парижа в XIV веке наказывал своей жене «вести себя подобно собаке, которая всем сердцем и глазами устремлена на своего хозяина; и даже когда хозяин наказывает ее и кидает в нее камни, собака, виляя хвостом, всюду следует за ним... жена должна всегда испытывать к своему мужу чувство искренней и безусловной любви».

В обычном праве XIII века содержится следующая статья, определяющая статус одного из новых городов Гаскони: «Все жители Вильфранса имеют право бить своих жен, не доходя при этом до убийства». Рыцарь Ла Тур в знаменитой книге наставлений своим дочерям рассказывает им о благородной даме, которая, ругая мужа на людях, так разозлила его, что «он ударом кулака свалил ее с ног, а затем ударил ногой по лицу и сломал ей нос, так что она уже никогда не могла открывать людям свое изуродованное лицо».

На противоположном конце общественной лестницы находились простолюдинки, которых, когда те осмеливались перечить своим мужьям, окунали с головой в пруд. Судебные архивы свидетельствуют, что крестьянам постоянно угрожали, подвергали их штрафам и другим наказаниям, если они не применяли к своим женам «воспитательных» мер. Однако справедливости ради стоит отметить, что применение силы не было исключительной прерогативой мужчин. Например, Чосер дает совершенно великолепное описание женщины, которая с восторгом вспоминает страдания, причиненные ею своим троим мужчинам: «О боже, что за боль и горе принесла им я!»

Тем не менее некоторые по крайней мере представители мужского пола относились к женщинам с благодарностью и жалостью: французский поэт того времени говорил:

Безмерно должна быть
Благодарность к женщинам,
Которые дают нам все -
Одежду из шелков и кров,
И всем скажу я не тая,
Что в женщинах нет зла.

А поэт XV века выступает в защиту женщины-работницы:

Женщина - достойное создание,
Стирает, шьет, готовит
И за детьми присмотрит,
Но жизнь ее - лишь слезы и страданья,
И мужа ублажает день и ночь,
Все силы отдает ему.
А все одно - лишь слезы и страданья.

Возможно, самой тяжелой была доля женщины именно в замужестве, причем чем ниже находилась женщина на социальной лестнице, тем положение ее было ужаснее. Браки редко заключались по взаимной любви. Чаще это был результат договоренностей родителей, опекунов или хозяев. При заключении брака прежде всего в расчет принимались финансовые или территориальные выгоды, которые он мог принести. Если речь шла о крестьянах, то их хозяева женили и выдавали замуж очень рано, поскольку дети крестьян тоже принадлежали хозяину, который был заинтересован в увеличении рабочей силы.

Однако и у благородных дам было немногим больше шансов на счастливую семейную жизнь. Иоханн Буш, саксонский реформатор XV века, нарисовал трогательную картину пребывания герцогини Брансвикской на смертном одре: «Когда она исповедовалась и я отпустил ей все ее грехи, я спросил ее: «Подумайте, госпожа, попадете ли вы в царство небесное, когда умрете?» - «Я твердо верю в это», - ответила она. И сказал я: «Это будет настоящим чудом. Вы выросли во дворце и много лет проживали со своим мужем великим герцогом среди роскоши и удовольствий, у вас было в изобилии вина и эля, мяса и пряностей, дичи и рыбы, и все же вы ожидаете, что после смерти сразу вознесетесь на небо».

Она ответила: «Отец мой, а почему я не должна попасть на небо? Я жила и живу в этом замке, как собака на привязи. Какие удовольствия и развлечения у меня были? Никаких. Но я всегда должна была всем своим видом показывать слугам, что безмерно счастлива. Мой муж - тяжелый человек, и, как вы знаете, никакого интереса к женщинам у него никогда не было. Ну разве не была я в этом замке как в клетке?»

Я сказал ей: «Значит, вы думаете, что, когда вы умрете, Господь пришлет своих ангелов, чтобы отнести вашу душу в рай?»

«Да, я твердо верю в это», - ответила она. И тогда я сказал ей: «Пусть Господь даст вам то, во что вы верите».

И все же жизнь крепостной нельзя было сравнить ни с чем: ее и считали-то существом лишь немногим лучше животного. В 1411 году в поместье Лиесталь был издан указ о том, что «каждый год перед Страстным вторником, когда люди обычно думают связать себя святыми узлами брака, бейлиф отбирал молодых людей и девушек подходящего возраста, чтобы составить из них пары».

Королева Бланш, мать Людовика Святого, близко к сердцу принимала судьбу крепостных и повелела, чтобы хозяева освобождали их за определенную плату. С особенным участием она относилась к молодым девушкам-крепостным, поскольку многие из них уже были обесчещены и мужчины не брали их замуж. Это нежелание жениться на крепостной было причиной многих трагедий, как в случае с девушкой из Шампани. В 1472 году она была осуждена за убийство ребенка, однако утверждала, что отец запретил ей выходить замуж за «мужчину, которого она с радостью взяла бы в мужья», потому что он был крепостным. С другой стороны, в некоторых поместьях к крепостным женщинам относились более гуманно, особенно во время исповеди: иногда им разрешали не платить положенную дань в виде курицы на Страстную неделю, а иногда даже делали небольшой подарок в виде вязанки хвороста или рыбины из господского пруда.

В местечке Денхендорф в Германии при крещении каждого из ее детей женщина получала в подарок две меры вина и восемь буханок белого хлеба. Как говорит средневековая писательница Кристина де Пизан: «Они получали хлеб, молоко, ячмень, немного рыбы, и

их жизнь была чаще более безопасной и даже более обеспеченной, чем у женщин высшего сословия».

Отношение церкви к разводу также не облегчало положение женщин. По каноническому закону, заключенный брак не мог быть расторгнут. Самое большее, на что шла церковь в этом вопросе, - это объявить брак «аннулированным и не имеющим законной силы», то есть сказать, что на деле брак не имел места. Родство, вплоть до четвероюродного, делало брак незаконным с точки зрения церкви. Таким образом, сфабриковав родословное древо, мужчина, которому надоела его жена или по какой-то другой причине желавший избавиться от нее, мог спокойно объявить ее родственницей и развестись, если только у него было достаточно денег, чтобы оплатить все необходимые процедуры.

В сатирическом стихотворении эпохи Эдуарда II говорится:

Если у мужа есть жена,
А он ее не любит,
Тащи скорей ее к судье,
Где ложь восторжествует.
Вот два свидетеля при нем
И сам он тут же рядом.
Раз, два - и брака больше нет,
Но только если он сейчас
Докажет, что его жена
Была ему неверной.

Еще одним достаточным поводом для аннулирования брака было обнаружение среди предков жены крепостных; иногда муж, растратив полученное за жену приданое, «бесстыдно покидал ее, ради ловкой, привлекательной и богатой особы».

Рис. 27. Помолвка

Конечно, было много примеров и счастливых браков. Префект Парижа - пожилой французский чиновник, весьма состоятельный и влиятельный - написал книгу наставлений для своей юной жены, которая к тому же была сиротой. В каждой строке этой книги видна любовь и понимание ее нужд. Он говорит, что пишет эту книгу «не для себя, но для твоей чести и любви, поскольку я люблю тебя и сочувствую тебе, ведь у тебя не было ни отца, ни матери, к которым ты могла бы обратиться за советом и утешением. Только я могу быть твоим другом и советчиком. И знай, что я рад, что ты ухаживаешь за своими розами и фиалками, поешь и танцуешь... Ты говоришь, что сделала бы все для меня, если бы только могла, но я буду доволен тем, что и твои соседки делают для своих мужей... ведь я

не настолько безумен, чтобы не удовлетворяться тем, что ты делаешь для меня. Конечно, если ты только не будешь пренебрегать мною и презирать меня... хотя я и знаю, что ты более благородного происхождения, чем я... но я не боюсь этого и верю в тебя и твои добрые намерения».

Префект Парижа выдерживает этот чуть ли не уничижительный тон до самого конца книги: «Ведь мне не принадлежит ничего, кроме службы другим, - и даже меньше».

Томас Бетсон, 40-летний английский купец, торговавший в Кале, был безоглядно влюблен в свою невесту, 15-летнюю Кэтрин Рич, и это ясно видно из его письма ей, написанного в 1476 году:

«Моя возлюбленная кузина Кэтрин, припадаю к Вашим ногам со всем моим влюбленным сердцем. Подарок, который Вы послали мне, всегда со мной. А также письмо, написанное Вашей ручкой, в котором Вы пишете, что здоровы и веселы... если бы Вы кушали побольше мяса, Вы бы быстрее стали настоящей женщиной, чем несказанно порадовали бы меня...

Всемогущий Господь сотворил Вас прекрасной женщиной... в великом Кале, в первый день июня, когда мужчины ушли обедать, а часы пробили девять, все Ваше семейство в один голос закричало мне: «Спускайся сейчас же обедать!» - и Вы знаете, что я ответил им.

Остаюсь Вашим искренним и любящим кузенком Томасом Бетсоном. Посылаю Вам кольцо в знак моей любви».

Томас Бетсон продолжал желать, чтобы Кэтрин поторопилась и доросла до возраста замужества, и два года спустя он написал ее матери: «Я помню Кэтрин всю ее жизнь. Мне она снилась тридцатилетней, а проснувшись, я видел, что ей нет и двадцати, и страстно жаждал этого. И, судя по всему, моя мечта сбудется быстрее, чем мой сон». Вскоре после этого Томас женился на своей Кэтрин, и, как мы можем догадаться, она стала ему верной и любящей женой. Когда год спустя Томас опасно заболел, Кэтрин, ожидавшая ребенка в свои 16 лет, не только преданно ухаживала за ним, но и вела его дела со всей тщательностью и знанием дела, к которым средневековые женщины привыкли с самого детства.

Рыцарь Ла Тур, несмотря на ужасающий рассказ о жестоком отношении к женщине, несколько не возражал против жены, ведущей дела. Очевидно, он даже одобрял это и, судя по всему, был очень счастлив в браке. В начале своей книги он пишет, что у него была «жена, красивая и честная... она любила песни, баллады и поэмы и любила все новое. Однако смерть забрала ее от меня, и я провел много дней в тяжелых раздумьях и печали. И все еще оплакиваю ее. Ведь настоящее любящее сердце никогда не забудет женщину, которую оно любило».

Рис. 28. Девушка раскрашивает фигурки Девы Марии

Рис. 29. Клятва в любви и верности

Этот более идеалистический взгляд на женщину особенно укрепился с ростом и развитием культа Девы Марии. Параллельно с благоговейным отношением к Богородице развилась и идея превосходства женского начала над мужским. Один средневековый автор весьма недвусмысленно заявляет:

«Женщине следует отдавать предпочтение перед мужчиной во всем, а именно: в материале, потому что Адам был сделан из глины, а Ева - из ребра Адама; по месту, потому что Адам был сотворен вне рая, а Ева - внутри его; в зачатии, потому что женщина родила Бога, а мужчина не мог этого сделать; в явлении, потому что Христос после воскрешения явился именно женщине; в возвышении, потому что женщина, а именно Дева Мария, парит над хором ангелов».

В светской жизни культ Девы Марии уравнивался культом дамы в том виде, как его исповедовали рыцари Средневековья. Это было совершенно светское изобретение. Эти два культа развивались параллельно, и каждый из них противостоял аскетическому взгляду на женщину, который лишал ее достоинства и стремился очернить ее. Лирическая поэзия трубадуров и менестрелей Франции и Германии, которые превыше всего ставили любовь и поклонение женщине, также стремилась культивировать эти высокие чувства:

В длинные майские дни
Я наслаждаюсь пением
Птиц, поющих далеко отсюда,
Но стоит мне покинуть
Любимые края,
Как сердце и душа
Рыдают от тоски,
Ведь я любовь оставил
Далеко отсюда.
Мне лишь ее любовь нужна,
Другой не надо вовсе.
Она меня околдовала
Своею чистотой,
И в дальних странах,
И в беде
Любовь ее со мной.

Вообще рыцарская любовь была окружена таким же количеством церемоний, что и само феодальное общество. Если дама принимала любовь рыцаря, то ее согласие было обставлено целым рядом церемоний, напоминающих обряд принесения вассальской клятвы. Рыцарь становился на колени и вкладывал сложенные ладони в руки своей возлюбленной, а затем в присутствии свидетелей клялся до гроба служить ей и защищать ее от врагов. Принимая его клятву, дама обещала верно любить его, надевала кольцо ему на палец, целовала его и разрешала ему подняться с колен.

Существовали даже специальные суды, которые разбирали дела, касающиеся любовных отношений. Судьями в них были женщины. Даже ученые мужи и студенты университетов гордились своим знанием тонкостей любви и восхваляли своих избранниц в своих стихах.

Возьми эту розу, моя дорогая.
Она - символ вечной любви.
Ведь шип этой розы
Пронзил мое сердце -
В нем вечно останешься ты.

Самой знаменитой поэмой о романтической любви был «Роман о Розе», очень популярный в Европе XIII-XV веков. Он был написан в аллегорической форме поэтом из долины Луары Гийомом де Лоррисом, который умер, так и не завершив свою работу. 40 лет спустя другой поэт, Жан де Мен, дописал эту поэму. Но его часть произведения представляет собой суровые нападки на любовь и женщин. Две строки из его куплетов известны даже сейчас:

Средь женщин Сен-Дени
Мне легче птицу феникс отыскать,
Чем ту, что честной
Можешь ты назвать.

Или

И в мыслях, и делах своих
Грешна всегда ты.

Его куплеты представляют собой едкую сатиру на институт брака в целом и, вероятно, отражают точку зрения не только самого де Мена, но и очень многих мужчин того времени.

Однако в конце XIV века Кристина де Пизан выступила в защиту всех женщин, написав «Письмо к богу любви», в котором выступила против клеветы в адрес женщин, которой был полон «Роман о Розе». Кристина была одной из немногих писательниц Средневековья, чьи работы пережили своего создателя на много лет и веков. Она была дочерью итальянца Томазо де Пизана, которого Карл V Французский пригласил в Париж в 1368 году как астролога. Кристина была хорошо образованна, в 15 лет она вышла замуж за француза, который умер от чумы в 1402 году и оставил ее одну с тремя детьми и прочими своими родственниками, которых она должна была содержать. И Кристина, которая к тому времени написала уже много стихов и более крупных произведений, решила стать профессиональным писателем.

На иллюстрации к одной из ее рукописей изображена сама Кристина, вручающая свою книгу Изабелле Баварской, жене Карла VI. Молодая писательница и величавая королева

нарисованы столь реалистично, что они почти наверняка написаны с натуры. Действие происходит в спальне Изабеллы, с голубыми балдахинами, богатыми коврами и двумя кроватями. Маленькая собачка королевы расположилась у двери, охраняя хозяйку. Кристина преподносит свой огромный манускрипт в алом кожаном переплете, стоя на коленях перед королевой. Рядом на стульях сидят дамы в своих остроконечных головных уборах. Кто-то из них смотрит на Кристину равнодушно, кто-то - заинтересованно. Скорее всего, здесь мы имеем дело с первым портретом профессиональной писательницы Западной Европы.

Среди трубадуров Южной Франции XII века было много поэтов дворянского происхождения. Графиня Прованская, графиня Дье, Клэр д'Андуз, Аделаида де Паркергуэ и мадам Капеллоза слагали стихи в честь своих возлюбленных.

Рис. 30. Прядение и чесание шерсти, ткачество

В XII веке на севере Франции были популярны стихи, приписываемые перу герцогини Лоррейн и мадам де Ла Файтель. Однако в XIII веке на арену вышла Мари де Франс, которая, обосновавшись в Англии, завоевала себе прочную популярность своими поэтическими сказками. Это были романтические поэмы, основанные на древних сказаниях, подобные легендам об Артуре и Карле Великом. Мари утверждала, что в основе ее баллад лежат бретонские легенды. Ее самая знаменитая и популярная книга была переводом английских басен на французский язык. Она говорила, что взялась за написание этой книги из-за любви к Уильяму Лонгеспи, графу Солсбери, сыну короля Генриха II от прекрасной Розамунды.

Однако большинство женщин даже высшего сословия вынуждены были заниматься куда более прозаическими вещами. Отличительной чертой средневековых жен была их способность не только вести домашнее хозяйство, что само по себе уже было очень трудным делом, но и заниматься управлением поместьями мужа в его отсутствие - когда он был в крестовом походе, на войне или в судах, разбирая тяжбы, которых в то время было с избытком.

Они также выступали в роли хозяйки дома в отсутствие мужа, принимая гостей, когда те въезжали через внешние ворота во внутренний дворик замка. Одна из баллад рассказывает нам о визите графа д'Артуа к графине Булонской, которая со своей прекрасной дочерью встречает его и его свиту на внешнем дворике и проводит его в зал, где уже играет музыка и звучат в его честь песни. Равно необходимо было в конце визита проводить гос-

тя до внешних ворот. В «Балладе о фиалке» Жерар де Невер, герой, спасший принявшего его хозяина дома и его семью от преследований великана, внезапно покидает гостеприимный дом. Дочь хозяина замка, которая любит Жерара, услышав об его отъезде, вскакивает с постели и «бежит к нему прямо в ночном платье, с непокрытой головой и без украшений в волосах, которые и без того ярче золота. Она свежа, как майское утро, а фигура ее - совершенна. Нежными ручками приподнимает она край платья и демонстрирует миру ножку - маленькую и изящную».

Хозяйке замка также приходилось воспитывать не только своих детей, но и девочек, присланных сюда из соседних замков и богатых домов. Они должны были вести себя скромно, много не говорить, быть вежливыми и застенчивыми с мужчинами, не бегать и не прыгать. Как было написано в своде правил поведения: «Сердце должно подсказать тебе, что неприлично воспитанной женщине бегать и топтать». Рыцарь Ла Тур и префект Парижа оба подчеркивают необходимость правильной осанки. Когда женщина сидит, ее руки должны быть сложены на коленях или скрещены на груди, а глаза - скромно опущены.

В Средние века почти все женщины умели прясть, ткать и шить одежду. А вот вышивание золотом и серебром тогда еще не было распространено. В одном из рассказов того времени мы читаем о дочери рыцаря, благородного и воспитанного, который отослал свою дочь учиться вышиванию в семье зажиточного горожанина. Иногда на шелке вышивались портреты друзей и возлюбленных, а в знак особой любви дама вплетала в нить свои собственные волосы.

Женщин также учили применению лекарственных трав, а также умению делать массаж и оказывать простейшую первую помощь. Им не разрешалось врачевать за пределами своего дома, как это делали врачи или хирурги. На средневековой иллюстрации некий Тоббит, ослепший и больной, лежит на кушетке, а его жена Анна готовит для него лекарство. У Анны есть книга старинных медицинских рецептов, которая лежит у нее на коленях, что свидетельствует о широком применении этих самых лекарственных средств в Средние века.

В вопросах ведения домашнего хозяйства на высоте всегда были жены буржуа и аристократки. Они умели хорошо готовить и, хотя имели множество слуг, знали все нюансы домашнего хозяйства, поскольку должны были надзирать за ними. Средневековые блюда щедро приправлялись специями, поэтому в рецептах часто упоминаются перец, чеснок, кардамон и уксус, а также вино. При приготовлении рыбных блюд часто использовали эль. Миндаль добавляли в мясо и конфеты, а шафран применялся для окрашивания, если «использованные яйца не придают насыщенного желтого цвета». Префект Парижа подробно наставлял свою жену о тонкостях приготовления и подачи блюд за обедом и ужином и особенно предостерегал ее от неправильного приготовления похлебки: «Помни, что похлебку следует помешивать, пока она находится в горшке. И если ты заметишь, что она начинает подгорать, немедленно перелей ее в другую посуду».

Рис. 31. Шитье одежды в домашних условиях

Современная хозяйка была бы поражена, узнав, какое количество ингредиентов использовалось для приготовления блюд. Уже упомянутый нами префект Парижа поучал, что для приготовления сладкой пшеничной каши с корицей нужно 100 яиц, которые следует размешать в восьми пинтах молока; для приготовления одной яичницы надо было разбить 16 яиц, а затем добавить в них порубленные ясенец, руту душистую, пижму, мяту, шалфей, майоран, фенхель, петрушку, листья свеклы и фиалки, шпинат, лук-порей и толченый имбирь. Можно представить себе аромат всех этих пряностей - он, должно быть, был удушательным.

В то время на пирах подавали к столу многих птиц, которых сегодня мы не едим, - лебедей, журавлей, цапель, павлинов и даже чаек.

Помимо непосредственного приготовления пищи, у хозяйки дома была еще одна забота - заранее закупать продукты в больших количествах. Большая часть запасов должна была быть сделана осенью, когда перед зимой забивали скот и засаливали мясо. Рыбу для засолки также надо было покупать в строго определенное время. Ричард Галл, управляющий имением семейства Пейстон, писал Маргарет Пейстон: «Госпожа, хорошо бы сейчас, в пути, пополнить запасы селетки. В Лоуэстофте у меня есть друг, который поможет купить семь или восемь бочек, и они будут стоить не дороже 6 солидов 8 динаров за бочку. На 40 солидов сейчас можно купить больше, чем за 5 марок (60 солидов) перед Рождеством».

Также в больших количествах закупалась и солилась сушеная треска.

Товары иностранного производства покупались в ближайшем крупном городе. В письме к сыну, жившему в Лондоне, Маргарет Пейстон просит его выяснить цены на перец, гвоздику, мускатный орех, имбирь, рис и шафран, а также на изюм и ароматические корни, завозимые из Индии. Эти корни имели красновато-фиолетовую окраску и были твердыми, как орех. Их часто использовали в медицине.

Рис. 32. Торжественный обед. За столом прислуживают чашники и специальный слуга, который разрезает пищу. Музыканты услаждают слух собравшихся

Поглядим, как молодая парижанка, выслушав указания мужа относительно того, как покупать продукты для обеда, отправляется со своей экономкой за продуктами в сопровождении слуг, которые понесут все купленное домой.

На ближайшем рынке они купят хлеба в ломтях - в полфута толщиной и четыре дюйма высотой. «И чтобы он был из темной пшеницы», - добавит она, вспоминая указания мужа.

Затем они отправятся к мяснику, чтобы взять половину барашка для супа - и еще немного свинины, телятины и оленины. У торговца птицей они купят 10 каплунов, 10 уток и 10 кроликов для жарки и молодого поросенка для желе. У бакалейщика приобретут специи и еще на 2 либры свечей разного размера. Он улыбается и добавляет к счету еще 6 солидов 8 динариев.

У молочника они возьмут четверик молока, не свернувшегося и не разбавленного водой, чтобы варить сладкую кашу; на Гревской площади закажут сотню вязанок хвороста и два мешка угля за 2 солида. У Парижских ворот найдут продавца цветов, где купят фиалки и левкой. И так они ходят по всем лавкам и рынкам, пока, усталые и голодные, не вернуться домой. После этого похода молодая жена стала немного опытнее, воплотив в жизнь все советы своего мужа.

Редко можно повстречаться со средневековым слугой лицом к лицу, но нам удастся сделать это, если мы заглянем во франко-фламандский дом XIV века. Вот здесь хозяйка собралась давать очередные наставления своей служанке Жаннет: «Жаннет, послушай меня». - «И чего мне слушать... я занята». - «Чем это ты занята?» - «Я убираю постель, придаю форму подушкам, пуфикам и стульям, убираю гостиную, комнаты, весь дом и кухню». - «Молодец, девочка, я хвалю тебя, но скажи Жану, что он все делает слишком медленно». - «А где он, госпожа?» - «Откуда мне знать? Где-то рядом с тобой, я полагаю, он готов постоянно вертеться около тебя, когда ты убираешь постель». - «Святая Дева Мария, что вы такое говорите?! Клянусь, он просто ненавидит меня». И Жаннет рассказывает историю о Жане, которая показывает, что у него самые отвратительные намерения. «О боже! - восклицает хозяйка. - Ты действительно так невинна, как хочешь показать? Спускайся сюда. Принеси полотенца, простыни и уголь. Разожги огонь. Вскипяти воду, натопи немного сала, накрой на стол и принеси длинное полотно, налей воды в кувшины для умывания». -

«Госпожа, а где у нас бак для кипячения воды, котел и сковороды?» - «Ты что, ослепла? Они рядом со шкафом для посуды».

Точно так же записи того времени помогают нам воссоздать картинку из жизни женщин высшего общества XIV века. В те дни женщине было столь же необходимо знание законов, как и ее мужу. В 1465 году Маргарет Пейстон пришлось защищать интересы мужа во время его отсутствия в конфликте с таким могущественным противником, как герцог Саффолкский. На имение Пейстонов в Дрейтоне герцог имел незаконные притязания. Маргарет сражалась с ним в местных судах, о чем писала своему мужу Джону Пейстону:

«Мой драгоценный супруг, было бы хорошо, если бы ты поговорил с судьями, когда они сюда приедут. Если хочешь, чтобы я обратилась к ним с жалобой, я сделаю, как ты посоветуешь, поскольку полностью доверяю тебе... После всех этих болезней и тревог я слаба и совсем упала духом, но сделаю все, что в моих силах и что будет необходимо, чтобы защитить твои интересы».

Вскоре после этого ее муж попал в плен к пиратам. Но Маргарет, слабая физически, но исполненная решимости, встала рано утром и добилась встречи с судьями до того, как они отправились в административное здание графства. Люди герцога еще раньше арестовали одного из ее приближенных. Маргарет рассказала судьям обстоятельства дела. Судьи сразу же «сделали суровый выговор» герцогскому управляющему. Позже слуга Маргарет был освобожден, а захватившие его получили очередной выговор, и все претензии враждебной стороны были отклонены. Обрадованная Маргарет сразу же написала мужу письмо.

Еще раньше Маргарет оказалась осажденной в другом поместье, которое защищала от посягательств лорда Молейна, когда «упомянутый лорд послал к усадьбе вооруженных людей числом в тысячу человек... Они были в кирасах, кольчугах, стальных шлемах, с луками и стрелами, щитами, ружьями, ломами, лестницами и кирками, которыми разрушали стены, и бревнами, которыми ломали ворота и двери».

Все это время Маргарет была в доме всего лишь с двенадцатью слугами. Атакующие выгнали из дома слуг, но Маргарет, которая знала, что ее владение было полностью законным, заперлась в маленькой внутренней комнате. Она отказалась выходить и вступила в переговоры, только когда нападающие начали ломать и крушить все вокруг и выносить из дома добро и деньги. Ущерб оценивался в 200 фунтов (16 000 современных фунтов стерлингов).

Однако даже в мирное время жизнь жены владельца усадьбы была нелегкой, ведь ей постоянно приходилось надзирать за работниками.

«Пусть она часто ходит в поля и смотрит, как они работают... И она должна поднимать их по утрам на работу. Если она хорошая хозяйка, то пусть она и сама встает рано, надевает домашнее платье и идет к окну и криком выгоняет их на улицу, потому что сами они слишком ленивы».

После небольшого перерыва она скачет по перелескам, полям и лугам, наблюдая за тем, как пасутся кони и скот, и даже молодая жена префекта Парижа должна была знать все о том, что делается в угодьях ее мужа. Он говорил ей:

«Когда ты в деревне, я прошу экономку Агнесс де Бегуин отдавать распоряжения всем, кто присматривает за скотом. Пастух Робин должен смотреть за своими овцами, Жоссон - за быками и буйволами, Арнольд и Жан - за коровами, телками и телятами, свиньями и поросятами, Эделина должна заботиться о гусях, курах, цыплятах и голубях, а конюх - за всеми лошадьми. Вы с упомянутой Бегуин должны показать работникам, что разбираетесь во всем и что все в поместье волнует вас, с тем чтобы работали они как можно усерднее».

И наконец-то мы видим, что он пишет такие слова: «Теперь я могу сказать, чтобы ты отдохнула и вместе с няней ребенка прогулялась спокойно по саду». Это было главное отдохновение средневековой женщины. В письме префект также уверял свою жену, что был бы рад, если бы она занялась танцами и пением. Вот это как раз любили все средневековые женщины - и крестьянки, и дамы. Деревенские танцы, в основе которых, без сомнения, лежали языческие обряды, часто вели ко всякого рода эксцессам, и церковь относи-

лась к ним весьма неодобрительно. Обычно в каждой деревне одна и та же женщина была заводилой на танцах и возвещала их начало и конец ударом гонга. Также весьма популярным способом проведения свободного времени было пение баллад в зале замка, местной пивной или на рыночной площади. Одна странная легенда зафиксирована в германских хрониках 1013 года. В ней говорится, «как в рождественскую ночь 12 дураков танцевали хоралы». Хоралом назывался танец, сопровождаемый пением.

Эти «дураки» соблазнили дочь священника присоединиться к их танцу вокруг церкви как раз тогда, когда ее отец собирался начать мессу (следует помнить, что в то время, да и позднее канонический закон, запрещающий священникам жениться, соблюдался не так строго). Священник велел им остановиться и идти на службу. Они отказались, и один воскликнул: «Почему мы должны стоять? Почему бы нам не погулять?» - и сумасшедшая пляска продолжилась. Рассерженный священник воззвал к «Богу, в Которого я верую», чтобы тот наказал их и чтобы они танцевали все 12 месяцев подряд. Когда танцующие пробегали мимо, сын священника схватил за руку свою сестру. К его ужасу, рука отломилась, как мертвая ветка, но все продолжали танцевать.

Все плясали, сцепив руки,
Не замечая ни дня и ни ночи.
Когда день пришел, когда ушел,
Всем было все равно.
Лишь только танец и слова стучат.
Стоять не будем мы,
Мы будем танцевать.

Наконец время проклятия закончилось:

В мгновение ока
Бегут они в церковь,
И вдруг все упали на землю.
В живых не остался никто.

В сельской местности случались и менее трагические танцы, например на праздниках, таких как дни майского дерева или летнего равноденствия, возле загонов для стрижки овец или амбаров. Люди, как правило, танцевали под аккомпанемент волынки.

И работницы, и жены бюргеров любили бывать в пивных, их обычно содержала женщина, которая сама варила эль. Здесь они сплетничали и рассказывали друг другу разные истории. Фарсовые сценки, которые часто помещали в «мистические» или религиозные пьесы для их оживления, могут многое рассказать об атмосфере пивных. Одна из таких сценок изображает встречу жен йомена и сержанта. Первая заявляет, что сержант сломал руку в стычке. «О! - вскричала жена пострадавшего. - Он избил меня прошлой ночью. Так что я рада!»

Они идут отметить радостное событие. «Ты будешь пить первая, сплетница, - говорит жена сержанта. - Ты принесла известие о неприятности с моим мужем. Пусть бы ему всю башку проломили, чтобы он уже никогда не мог бить меня».

Еще одним популярным местом были общественные бани. К первой половине XIII века они вновь появились в главных городах Европы. Во многом это произошло под влиянием вернувшихся из походов крестоносцев. Построенные по образцу мусульманских бань, они имели парильни; и для мужчин, и для женщин бани были еще и клубами, где они могли провести время и пообщаться. Правда, к 1546 году эти клубы так дискредитировали себя,

что в Англии их запретили. Однако во Франции и других странах они существовали еще довольно долго.

Рис. 33. Женская охота на оленя

Женщины из высшего общества проводили много времени, играя в шахматы (рис. 35) и другие настольные игры. Были популярны «дамки», правда не столь захватывающие, как «таблицы», в которых играли на деньги. Префект рассказывает, что горожанки были так увлечены настольными играми, что не видели вокруг себя никого и ничего. На свежем воздухе играли в мяч, а летом часто устраивали пикники, на которых собирали цветы и плели из них венки. На праздник майского дерева горожане часто устраивали лодочные и пешие прогулки, а также поездки верхом, в колясках или даже на шарабане. Это было очень неуклюжее средство передвижения, запряженное цугом лошадей, которое использовалось для поездок на дальние расстояния. В нем обычно лежало несколько подушек и пледов для удобства пассажиров, и его вместительность позволяла перевозить королеву или другую знатную даму вместе с ее слугами.

В Средние века женщины столь же страстно любили активное времяпрепровождение на свежем воздухе, как и мужчины. Иоанн Солсберийский осуждает охоту и с сожалением наблюдает за страстью, с которой женщины предаются этому занятию. Охотились на зайцев, медведей, вепрей, равно как и на лисиц, белок, куниц и других зверей. На охоте использовалось несколько пород охотничьих собак - среди них были борзые, легавые, таксы и грейхаунды. В одной из поэм раннего Средневековья поэт рассказывает, как дама собирается на охоту:

Она прекрасна и добра,
И великолепен ее конь.
Собаки чуют кровь оленей,
И рога звук ее зовет.

На иллюстрации женщина, сидящая на лошади боком, трубит в рог; а ее помощница стреляет из лука в оленя, в которого уже вцепились собаки. Кстати, для того, чтобы трубить, требовалось немалое искусство. Звук рога должен был давать собакам определенные команды. Собаки реагировали на этот звук примерно так же, как нынешние сторожевые псы, охраняющие отары овец, откликаются на свист пастуха. В некоторых документах той эпохи говорится, что часто выслеживали оленя или кабана и собаки преследовали его. Дамы охотились на зайца с помощью лука и стрел; они также любили соколиную охоту и рыбную ловлю.

Одним из основных интересов средневековых женщин всех возрастов были, конечно, наряды. Особенно это касалось дам из высшего общества. По законам того времени, представителям среднего и низшего классов не разрешалось носить пышную или дорогую

одежду, даже если они и могли себе ее позволить. В «Романе о Розе» описывается одежда Леди Риш («богачки»):

У Риш есть платье из парчи,
А парча вся - в изумрудах,
И золотом вытканы на ней
Сцены подвигов королей.

Очень большое значение придавалось воротнику или ожерелью, которое носила женщина. В письме мужу, рассказывая, как в 1453 году королева Маргарита Анжуйская приезжала в Норвич, Маргарет Пейстон писала, что вынуждена была попросить у своей кузины Элизабет украшения, потому что «я бы сгорела от стыда, если бы появилась со своими жемчугами среди всех этих разодетых дам. Умоляю тебя сделать мне одолжение, чтобы я могла купить себе что-нибудь на шею». Ну и кто после этого скажет, что между средневековыми и современными женщинами такая уж большая разница?!

Глава 5

Пилигримы и крестоносцы

«Мой обожаемый супруг, я пишу, желая узнать о вашем здоровье, и благодарю Бога за то, что он спас от тяжелой болезни. Моя матушка обещала сделать еще одно изображение нашей Богородицы в Волсингхэме из воска весом, равным вашему... а я дала обет отправиться в паломничество в Волсингхэм и в монастырь Святого Леонарда, чтобы помолиться за вас. Молю вас прислать мне как можно скорее весточку о вашем драгоценном здоровье...»

«Отправиться в паломничество». Это самое большее, что Маргарет Пейстон могла сделать, чтобы избавить мужа от «тяжелой болезни». Когда лучшие доктора сделали для пациента все, что было в их силах, когда маги и знахари испробовали без видимого результата свои заговоры и снадобья, оставался еще один действенный, по мнению средневековых людей, способ вылечить болезнь - отправиться в паломничество к какому-нибудь знаменитому храму Богородицы (такому, как, например, Волсингхэм) или усыпальнице одного из святых, мучеников или Отцов Церкви. Это стремление посетить святые места было широко распространено среди людей Средневековья. Причины тому были самые разнообразные, равно как и характеры самих паломников. Для некоторых такое путешествие было надеждой на прощение за совершенные грехи, гарантией спасения души после смерти или, по крайней мере, уменьшения наказания за совершенные проступки. Для других это был способ избавиться от скуки, когда в их жизни не происходило ничего примечательного или интересного. Для крепостного или для преступника паломничество было надеждой на обретение свободы. Однако для большинства глубоко верующих христиан желание поклониться Христу в Иерусалиме, на том самом месте, где «от креста началось Евангелие», было всепоглощающим желанием, которое помогало им преодолевать тяготы путешествия и риск встретить смерть от несчастного случая, голода или от руки врагов или попасть в плен к пиратам или мусульманам со всеми последующими ужасами рабства.

Начиная с IV века христиане отправлялись в паломничество в Рим или Иерусалим, а в XI веке монахи монастыря в Ключни сделали местом паломничества усыпальницу святого Иеремии в Кампостелле. Этот маршрут делали особенно привлекательным монастыри и гостиницы в городах, через которые он проходил. В Туре, Арле, Сен-Жиле и во многих других местах паломники и их кони могли найти кров и еду. Кроме этого в Ронсевале име-

лись лечебницы для страждущих, где им обеспечивали постель и ванну, диету, состоящую из миндаля, гранатов и других фруктов. Те же, кто путешествовал морем, часто сожалели о своем решении. Корабли (рис. 34), везущие на борту по 60-100 паломников, жались друг к другу, так что еле могли двигаться, и часто на них не было ни крова, ни еды для пассажиров. Один из таких паломников не без юмора описал тяготы такого путешествия в XV веке. Мы слышим, как капитан отдает приказания коку «сейчас же приготовить наше мясо», а потом, хохоча во все горло, при виде мертвенно-бледных лиц паломников, добавляет: «У наших паломников нет аппетита. Пусть Господь дарует им отдых».

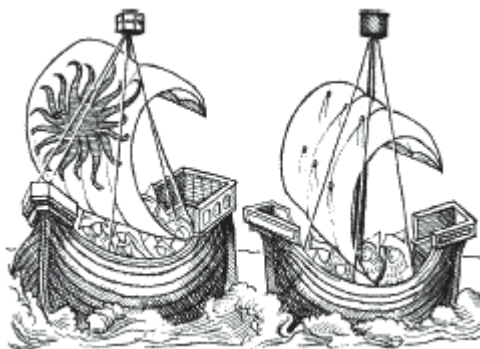

Рис. 34. Корабли пилигримов

Некоторые паломники и путешественники XV века оставили воспоминания о своем суровом странствии из Англии в Рим. Среди них был некий Уильям Вей, житель Итона, который путешествовал из Фландрии и Германии через Антверпен, Кобленц, Вормс, Ульм, Мемингейм, затем через Альпы в Ломбардию, Верону, Болонью, Сиену, Витербо и, наконец, попал в Рим. Во время своей второй поездки он должен был сойти с прямого маршрута, чтобы избежать конфликта, разгоравшегося между двумя епископами на Рейне, и обойти стороной земли герцога Австрийского, отлученные от церкви. Но эти трудности были не столь уж существенными. Гораздо больше опасностей представлял переход через Альпы. Испанский паломник Перо Тафур, путешествующий с юга на север, так описывает свой переход через Сен-Готардский перевал в 1437 году:

«На третий день своего путешествия после отъезда из Милана я прибыл в немецкий городок, где все мои животные и багаж были погружены на лодки, которые затем пересекли озеро, берущее свои воды из альпийских рек. На следующий день я отправился в путь и добрался до подножия Сен-Готардского перевала, который находится высоко в Альпах. Был конец августа, и на солнце снег таял, что делало переход особенно опасным. Местные жители обычно используют волов, которые привычны к горным тропам. Один из волов идет впереди и тянет за собой на длинной веревке волокушу, похожую на молотилку. Пассажир сидит на этой повозке верхом, а его лошадь на поводке идет позади. Если вдруг происходит что-то непредвиденное, то страдает только вол. Прежде чем вступить в узкие ущелья, путешественники стреляют из своих ружей, чтобы обрушить нависающие шапки снега, ведь сход лавины может похоронить под собой путешественников... Кстати, плотность населения в горах достаточно велика, а потому там много гостиниц и маленьких приютов».

Рис. 35. Паломничество

Достигнув приюта Сен-Готард, Тафур заплатил за нанятых волов и взял курс на Базель через горы. Адам из Уска, который перешел через Сен-Готардский перевал в 1402 году, тоже пользовался повозкой, которую тянули волы. Как он пишет, «он был полумертв от холода, а глаза ничего не видели от слепящего снега, так что даже опасности перевала различал с трудом».

Однако гораздо больше риска таило в себе путешествие в Иерусалим. Обычно паломники отправлялись в путешествие из Венеции, откуда они в мае отплывали на кораблях в Святую землю. Уильям Вей, который дважды совершал паломничество в Иерусалим, оставил потомкам «список рекомендаций для будущих паломников»:

«Попав на корабль, постарайтесь устроиться на верхней палубе, потому что на нижней - удушающе жарко. За путешествие на корабле до Яффы и обратно, вместе с питанием, вы заплатите 40 дукатов и приятно проведете время. Однако заключайте договор с капитаном в присутствии герцога и других сановников Венеции под гарантию в 100 дукатов. Это будет включать остановку в некоторых портах, где на корабль будет завозиться свежая вода, хлеб и мясо».

Уильям рекомендовал паломнику заранее купить себе спальное место, матрац, две подушки, две пары простыней и одно покрывало у торговца на площади Святого Марка. «И заплатите вы за все это четыре дуката, а по возвращении продадите эти вещи прежнему владельцу за полтора дуката, поскольку они уже будут поношены».

Надо также договориться с владельцем корабля, чтобы дважды в день вам подавали горячие блюда с хорошим вином и свежей водой, а по возможности и с бисквитом. На борт корабля должны быть погружены две бочки с вином и одна бочка со свежей водой. «И обязательно купите себе сундук, куда вы сложите все свои вещи». Под «вещами» имелись в виду запас хлеба, сыра, яиц, фруктов, бекона и вина, потому что «иногда вам будут подавать прогорклый хлеб, плохое вино и дурно пахнущую воду, так что вы будете только рады, что у вас есть собственный запас еды». Далее Уильям советует также хранить в сундуке сладости, слабительные, тонизирующие средства, имбирь, рис, изюм, финики, перец, шафран, мак, а также несколько сковород, тарелок, деревянных подносов, стаканов и хлебницу. Когда Уильям заканчивает свои наставления советом взять на борт клетку с полудюжиной кур и полбушеля корма для этих птиц, становится абсолютно непонятно, как на корабль могли при этом поместиться и другие паломники с поклажей.

При этом совет Уильяма о том, как вести себя, прибыв в порт назначения, звучит совсем не по-христиански:

«Когда вы приезжаете в город-порт, то, если пробудете там три дня, постарайтесь раньше всех сойти на берег, чтобы найти себе жилье, поскольку иначе все будет быстро занято. И если вы найдете там хорошую еду, купите ее, пока там не появились все остальные».

Прибыв в Яффу, порт Иерусалима, следует проявить такую же поспешность, чтобы заполучить лучшего осла. А цену и за лучшего, и за худшего осла вы заплатите одинаковую».

Судя по всему, в свое первое паломничество на Святую землю он был ограблен. «Все время держите в поле зрения ножи и другие мелкие вещи, - предупреждает он, - потому что сарацины украдут у вас все, что только смогут».

Перо Тафур более подробно описывает прибытие в Яффу, чем Уильям. Он говорит, что прибытие корабля «почти сразу становится известно приору аббатства на горе Сион, который посылает двух монахов к губернатору Иерусалима, и они возвращаются с охраной от султана. Затем паломники сходят на берег и составляют список прибывших для губернатора. Еще один список монахи оставляют у себя».

Из других источников мы знаем, что большинству паломников приходилось ждать прибытия конвоя в пещерах на песчаном берегу моря, известном как берег Святого Петра, где было невыносимо жарко, пыльно и грязно. Когда, наконец, с требованиями вежливости было покончено, паломникам разрешалось направиться в Иерусалим верхом на ослах.

Уильям также перечисляет греческие слова и фразы, которые могут оказаться полезными для паломника: «Доброе утро», «Добро пожаловать», «Как мне пройти?», «Женщина, у вас есть хорошее вино?», и самые главные: «Сколько?» и «Дорого». Одним из последствий паломничеств на Святую землю было распространение французского языка, поскольку в эпоху позднего Средневековья именно французский, а не латынь стал языком общения высшего сословия. Сэр Джон Мандевилло в начале XV века говорит:

«И знайте, что я бы из храбрости написал эту книгу на латыни, но не сделал этого, поскольку многие гораздо лучше понимают романский... и чтобы лорды, рыцари и другие знатные люди, которые не понимают латыни или очень мало говорят на ней, бывали за морями, могли оценить, правдива ли моя история или нет».

В XIV веке было написано много разговорников, чтобы помочь путешественникам «говорить и писать на хорошем французском языке, который является самым прекрасным и изящным языком, самым благородным из всех, после латыни».

Среди многочисленных святых мест Иерусалима особо почитаемой была церковь Гроба Господня, как последнее место земного пребывания Спасителя. Однако она была открыта лишь два раза в год - со Страстной пятницы до Пасхального понедельника и в праздник Воздвижения Креста Господня (13-14 сентября). Ее стражи оставались запертыми внутри до начала нового сезона паломничеств. Еду им передавали через отверстие в двери.

Сегодня христиане допускаются в мечеть Омара, перестроенную из древнего храма Соломона, а Тафур хотя и посетил ее в 1437 году, но это могло стоить ему жизни:

«В ту ночь договорился я с неким португальцем и предложил ему два дуката, чтобы он провел меня в храм Соломона, и он согласился. В час ночи я вошел, одетый в его одежды, и увидел храм, который состоит из одного нефа и весь украшен разноцветной мозаикой. Пол и стены храма сделаны из прекраснейшего белого камня, и в нем столько ламп, что они светят, как солнце. Крыша абсолютно плоская и покрыта свинцом. Говорят, что, когда Соломон построил храм, это было самое великолепное здание в мире... без сомнения, ему до сих пор нет равных. Если бы меня узнали, наверняка убили бы... Тот португалец проводил меня на гору Сион, где монахи уже молились за меня, как за умершего, поскольку я не явился в назначенное время, и они были страшно рады видеть нас со спутником».

Еще раньше, чем Тафур, в Иерусалиме побывал Ричард, настоятель аббатства Святой Ванессы, который ездил туда еще в 1026 году. Он был одним из тех, кем двигала глубокая и искренняя вера, и всем сердцем жаждал попасть на Святую землю. Прибыв, наконец, туда, где так долго хотел побывать, он, как говорят, разрыдался от счастья.

Когда он смотрел на столп Пилата в Претории и представлял себе мучения Спасителя - то, как в него плевали, бросали камни и осмеивали его терновый венец; когда, стоя на Голгофе, он видел перед собой распятого, страдающего, осмеянного, кричащего от боли и теряющего присутствие духа Спасителя, сердце Ричарда разрывалось от боли, а из глаз текли слезы горечи и страдания.

Три столетия спустя, в 1395 году, еще один паломник лорд Англурский, с группой французских пилигримов отправился на Святую землю. В Венеции, «самом блестящем, благородном и прекрасном городе, расположенном на берегу моря», они видели святыни этого города: руку от мощей святого Георгия, обожженную плоть святого Лаврентия, «уже превратившуюся в прах», реликвии святого Николая, ухо святого Петра и один из кувшинов Каны Галилейской, в котором Господь превратил воду в вино. Возможно, самым примечательным в данной коллекции был зуб змея, которого победил святой Георгий. Этот коренной зуб «более половины фута длиной, и весит он целых 12 футов». Вот уж действительно зуб достоин такого великана! Один только рассказ об этом чуде мог кого угодно сподвигнуть отправиться в паломничество. Скорее всего, лордом Англурским и его спутниками двигало не только желание посетить Святую землю и получить в награду «милость Божию», но и страсть к приключениям. Даже угроза кораблекрушения не могла остудить их пыла. На пути домой их корабль попал в страшный шторм, и они были вынуждены укрыться от него в одном из портов Кипра. Прием, оказанный местным правителем, был достойной компенсацией за их страдания. На корабль были доставлены поистине королевские дары - 100 кур, 20 овец, 2 быка, много вина и хлеба. После обеда их пригласили ко двору, где их приняли король и королева - потому что «оказать гостеприимство паломнику - все равно что оказать гостеприимство самому Христу». На следующий день король, большой любитель охоты, пригласил паломников-мужчин поохотиться вместе с ним.

Когда лорд Англурский завершает повествование о своих приключениях, мы ощущаем облегчение и удовлетворенность путешественника, благополучно добравшегося домой после тяжелого пути: «В четверг, 22-й день июня, в канун праздника Иоанна Крестителя, в году от Рождества Господня 1396-м, мы снова обедаем в Англуре».

И хотя Иерусалим был, без сомнения, самым желанным объектом поклонения, каждое святое место было по-своему привлекательно, каждое торговало собственными реликвиями, распространяло свои мифы о чудесах и исцелениях, а также выдавало духовные награды. В Рокамадуре во Франции право продавать изображение Богородицы было даровано одной семье - де Валлон - взамен за оказание военных услуг. Они, в свою очередь, делились прибылью с епископом Тульским. Однако в 1425 году нищета в том регионе была столь ужасающей, что епископ в течение двух лет передавал свой доход от продаж изображений Богородицы на приобретение еды для своей паствы. У Людовика XI, старого паломника, головной убор был украшен литыми образками и реликвиями - и это были его единственные украшения.

Позже Эразм Роттердамский высмеял эту традицию ношения реликвий. «Умоляю, скажи, что это у тебя за наряд? - задает он вопрос устами одного из своих персонажей. - Я думаю, твоя одежда сделана как будто из ракушек. Со всех сторон свисают какие-то свинцовые и жестяные пластины. Ну и причудливо же ты украсил себя соломенными перьями, да и руки у тебя прогнулись под тяжестью змеиных яиц».

В Рокамадуре также хранился знаменитый меч Дюрандаль, который якобы принадлежал Роланду. Именно из этого города Роланд отправился в злополучный поход против мавров. Здесь же можно было увидеть многочисленные подношения верующих. Драгоценности, богатые одежды, золотые и серебряные украшения в течение многих лет хранились там, чтобы обеспечить подарившим их благосклонность Небес. Многочисленные пряди женских волос напоминали об истории, издавна ассоциировавшейся с этим святым местом. Одна из паломниц, известная своей небесной красотой, ослепла в результате своей не слишком благочестивой жизни. По дороге в Рокамадур она молилась Деве Марии, чтобы зрение вернулось к ней. Ей была дарована эта милость, но, когда она прибыла на место паломничества, ей не разрешили переступить порог святого места. Когда она у входа в храм исповедовалась в своих грехах священнику, тот сказал, глядя на ее прекрасное лицо: «Дорогая дочь, я думаю, ваши прекрасные локоны причинили много боли тем, кто любовался ими. Подарите же их Господу нашему и нашей Богородице!» Локоны были ос-

трижены, отнесены в церковь и помещены среди других иконов, таким же образом подаренных церкви. Дама последовала за ними, чтобы вознести благодарность Деве Марии. Однако по дороге домой красавица, подобно жене Лота, с сожалением оглянулась, вспоминая о своих волосах и желая, чтобы они вернулись к ней. Ее желание немедленно исполнилось, но вместе с волосами к ней вернулась и слепота.

Многие святые места, относившиеся к Деве Марии, были отмечены некими чудесами, и в Средние века из уст в уста передавались истории о них. Одна из таких историй повествует о фламандском монахе, который изображал на стенах аббатства рай и ад. Он как раз рисовал дьявола, ужасного как смерть, когда само Его Сатанинское Величество явилось ему в образе человека и умоляло художника нарисовать его молодым и прекрасным. Монах отказался, и разъяренный Дьявол отодвинул стену, над которой он работал. Когда монах стал падать, статуя Девы Марии, стоявшая в нише под порталом, вытянула руки и держала его, пока не подошла помощь.

По количеству церквей и других мест, где имелись мощи и священные реликвии, Рим явно занимал первое место.

Одной из наиболее почитаемых святынь был плат святой Вероники. Он представлял собой кусок ткани, на котором отпечатались изображение лица Христа после того, как святая вытерла пот с его чела на пути на Голгофу. Один только вид этой святыни обеспечивал паломнику отпущение грехов на 12 000 лет - но для жителя Рима этот срок сокращался до «каких-нибудь» трех тысяч лет. В поэме «Места остановки креста» автор задается вопросом, зачем идти в Иерусалим или в монастырь Святой Екатерины на горе Синай, чтобы получить отпущение грехов, если в самом Риме 157 часовен и 1000 церквей готовы даровать эту милость? Поднявшись по 29 ступеням, ведущим в часовню, где святой Петр служил свою первую мессу, «получишь ты прощение на 7 тысяч лет». В часовне, где покоятся останки 10 000 мучеников, нам говорят, что, выстояв мессу за друга, ты освободишь его от наказания адом, а поднявшись к столбу, где был прикован Христос, увидев плащаницу святого Фомы, частицу Креста или припав к источнику святого Мартина, любой паломник получал отпущение грехов на тысячи лет. Эти индульгенции давали отпущение и будущих грехов; но они не избавляли от вины или вечного наказания за грехи.

Естественно, что всякого рода шарлатаны и самозванцы не преминули воспользоваться земными благами, положенными истинным паломникам. Эти «профессиональные паломники» с легкостью зарабатывали себе на жизнь, попрошайничая по пути от святыни к святыне и пользуясь бесплатными услугами, предоставляемыми паломникам в монастырях и приютах. У каждого на ремне висел мешок для еды и другого имущества, который был отличительным признаком всех пилигримов. Но что гораздо более важно, типичное одеяние с капюшоном было сплошь покрыто реликвиями из мест, которые он посетил, - раковины из Компостеллы, изображения головы Иоанна Крестителя из Амьена и святой плащаницы из Рима, образки трех волхвов из Кельна и Девы Марии из Рокамадура, а в руке «паломника» всегда была пальмовая ветвь - знак того, что он посетил Иерусалим. С помощью богатого воображения и хорошо подвешенного языка эти проходимцы услаждали слух собравшихся рассказами о чудесах, увиденных ими во время путешествий, а их битком набитые торбы свидетельствовали о правдивости этих рассказов, к восторгу слушателей. Однако власти с большим неодобрением относились к этим псевдопаломникам. Карл VI Французский своим указом запретил паломничества в Рим, а позже подобные законы были приняты и в других странах. Они были направлены против профессиональных бродяг, которых сажали в тюрьму, если они не могли предъявить специальной лицензии на право совершить паломничество, выданной именем короля и скрепленной его печатью.

Рис. 36. Кража вина у слепого нищего

Эта нелюбовь к профессиональным нищим, равно как и растущий антиклерикализм (особенно в позднее Средневековье), привела к критике паломничества в целом. В «Поэме о Рейнарде» высмеивается стремление паломников посетить Рим. Рейнард, стремясь получить отпущение грехов, идет на исповедь к монаху-отшельнику. Святой человек советует ему испросить отпущение грехов у папы римского. Поэтому Рейнард достает торбу и, одевшись как паломник, очень довольный собой, отправляется в путь. Скоро он встречается барана Беллина и осла, жующего колючки в канаве, который превращается в Бернара - архиепископа. Он убеждает их присоединиться к нему. С наступлением ночи они останавливаются на ночлег в доме, хозяева которого, как кажется, покинули его. Найдя там солонину, хлеб и эль, они садятся ужинать. Хорошенько выпив, они приходят в веселое расположение духа и начинают распевать песни - Беллин блеет, Бернар мекает, а Рейнард вторит им фальцетом. А дом вообще-то принадлежал волку Приманту. Его родственники, услышав доносящиеся из дома звуки, прибежали и прогнали паломников прочь и при этом хорошенько побили их. Затем Рейнард заявляет: «Бог мой, честно говоря, эти путешествия просто отвратительны. Есть много людей, которые никогда не видели Рима. А другие возвращаются от семи святых, став хуже, чем были раньше. Я решил вернуться домой, жить честным трудом и быть милостивым к бедным». Остальные от всей души соглашаются с ним, и все трое возвращаются в свои дома.

Это желание жить тихой и спокойной жизнью резко контрастировало с тем настроением, которое преобладало в Европе в XI и XII веках. Отличительными чертами этого периода были экспансия и развитие, что нашло отражение в прогрессе сельского хозяйства, увеличении населения, религиозном рвении и реформе церкви, беспрецедентном росте количества монастырей, умножении городов и совершенствовании военной техники. Рост шел по всем направлениям - в том числе в интеллектуальной, научной и социальной сферах. Крестовые походы были еще одним способом дать выход накопившейся энергии. Хотя верно, что начало враждебных действий спровоцировали жестокость и нетерпимость турок-сельджуков, которые в XI веке захватили Иерусалим, вкупе с призывом императора Алексея о военной помощи, тем не менее сцена для конфликта была давно подготовлена. Поэтому крестовые походы были еще одной стороной европейской экспансии, которая уже началась и которой было суждено продолжиться и в следующем веке.

Когда в 1095 году папа Урбан II призвал в Клермоне к началу Первого крестового похода, его призыв нашел широкий отклик. Святые войны обладали некой притягательной силой. Но они находились в прямой оппозиции к религиозным воззрениям святого Ансельма, который еще в 1086 году нисколько не питал иллюзий относительно истинного характера «религиозных» войн. Отвечая на вопрос молодого человека, который спросил его совета, становиться ли ему монахом или лучше вступить в ряды защитников погрязшего Константинополя, Ансельм писал:

«От всей души советую и умоляю тебя, который дорог мне, оставить всякую мысль о том Иерусалиме, который сейчас является не образом мира, но источником волнений; о богатствах Константинополя, которые попадут в руки, запачканные чужой кровью, и всту-

пить на дорогу к Иерусалиму небесному, который является символом мира и где ты найдешь сокровища, которые достанутся только тем, кто презирает богатства земные».

Папе Урбану II не понравился бы этот совет, когда, 11 лет спустя, он начал набор рекрутов в свою армию. Призывая рыцарей и землевладельцев, которые во время междоусобных войн пролили немало невинной крови, «прекратить воевать со своими братьями и родными, прекратить вести жизнь разбойников и грабителей и стать вместо этого воинами Христа», он указал, в каких тисках оказалась зажатой Европа. «Азия, которая является родиной христианства, где все апостолы, кроме двух, нашли свою смерть, находится в руках мусульман». Там малые общины христиан «смотрят на нас с надеждой обрести свободу, которую они потеряли». Что же до Африки, где когда-то жили лучшие умы христианства, то она уже 200 лет находилась под властью мусульман. Да и сама Европа не была полностью христианской, потому что «кто назовет христианами тех варваров, которые живут на далеких островах и добывают себе пропитание в ледяных водах, подобно китам? Эта маленькая часть мира, принадлежащая нам, живет под постоянной угрозой со стороны турок и сарацин, которые уже 300 лет находятся в Испании и на Балеарских островах и которые надеются поглотить остальную Европу».

Ужасающая картина, которая, должно быть, вывела большую часть его слушателей из состояния умиротворенности! Потому что, с тех пор как в 732 году Карл Мартелл («король-молот») разгромил мусульман в битве при Пуатье и выдворил их обратно в Испанию, люди привыкли считать Пиренеи той гранью, которую их враги никогда не осмелятся переступить. А на востоке Константинополь казался надежным бастионом, защищавшим Европу от неверных. Однако в 1071 году турки одержали убедительную победу при Манцикерте, и после этого император обратился к Западу с просьбой о военной помощи.

Рис. 37. Саладина выбивают из седла

Страх, религиозное рвение освободить святые места от господства турок, жажда приключений, надежда на приобретения - как духовные, так и материальные - все это сыграло свою роль в том, что воззвание папы нашло горячий отклик среди его паствы. Помимо этого, благодаря его красноречию нашел выход тот огонь, который тлел в сердцах христиан, и он разгорелся с такой силой, устоять перед которой было невозможно. Все ринулись вперед с криками: «Господь призывает нас!», и в последующие месяцы рыцари и крестьяне, ремесленники, странники и преступники, престарелые и немощные, женщины и дети толпами устремлялись за будущим символом всех крестовых походов - красным крестом. Его «немедленно пришивали себе на одежду, на правое плечо, сопровождая свои действия восторженными криками, что они последуют дорогой Христа». Во Францию потянулись и представители других народов, люди, говорящие на никому не известных языках. Прибыл даже целый отряд из Шотландии, «они выбрались из своих родных болот, с голыми ногами, в грубых плащах, со свисающими с плеч торбами, обвешанные оружием, довольно непривычные и даже смешные на наш взгляд, но искренне предлагавшие свою помощь богоугодному делу».

Итак, на Константинополь двинулась разнородная, плохо вооруженная и не подчиняющаяся никакой дисциплине толпа под предводительством Петра Отшельника и человек десять или чуть более рыцарей. Основные силы выступили следом. Когда эта первая оборванная и потрепанная толпа двинулась через страны Европы, во многих районах ее встречали по-доброму. Однако время от времени возникали и конфликтные ситуации, чаще всего из-за буйного поведения многих крестоносцев. Они не только грабили местных жителей, поджигали мельницы и другое имущество, но даже разграбили Белград и подожгли город, жители которого в панике бежали. В Константинополе их приближения ожидали с ужасом. Анна Комнин, дочь императора Алексея, записала свои переживания, когда к самому богатому и культурному городу Европы приближался «народный крестовый поход». Ей казалось, что «весь Запад, со всеми варварами, жившими от дальних берегов Адриатики до Геркулесовых столбов, превратился в одно целое, и теперь это целое двигалось в Азию через всю Европу, со всем своим скарбом и домочадцами». Эти нежеланные гости были со всей любезностью и вежливостью приняты Алексеем, но потом их на пароме переправили через Босфор в Азию, где они были истреблены турками.

Наконец, преодолев многочисленные препятствия, в Святую землю прибыли гораздо лучше организованные отряды рыцарей, которым, благодаря отсутствию среди мусульман единства, удалось захватить Антиохию и Иерусалим, где были образованы христианское королевство и княжество. Страдания и испытания, выпавшие на долю первых крестоносцев, описаны одним из них:

«Мы преследовали этих отвратительных турок по пустой, безводной и безлюдной земле, откуда еле ушли живыми. Мы невыносимо страдали от голода и жажды, а там нечего было есть, кроме колючек. На такой пище мы с трудом смогли выжить, но потеряли большую часть лошадей, поэтому многим рыцарям пришлось идти пешком, как простым солдатам. Нам приходилось впрягать лошадей в повозки и использовать овец, коз и собак как вьючных животных».

Рис. 38. Крестоносцы осаждают Антиохию

Между XI и XIII веками состоялось девять крестовых походов. Они ставили своей целью спасти восточный христианский мир от мусульман, но к их концу он как раз и оказался полностью под их властью. Кроме этого, никак нельзя утверждать, что крестовые походы или образ жизни в созданных ими королевствах привели к таким изменениям в Европе, какие никогда не произошли бы без помощи этих затяжных, бесполезных и дорогостоящих войн. Стрельчатые арки, некоторые усовершенствования в военном строитель-

стве и введение на Западе геральдики могут быть приписаны влиянию крестовых походов. Также не подлежит сомнению, что пилигримы и солдаты, вернувшись в Европу, после того как вкусили прелестей роскошной жизни крестоносцев, осевших в Святой земле, привезли с собой страстное желание купаться в такой же роскоши у себя дома. Однако движение предметов роскоши с Востока на Запад началось задолго до Крестовых походов. К XI веку, а может быть, и раньше на Кипре и в Греции обосновались шелкоткачи из Константинополя и стали производить изысканные ткани, а к XII веку Сицилия стала центром текстильной промышленности, который обеспечивал своими товарами и христиан, и мусульман. Одним из любимых мотивов ткачей был орел. Их изделия часто украшали как светские здания, так и церкви, а также использовались для пошива одежды и лиц духовного звания, и аристократии.

Действительно, Венеция и другие итальянские города во многом обязаны своим быстрым ростом и богатством разделу Восточной Европы после разрушения Константинополя в 1204 году во время Четвертого крестового похода. Однако цена, заплаченная за это, была слишком высокой. Также верно, что многие византийские ученые обрели свой второй дом в Италии, что повлекло за собой распространение гуманизма на Западе. Однако опять-таки, к сожалению, это тоже было достигнуто путем разрушения восточного христианского мира.

Таким неоспоримым фактом является то, что византийское искусство выжило и достигло своего расцвета в XIV - начале XV века, однако бастион, защищавший Европу от турок, оказался разрушен теми самыми людьми, которые должны были бы укрепить его. Ворота, которые крестоносцы должны были защищать, утратили свою прочность, а затем и вовсе пали вследствие глупости, жадности (здесь следует особо выделить Венецию и ее хитрого дожа) и неспособности понять и воспринять другую культуру. В результате в самое сердце Европы хлынули толпы неверных, носителей чуждой европейцам цивилизации. А предательство, совершенное крестоносцами в 1204 году, принесло христианским народам Балкан лишь страдания, преследования и порабощение.

Единственное изменение в общественной жизни Западной Европы, которое было ускорено (но не явилось полностью следствием) крестовыми походами, - это уменьшение феодальной власти королей и земельных магнатов. Однако не подлежит сомнению, что постоянно растущий объем торговли и увеличивающееся влияние городов привели бы к тому же самому результату, хотя и несколько позже. Тем не менее, чтобы достать деньги на экипировку и заплатить за лошадей, оружие и слуг, короли и землевладельцы, отправлявшиеся в крестовый поход, продавали вольные грамоты, «которые разбивали оковы рабства, обеспечивали фермы крестьянами, а мастерские - ремесленниками, и постепенно восстановили плоть и дух самой многочисленной и полезной части общества».

Рис. 39. Византийская ткань

Рис. 40. Пленение Ричарда Львиное Сердце

Последним и, может быть, не очень ощутимым результатом крестовых походов было расширение кругозора европейцев в результате контактов с Востоком. Ричард Львиное Сердце и мусульманский вождь Саладин стали не только символами рыцарства, но и понимания между людьми разной веры и культуры. Действительно, многие мусульмане и франки, которые жили в Святой земле бок о бок, достигли высокого уровня взаимоуважения, терпимости и даже дружеских отношений. Усама, друг Саладина, который написал весьма поучительные и забавные хроники крестовых походов, включил в них историю, которая в полной мере иллюстрирует эти слова. Он рассказывает, что некий французский рыцарь разрешил ему молиться в маленькой часовне, которая раньше была мечетью, но потом стала христианской церковью. Другой француз, увидев молящегося Усаму, выгнал его из здания. Мусульманин вернулся и продолжил молитву, но снова был изгнан. Но его французский друг, увидев это, пришел ему на помощь. «Он лишь недавно приехал в Святую землю, - пояснил он поведение своего соплеменника. - Он не понимает образа жизни тех, кто живет здесь так долго, как мы».

Конечно, такое отношение к заклятым врагам христианства не было общепринятым в западном мире и, без сомнения, вызывало подозрение и неприязнь большинства. Тем не менее это - показатель более непредвзятого и открытого взгляда на мир и падения барьеров между людьми и культурами, в которые паломники, крестоносцы и торговцы внесли свою лепту.

Глава 6

Отшельники и странствующие монахи

Монастыри и приораты! При этих словах воображение рисует руины английских аббатств или более похожие на крепость своды Монте-Кассино в Италии или монастыря Святого Галена в Швейцарии на вершине горы. Однако эти импозантные здания и чудесные пейзажи, свидетельствующие о богатстве и мощи, - вовсе не те места, где можно было отыскать первых христианских монахов. Само слово «монах» (от греческого «monos») означает «одинокий человек», и поэтому первые отшельники, как правило, устраивали себе жилище в шалаше, или в пустыне, или в пещере, или просто где-нибудь под сплетенными

ветками деревьев. Там, живя в полном одиночестве, они питались ягодами, орехами или финиками, потому что отшельничество зародилось на Востоке. Проводя жизнь в молитвах, размышлениях и при полном отказе от всяких удовольствий, они пытались подавить человеческое естество и присущую человеку тягу к удовольствиям земной жизни, чтобы достичь небесного блаженства. Главной их целью было спасение собственной души. Сами того не желая, они тем не менее влияли на других. Скоро к ним стали присоединяться мужчины и женщины, которые жили по соседству в отдельных кельях и стремились во всем подражать им. Через некоторое время возникла необходимость в выработке свода правил, которые бы регулировали жизнь этих отшельников. Одним из первых таких сводов был Свод законов святого Василия Великого (379 г.), который применялся в Византийской империи вплоть до VIII-IX веков.

Однако к началу V века монастыри появились и на Западе. Самыми знаменитыми были монастыри Святого Кассиана в Марселе и Святого Гонори, в Иль-де-Лерин на юге Франции. Кассиан, который посетил многие обители на Востоке, разработал свод законов для своих монахов. Позже этому своду правил следовали во многих монастырях Запада. Главной целью его учения было достижение чистоты сердца. Для этого «мы должны стремиться к одиночеству и предаваться посту, ночному бдению, тяжелой работе, нагоде тела, чтению и другим послушаниям».

К 530 году Цезарий Арльский из монастыря в Лерине также ввел у себя определенные правила, а помимо этого в Ирландии были основаны обители, функционирующие по правилам, принятым в восточном христианском мире. К VI веку они так прославились своей ученостью, что в них потянулись схоластики со всех сторон: они шли торговыми путями от Луары до Корка. В 550 году там причалил флот из 50 судов, остальные поплыли по Ирландскому морю в Бангор. Беда Достопочтенный дает нам возможность взглянуть на Ирландию 664 года, куда английские дворяне бежали от чумы:

«Некоторые из них посвятили себя монашеству, другие предались изучению наук, переходя от одного учителя к другому. Ирландцы радушно встретили их всех, дали им еду, книги для учения и бесплатное образование».

К 700 году культура и наука вели на континенте отчаянную борьбу за выживание. Однако на островах и озерах Ирландии монастыри все еще жили мирной и размеренной жизнью. Сюда, под их безопасную сень, стекались люди, ищущие знаний, из Галлии, как семена, влекомые ветром. И, как плодородные семена, впоследствии они принесли знания в варварскую и разоренную Европу. Дело в том, что в это время на озерах Ирландии показались внушающие ужас корабли скандинавов. С 795 года они начали свои рейды по некогда мирным монастырям. В своей келье ирландский монах радовался разыгравшейся буре:

Сегодня ветер ревет
И гонит белую пену,
Но я не боюсь:
В такую бурю
Пути не будет врагу.

Но однажды рейды стали такими разрушительными, что монахам пришлось бежать. В страхе оглядываясь назад, они с ужасом видели, что небо над их любимым монастырем было кроваво-красным. Многие из этих ирландцев закончили свою жизнь в каком-нибудь аббатстве на континенте, с тоской вспоминая серое небо и зеленые луга их родной Ирландии.

Во время странствий по земле -
Мне их Господь отмерил меру -

Мечтал я встретить свой последний час
В лугах, где в детстве босиком я бегал.

Тем не менее потеря Ирландии обернулась для Европы крупным выигрышем. Аббат Або отправился в Зальцбург и возглавил там епископат; Дувтах, который копировал грамматику Присциана, как мы знаем из заметок на полях книги, закончил свой труд «в три часа пополудни в апреле 838 года». Каирбе из Инча и Махей из Нендрума оставили после себя манускрипты, написанные в стенах монастыря Святого Галена. Ирландский монах из Райхенау, что на озере Констанс, написал в стенах того же монастыря стихотворение, в котором в полной мере проявляется его чувство юмора, образованность и любовь к своему маленькому белому коту. Когда мы читаем это стихотворение, кажется, что монах и его любимый кот Пангур находятся не где-то в монастырской келье XI века, а в нашей собственной комнате, рядом с нами.

Мой кот Пангур и я
Без дела не сидим.
Он - всех мышей гроза,
А я - склонился над столом.
Не скучно нам вдвоем,
Ведь каждый для себя
Находит без труда
Зарядку для ума.
Когда он ловит мышь,
Он ловок и силен,
А я наук гранит
Грызу - и счастлив и умен.

Действительно, Ирландия сыграла громадную роль в строительстве средневековой цивилизации, которая начинала возрождаться, словно феникс, на руинах классического мира. В 690 году нортумбриец Вилброрд, который ранее учился в Ирландии, обратил фризийцев в христианство и поставил на месте нынешнего Люксембурга монастырь в Эхтернахе. Красота и стиль эхтернахских часовен свидетельствуют не только о труде миссионеров, но и о стремлении распространить нортумбрийское и ирландское искусство по всей Европе.

Многие из монастырей, сыгравших важную роль в истории Европы, были основаны ирландцами. Монастыри Святого Мартина в Кельне и Святого Петра в Ратисбоне были ирландскими по происхождению. Варцбург, Нюрнберг, Зальцбург, Айхштадт, Вена и Прага были центрами ирландско-христианского влияния. Когда Колумбан в 609 году основал Люксейль и Боббио в Италии, его ученик дал имя монастырю Святого Галена. Монастырями Сен-Бертин, Юмьерже, Сен-Рикер и Ремиремон, Корби и Райхенау список не исчерпывается. Некоторые из этих монастырей взрастили выдающихся ученых Средних веков, а сам Колумбан сделал очень многое для формирования церкви эпохи Меровингов. Конечно, закон, который он принял: «Не должно человеку ложиться в постель, пока он не начал засыпать на ходу», оказался слишком трудновыполнимым для большинства монахов. Они предпочитали более мягкие правила монашеской жизни святого Бенедикта. Тем не менее суровый ирландец любил все живое. Его часто видели с белкой на плече, а однажды, когда монастырский садовник прервал его занятия, привнеся с собой в келью аромат роз, Колумбан вскричал: «О, возлюбленный сын мой! Ты должен быть главой этого монастыря!»

Рис. 41. Святой Бенедикт вручает своим монахам устав

По сути, между идеалами Колумбана и раннего святого Бенедикта было много общего. Оба полагали, что монахам лучше жить в общинах, чем в скитах. Свод правил святого Бенедикта (526 г.) был, по сути, компиляцией работ Кассиана («Жизнеописание отцов пустынных») и святого Августина. Он также содержит в себе некоторые моменты из «Закона мастера», записанного монахом. Тем не менее свод правил святого Бенедикта несет на себе печать его собственного гения во всем, что касается организации жизни монастыря, его выдающейся личности и его уравновешенности и терпимости. Именно на этих правилах и сейчас держатся латинские монастыри; и по справедливости этот документ должен быть назван самым важным для Средневековья.

В центре общины в том виде, в каком ее представлял святой Бенедикт, стояла фигура аббата, отца своей паствы. Он был избран таковым не благодаря самовыдвижению или стремлению управлять другими, а потому, что желал, чтобы его не боялись, но любили. Тем не менее ему должно было безусловно повиноваться. Все важнейшие вопросы жизни монастыря решались общим собранием монахов. «Братья должны высказывать свои соображения со всем почтением и самоунижением. Они не должны с жаром отстаивать свою точку зрения». Окончательное решение оставалось за аббатом. «Когда он принимает решение, все должны ему подчиниться».

О том, сколь трудно было следовать этим правилам, можно понять из истории жизни одного английского монаха. Хотя и в более позднее время - в XII веке - монахи сталкивались с аналогичными проблемами. Так получилось, что в монастыре, где настоятелем был аббат Самсон, кладовщик, который отвечал за обеспечение монастыря продуктами питания, попросил, чтобы ему выплатили его годовое содержание в 50 фунтов все целиком, а не помесячно. Аббат Самсон без особой охоты удовлетворил его просьбу. Через некоторое время кладовщик истратил лишних 25 фунтов и должен был выплатить пятьдесят до Дня святого Михаила. Услышав об этом, аббат «серьезно заболел» и излил жалобу своего сердца:

«Нет ни чиновного лица, ни монаха, которые могли бы объяснить мне причину этого долга. Говорят, что ее надо искать в непрерывных пирах, которые происходят в жилище приора с согласия самого приора и кладовщика, и в роскошной экстравагантности помещений для гостей - и это из-за небрежности монаха-распорядителя. «Видите ли, - говорит он, - на нас тяжелым грузом лежит большой долг. Скажите, как можно это исправить».

Многие монахи лишь улыбнулись, услышав это, и были удовлетворены сказанным, подтвердив правильность слов аббата. Приор возложил всю вину на кладовщика, а кладовщик - на монаха-распорядителя. Все стремились снять с себя ответственность. Однако мы знали правду, но молчали, потому что боялись. Наутро аббат пришел снова и стал разговаривать с монахами: «Посоветуйте, как лучше управлять кладовыми». Никто не отве-

тил, кроме одного, который сказал, что нельзя назвать ни одной причины, которая лежала бы на поверхности проблемы. На третий день аббат сказал то же самое; и один монах ответил: «Это ты должен дать нам совет, ведь ты - наш начальник».

И аббат сказал: «Раз вы не хотите давать своих советов и не знаете, как управлять собственным домом, то управление монастырем доверяется мне, как вашему духовному отцу и наставнику. Я беру в свое ведение кладовые и все расходы на прием и содержание гостей и управление всеми без исключения внутренними и внешними делами монастыря». Сказав это, он лишил кладовщика и распорядителя их должностей и назначил на их место двух других монахов, а над ними поставил человека из своего ближайшего окружения. Мнения по поводу этого авторитарного решения разделились, но аббат Симон был сильным человеком и, желая навести в своем доме порядок, игнорировал недовольство и продолжил задуманное».

Свод правил святого Бенедикта также определял распорядок дня монахов. День начинался с восхода солнца заутреней (по сути - второй из семи обязательных молитв). После этого братья шли умываться, прежде чем немного перекусить - если это, конечно, был не постный день или большой пост. Затем шли обедня и месса, после чего братья собирались в общей комнате для обсуждения неотложных проблем, выслушивания жалоб или принятия новичков в монастырь. После этого монахи шли заниматься предписанными им делами: одни работали в полях или в саду, другие знакомили новичков с правилами монастырской жизни или занимались переписыванием манускриптов. Богатство монастыря зависело от усердной работы разных монахов - кладовщик занимался закупкой еды и напитков, распорядитель - приемом гостей; наставник заведовал школой послушников, а библиотекарь выдачей книг, а также переписью манускриптов. После этого в монастыре служили обедню, затем монахи обедали, а один из них читал псалмы с кафедры проповедника. Далее еще пять часов работы и - вечерня, после которой монахи имели право немного отдохнуть. Перед ужином они еще раз умывались и перед отходом ко сну шли на последнюю за день службу. Но в полночь монастырский колокол звонил опять, и зевающие и дрожащие от холода монахи с трудом спускались по крутым лестницам, чтобы принять участие в первой службе дня. Можно представить себе, с какой благодарностью они после этого плелись обратно, чтобы поспать еще пару часов.

Но не стоило бы утверждать, что святой Бенедикт хотел изначально сделать жизнь монахов очень тяжелой или что он стремился предписывать, сколько они должны пить или есть, потому что он прекрасно понимал, что в более суровом климате Западной Европы возведенный в абсолют аскетизм египетских отшельников был неприемлем. «Пусть южанин терпит все это, если хочет, - протестовал один из галльских монахов. - Необходимость и природа приучили их к тому, что можно вообще не есть, но мы, галлы, не можем питаться воздухом, как ангелы». Именно эта уверенность, судя по всему, и привлекла впоследствии Бенедикта из Аниана, когда в эпоху правления Карла Великого государство и церковь объединили свои усилия в попытке навязать единообразие и некую дисциплину всем церквям и монастырям империи. Всем монастырям было предложено жить в соответствии со сводом законов Бенедикта из Нурсии в том виде, как его переработал Бенедикт из Аниана. Хотя они и не были до конца успешными, эти реформы внесли большой вклад в унификацию христианской веры. После смерти Карла Великого его империя развалилась. Европа снова подверглась еще более разрушительным набегам скандинавов на севере, сарацин на западе Средиземноморья и мадьяр, которые, придя из восточных степей, заполонили Центральную Европу и Северную Италию.

Однако не только варвары разрушали церкви и монастыри. Жадность феодальных баронов вела к захвату ими земель и имущества церквей. Вряд ли можно нарисовать более мрачную картину Европы, чем та, которую оставили нам в 909 году прелаты Реймса.

«Города брошены, монастыри сожжены или разрушены, земля - как пустыня. Как первобытные люди жили, не зная законов, так и сегодня каждый человек - сам себе закон, презирающий заповеди Господни, человека и церкви. Сильные угнетают слабых, бедные

унижены, а церковь лишают ее собственности. Люди, как акулы в море, пожирают друг друга. Что касается монастырей, то некоторые были разрушены до основания, а другие - полностью разграблены. Оставшиеся монахи не следуют никаким правилам, у них нет настоящих настоятелей, и они вынуждены подчиняться светским феодалам, которые занимают покои аббатов вместе со своими женами и детьми, солдатами и собаками».

И все же за упадком последовало обновление. Не все феодальные магнаты пожирали друг друга и церковь. Герцог Вильгельм Аквитанский, который был не хуже и не лучше других феодалов, в 910 году основал аббатство Ключни в Бургундии. Этот шаг оказался источником новой духовной жизни в Европе. Герцог старел, и убийство, совершенное им в молодости, тяжелым камнем лежало на его душе, поэтому он позвал аббата Верно из соседнего монастыря, чтобы вместе с ним выбрать в Ключни подходящее место для нового аббатства. Затем была написана хартия (устав) аббатства, которую Вильгельм скрепил своей печатью в присутствии многих уважаемых свидетелей. В документе прежде всего указывались причины, которые объясняли великодушие и мудрость Вильгельма.

«Очевидно, что сам Господь велит богатым на добрые дела тратить богатство, которое преходяще, если они хотят получить небесное блаженство... Поэтому я, Вильгельм, милостью Божьей граф и герцог... желая обеспечить спасение души... решаю расстаться во имя души своей с частью моей преходящей собственности, которую даровала мне судьба... Я буду обеспечивать кров и пищу людям, живущим под сводами этого монастыря, с надеждой, что если я сам не могу презирать материальные блага этого мира, то смогу получить награду за правильные и богоугодные действия, если буду материально поддерживать тех, кто презирает этот мир, и тех, кого я считаю праведниками в глазах Божьих».

Дальше в уставе описываются дома и другие постройки с часовней, крепостные, укрепленные за землей, виноградники, поля, луга, леса, водные источники, мельницы, урожаи и доходы, которые Вильгельм передавал аббатству. Далее поименно перечисляются все те, за кого должны молиться монахи, в том числе сам Вильгельм и его родственники.

«При условии, что в Ключни будет основан действующий монастырь в честь святых апостолов Петра и Павла, я полагаю, что монахи будут жить по закону святого Бенедикта, и что в стенах монастыря будут постоянно звучать молитвы и песнопения, и что люди будут искать в его стенах единения с Небом».

Главой монастыря Ключни был назначен аббат Верно, который уже был настоятелем других монастырей. Человек удивительной чистоты и цельности, он был к тому же еще и прирожденным руководителем. После его смерти монахи должны были сами выбрать себе нового настоятеля; они должны были каждые пять лет платить Риму двенадцать кусков золота для поддержания свечей в церкви святых апостолов. Они должны были построить свой собственный монастырь и «каждый день с неустанным пылом работать на благо бедных, помогать нищим, странникам и паломникам». Затем в устав был включен очень важный пункт, который гарантировал, что Ключни никогда не попадет в сети феодализма и не будет зависеть от милости местных правителей.

«В этом документе мы оговариваем, что монахи Ключни всегда будут свободны от нашей власти, от власти наших родственников, от юрисдикции его королевского величества и никогда не будут находиться под игом любой земной власти».

Рис. 42. Монахи показывают свою хартию аббату-реформатору

Монастырь Клуни подчинялся исключительно папской власти и больше никакой другой. Хотя Вильгельм выделил монастырю некоторые земли, он вовсе не был богат. Монахи производили для себя только простейшие вещи, и при их втором аббате Одо, когда они построили часовню, им не хватило еды, чтобы накормить многочисленных священников, прибывших вместе с епископом для освящения нового здания. Однако, на их счастье, «огромный вебрь из леса предложил себя в жертву». Именно таким чудесным образом им удалось удовлетворить свои потребности.

Одо не только заложил основу будущего величия Клуни. Светские власти и сам папа призвали его реформировать и другие монастыри Франции, Италии и самого Рима. Это было не простой задачей, поскольку монахи не любили вмешательства в их дела настоятелей других аббатств. Во Флери (Франция) монахи яростно сопротивлялись самому появлению Одо в монастыре. Свидетель этой ужасной сцены позже подробно описал ее. Когда Одо в сопровождении двух епископов приблизился к монастырю, монахи, предупрежденные о его приезде, забаррикадировали вход в монастырь. Затем, вооружившись мечами и щитами, они вышли на крышу здания, «как будто чтобы метать камни и стрелы в своих противников». Другие, стоя на страже ворот, говорили, что скорее умрут, чем допустят к себе аббата из другого монастыря. Позже они послали к Одо своих представителей, чтобы продемонстрировать ему положения устава о независимости монастыря. Сопротивление длилось три дня, они даже угрожали убить Одо. Наконец не знакомый никому аббат взобрался на осла. На этом жалком животном, без сопротивления и невооруженный, он подошел к Флери. И тут же монахи «отбросили в сторону свое оружие, и бросились ему навстречу, и пали перед ним ниц». Таким образом, скромность помогла Одо подчинить себе мятежных монахов.

В другой раз на пути Одо встали жестикуляция, шипение и изменение лица, которые использовались вместо речи, когда монахи должны были нарушить обет молчания. Один из сторонников Одо, по имени Адольф, мыл его обувь, готовясь к обряду омовения ног, который должен был состояться по закону святого Бенедикта. Один из «нереформированных» братьев проходил мимо. «Скажи мне, где святой Бенедикт предписывает монахам мыть свою обувь?» - спросил он Адольфа сердито. Брат сделал ему знак не шуметь, так как монах нарушал обет молчания. И монах еще более сердито спросил его: «Кто ты такой, что пришел сюда и хочешь навязать свой закон тем, кто лучше тебя? Ты, как ястреб,

нацелился на нашу собственность и отказываешься говорить. Господь не создал меня змеей, чтобы я лишь шипел, и он не создал меня быком, который только и может, что качать головой. Нет. Он создал меня человеком с языком - чтобы говорить». Он и дальше продолжал отпускать подобные замечания, а Адольф поспешно удалился.

Рис. 43. Аббат Хьюго и Матильда Тосканская молятся за Генриха IV

Святой Одо вовсе не был слеп ко всему злу, которое происходило за стенами монастыря. Он боролся с бесчеловечностью, жадностью и честолюбием феодальных баронов единственным оружием, какое было в его распоряжении, - бесстрашным обличением порока и духовным примером:

«Горе тем, кто умножает свое богатство на Сионе: вы великие люди, главы народов, которые составляют дом Израилев... мы должны воздавать должное, но не богатым за их роскошные одежды, а бедным, создателям всех этих богатств, ведь пиры имущих приготовлены на крови и поте неимущих».

Его сострадание к бедным и вера в силу прощения никогда не покидали Одо. Примерно в 936 году, когда Хьюго, король Ломбардии, осаждал правителя Рима Альберика, Одо пытался примирить их. Когда он в очередной раз выехал с этой миссией, какой-то крестьянин прицелился ему в голову из лука. Стоявшие рядом с громкими криками схватили человека за руки. «Тогда самый добрый из наших отцов занял несколько монет и, воздав добром за зло, сделал нападавшего своим союзником». Когда об этом случае узнал безжалостный Альберик, он хотел отрубить крестьянину руки. Но Одо умолял его не делать этого, и человек избежал несправедливости.

Одило, который правил в Клуни с 994-го по 1049 год, был великим строителем. Он говорил, что «нашел аббатство деревянным, а после себя оставил мраморным». Он не только украшал его мраморными колоннами, материал для которых привозили из отдаленных провинций, но также возвел прекраснейшие въездные ворота. При Одило во всех епархиях Франции в 1042 году был провозглашен Договор с Богом. Он также обратился к епископам Италии, умоляя их убедить феодальных магнатов принять его:

«С часа вечерни в среду до восхода понедельника пусть царит мир и существует договор между всеми христианами, друзьями и врагами, соседями и странниками, так что эти четыре дня и четыре ночи, круглые сутки, будет мир между людьми, и чтобы они занимались своими делами, не боясь нападения...»

Преемник Одило, Хьюго, был прежде всего государственным деятелем. Он часто бывал при дворе короля Франции, императора и папы римского, когда речь шла о серьезных государственных делах. Когда император Генрих IV и папа Григорий VII поссорились, Генрих был отлучен от церкви, император умолял Хьюго замолвить за него слово перед па-

пой. Неудивительно, что престиж и богатство Ключни заметно возросли в это время. Чтобы символизировать растущую роль аббатства, Хьюго начал строительство новой базилики в 1088 году. Литургия вновь заняла центральное место в жизни монастыря. Музыка, драма и живопись также вносили свой вклад в рост его влияния. Церковные службы, и в частности месса, стали сложнее и дополнились элементами драматургии, а службы, наподобие той, о которой говорится в «Откровении монаха Эвшама», заложили основу мистических пьес, из которых, собственно, и развилась светская драма. Например, в Страстной четверг с церкви снимали большой крест и прятали за алтарем в течение пятницы и субботы. Затем перед вечерней в Пасху к нефу приближались три одетые в белое фигуры. Из гробницы раздавался хор ангелов: «Чего вы ищете здесь, слуги Христа?» - «Мы ищем Того, Кто был распят, Он посланец Небес!» - следовал ответ. «Его нет здесь. Он вознесся. Идите, и найдете свидетельства Его вознесения».

Для пасхальной службы церковь украшали гобеленами, а все скамейки покрывали коврами. Алтарь также был богато украшен: там были золотые распятия, образа святых - и все это было освещено светом многочисленных свечей. Вся церковь сверкала огнями, и свет этот отражался на богатых одеждах, на золоте, сверкающем мраморе и драгоценностях и на разноцветных гобеленах и коврах. До времени руководства монастырем аббатом Хьюго рвение и усердие монахов нейтрализовало всю эту роскошь. Однако равновесие монастырской жизни, столь мудро созданное святым Бенедиктом, было нарушено. Время работы было сокращено, чтобы увеличить время для литургий. Настоятели больше не жили одной жизнью со всеми монахами, не спали с ними в одних спальнях, не принимали вместе с ними пищу, не руководили их жизнью с любовью, пониманием и одновременно со строгостью любящих отцов. Теперь большую часть времени они проводили в судах, где защищали земные интересы аббатств, и при дворах правящих особ Европы.

Тем не менее Ключни по-прежнему оказывал значительное влияние на повседневную жизнь мирян. Великолепные литургии помогали - пусть иногда и косвенно - смягчить жестокий и воинственный характер того века. Дело в том, что среди мирян, и мужчин и женщин, все более распространялась привычка проводить часть дня в духовных исканиях. Чтобы помочь им в этом, монастыри использовали весьма простые, но действенные приемы. Были придуманы продолжения литургий, которые позже были сведены в одно целое - Часослов, который в позднее Средневековье широко использовался для индивидуальных молений. Королева Маргарита Шотландская (1033 г.) всегда начинала свой день, читая вслух эти короткие мотивы. Король Малколм, ее муж, человек неграмотный и типичный представитель тогдашних правителей и феодалов, был, подобно Вильгельму Аквитанскому, одним из тех, кто, если даже был «не способен презирать материальное богатство этого мира», восхищался теми, кого считал «праведниками в глазах Бога». О нем говорили, что он целовал и почитал священные книги, которыми пользовалась жена, и даже украсил ее любимый том золотом и драгоценностями.

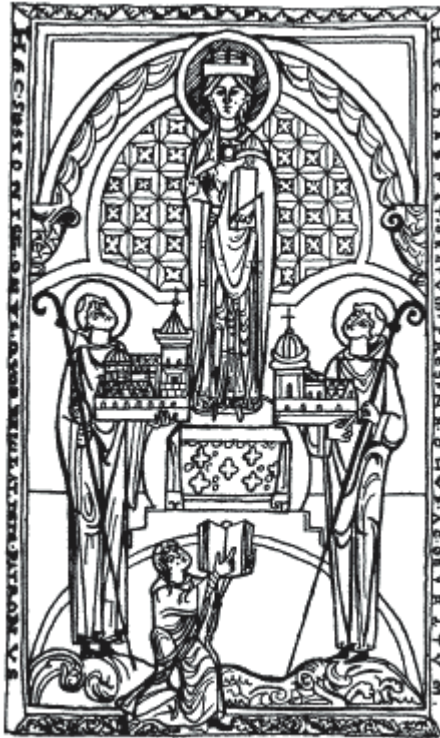

Рис. 44. Аббаты представляют свои монастыри Деве Марии

Мы вовсе не хотим сказать, что феодальные бароны не критиковали церковь. Вильгельм Завоеватель имел обыкновение посылать подарки и деньги в Вердунское аббатство, чей настоятель был другом его отца, но перестал делать это, услышав, что дисциплина в монастыре ослабла. Миряне считали монастыри одним из условий сохранения остального общества; благодаря посредничеству монастырей можно было обеспечить бессмертие души «спонсоров» и их родственников. Монастыри, где уже отсутствовала привычная дисциплина, не могли выполнять эту обязанность. Однако все же основной поток критики в адрес монастырей типа Клуни был связан не с проблемой дисциплины. Скорее всех волновало другое: отсутствие истинного рвения в отношении службы и чрезмерное украшательство церквей. Именно эти причины спровоцировали появление пуританского направления, участники которого ставили своей целью возвращение к простоте и аскетизму правления Бенедикта. Рупором этих идей стал Стивен Хардинг. Он был английским монахом, который пришел в один из монастырей Бургундии. Тамшний аббат активно стремился вернуться к простой и духовно чистой жизни первых бенедиктинцев. Хардинг поддерживал его, и, когда англичанин стал вторым аббатом в Сито, он в 1117 году разработал так называемую Хартию любви. Она, в свою очередь, дала начало весьма эффективной организации, которая стала известна как орден цистерцианцев.

Однако этот новый орден начал бурно развиваться только при святом Бернаре Клервоском. К середине XII века в общинах цистерцианцев насчитывалось почти 350 человек. Из следующего отрывка, в котором святой Бернар критикует излишнюю пышность монастыря Клуни, можно лучше представить себе суть идеи пуританизма:

«Что за цель всего этого?.. Церковные стены разукрашены, но в них нет места бедным... любопытствующие могут найти там для себя развлечение, но несчастные и увечные не найдут утешения. Какое отношение вся эта пышность имеет к монахам? Как быть тем, кто довольствуется нищетой, но стремится к духовной чистоте? Если говорить о невероятной высоте церквей, их нескромной длине, их неохватной ширине, дорогому мрамору и странному убранству, которые мешают вере, то они напоминают обряды иудеев. Говорят, что они выполняются во славу Господа. Но, как монах, я вопрошаю: «Скажи мне, наставник в бедности, что делает золото в святом месте?»... И вправду, вся эта суетность появляется везде, где больше времени тратится на восхищение преходящими, чем на раз-

мышления о любви к Господу. Перед Богом говорю: если они не краснеют от своей вины, то почему хотя бы не страшатся таких расходов?»

Святой Бернар и сам жил по этим суровым стандартам. Его келья была такой низкой, что он не мог в ней стоять в полный рост, а его аскетизм всерьез подорвал его здоровье. После его смерти орден цистерцианцев пришел в упадок, во многом из-за того, что стал необыкновенно богатым. Сито стоял на пересечении торговых путей через Бреннер в Италию, и активная торговля отрицательно сказалась на духовной жизни монастыря. Его доходы росли, а молитвы становились все короче, и строгости монастырской жизни сошли на нет. Монастырь построил собственный флот для торговли на реках и на море, но вот о помощи бедным никто больше не вспоминал. Поэт того времени так описывает деятельность цистерцианцев в эпоху упадка ордена:

Они покупают дома и церкви,
Обман - это их удел,
Торговля, нажива - вот все, что теперь
Их жизнь, и подчас
Евреям дают они деньги в долг,
Чтоб только доход не иссяк.

Еще один реформаторский орден был основан в 1084 году - это был орден святого Бруно в Савойе. В монастырском комплексе в Шартре у каждого монаха был свой маленький домик, где он работал, готовил себе пищу, питался, молился, изучал науки и спал в одиночестве. Эти домики стояли вокруг внутреннего дворика и снаружи были обнесены стеной. За исключением совместной мессы и встреч в столовой, где они собирались по воскресеньям и праздничным дням, монахи вели затворнический образ жизни и строго соблюдали обет молчания.

Пробыв 25 лет монахом-картезианцем, святой Бруно так писал другу своей юности:

«Я веду жизнь отшельника, вдали от мирской суеты, на границе Калабрии, со своими братьями по вере, многие из которых - весьма ученые люди... Никакие слова не могут описать этого места - спокойствие и прозрачность воздуха... горы, полого возвышающиеся над тенистыми долинами с их многочисленными речками, источниками и ручьями, обильно политыми садами и плодоносными деревьями. Но стоит ли мне тратить время на описание этих красот? Наслаждение ума и духа человеческого гораздо полезнее всех этих красот, потому что они даны нам Богом и посвящены Богу... Только те, кто знаком с тишиной и уединением жизни затворника, знают, какую радость эта жизнь приносит обитателям сего святого места».

Картезианский орден никогда не пользовался большой популярностью. Его правила были слишком строгими, а дисциплина - жесткой. Последователи этого ордена столь ревностно придерживались его правил, что со всем основанием можно сказать: «Он никогда не был реформирован, потому что никогда не был деформирован».

В XII веке университеты заняли место монастырей в качестве лидеров интеллектуальной жизни. Абельяр, будучи сам монахом, сокрушался по поводу растущей светскости монастырей:

«Мы, которые должны жить трудом рук своих (что, по словам святого Бенедикта, единственное, что воистину делает нас монахами) и не предаваться праздности, этому главному врагу души, теперь стремимся жить за счет труда других людей и таким образом все больше ввязываемся в мирские дела - и, пытаясь под действием земной жадности быть в своем монастыре богаче, чем были в миру, мы подпадаем под власть светских привилегий, а не Господа... Мы берем от сильных мира сего подношения в виде денег, зданий, аренды и крепостных... и чтобы защитить эту свою собственность, вынуждены появляться во внешних судах перед мирскими судьями».

Владение собственностью не только втягивало монахов в мирские дела, но и привлекало в монастыри идущих по истинному призванию, ищущих убежища и защиты, а также безземельных младших сыновей из дворянских семей, чьи отцы имели достаточно денег и влияния, чтобы купить им еще и сан аббата. Однако критика в адрес монастырей раздавалась не только из уст духовных лиц типа Абельяра, но и со стороны городов, чья растущая торговля дала толчок к возникновению нового общества. В 1058 году в Милане и других итальянских городах родилось новое реформаторское движение. Ткачи, торговцы и горожане взбунтовались против растущей «светскости» епископов и приземленности дворянства. Пятьдесят лет спустя текстильщики выступили с критикой лидеров церкви и государства и провозгласили таинства, совершаемые священниками, которые торговали церковными должностями, или женатыми священниками, не имеющими законной силы.

Во многих случаях эта критика вела к появлению еретических течений. Выдвигалось требование о том, что церковь должна вернуться к нищете первых христиан и отказаться от земного богатства и земной власти. Когда в 1143 году римская коммуна восстала против папы римского, Арнольд Брешианский, который был одним из лидеров реформистского движения, присоединился к восставшим. Однако при помощи императора Фридриха I папство подавило революцию и Арнольд был казнен как еретик.

Бедняки из Лиона (или вальденсы) под предводительством Питера Вальдо появились на сцене в 1175 году. Эта секта отказалась от владения собственностью и стала проповедовать Евангелие и переводить Новый Завет на разговорный язык; в результате очень многие прониклись их идеями и присоединились к ним.

Альбигойцы, напротив, критиковали христианскую веру в целом и объявляли, что Иегова, которому поклонялись католики, был воплощением зла. И те и другие имели сильные позиции на юге Франции, особенно в Тулузе. Когда к ним присоединился граф Тулузский, папство осознало опасность этих движений. В 1208 году папа Иннокентий III объявил Крестовый поход против еретиков. Он объявил, что земли графа будут переданы тем правверным властителям, кто поможет победить его. В результате Лангедок, веселый, культурный и зажиточный уголок Франции, стал объектом одной из самых жестоких и кровопролитных военных кампаний в истории. К концу века мрачная крепость - собор Альби и новый университет Тулузы стояли на страже теперь уже разграбленной и пустой земли.

Рис. 45. Странствующие монахи

Очевидно, что с появлением критически настроенного и обостренно все воспринимающего городского населения церковь должна была искать к ним новые подходы, особенно учитывая, что приходские священники были почти сплошь неграмотными. В XIV веке Ланглан описывает Слота как человека, искренне увлеченного лишь двумя вещами - охотой и садоводством. При этом он вовсе не мог читать книгу псалмов. В XV веке Эразм Фишмангер жалуется: «Среди всех этих священников вряд ли найдется два-три прилич-

ных, остальные же пригодны только для тяжелого физического труда». Конечно, священники уровня чосеровского Бедного Пастыря были редким явлением со всех точек зрения, особенно в городах, поскольку приходы в основном формировались, когда общество было преимущественно патриархальным. Большая часть монастырей также была основана в сельской местности, а монахи - по крайней мере официально должны были ограничить свое общение исключительно монастырем. Однако с появлением монахов нищенствующих орденов все эти проблемы нашли свое разрешение. Эти монахи считали своим приходом весь мир. Не обремененные никаким имуществом, не имевшие постоянного крова, они объявляли, что их цель - проповедовать Христову заповедь любви, мира и святой нищеты.

Святой Франциск Ассизский, основатель ордена, впоследствии получившего его имя, был одной из наиболее почитаемых и любимых фигур Средних веков. Во многом его цели были схожими с целями лионских «лесных людей». По этой причине, когда Франциск испросил у папы разрешения продолжить его апостольскую деятельность, Гонорий III немного поколебался, но все же дал свое согласие. Тем не менее перед смертью в 1226 году святой Франциск понял, какие опасности подстерегают его последователей, многие из которых стремились отказаться от нищенской жизни и использовать льющиеся в руки богатства на строительство церквей и рыцарей. Обращение к ним святого Франциска свидетельствует, что его убеждения остались неизменными.

«Я, брат Франциск, желаю следовать дорогой нищеты Иисуса Христа и дойти по ней до конца. И я умоляю вас всегда следовать его святой дорогой. Никогда, кто бы ни влиял на вас, не сворачивайте с нее».

Вскоре после его смерти в Ассизе началось возведение величественного храма. Сегодня две прелестные базилики охраняют покой останков «брата Франциска», который при жизни часто не имел даже крыши над головой.

Святой Доминик, который начал свою деятельность как священник в Лангедоке, стал основателем еще одного нищенствующего ордена. В 1214 году Доминик и его последователи заслужили одобрение папы; к 1221 году в ордене было 60 обитателей, разбросанных по всей Западной Европе. Понимая, что интеллектуальное развитие и поощрение чтения были необходимы для опровержения еретических взглядов, последователи святого Доминика были хорошо образованными людьми. Позже они стали орденом просветителей. И именно они влились в ряды инквизиции. К 1258 году два доминиканских монаха заседали в комиссии по борьбе с еретиками в качестве папских инквизиторов, другие работали в том же качестве в Италии и Арагоне.

Рис. 46. Платон и Сократ

Но если доминиканцы стали жестокими преследователями еретиков, то францисканцы через век после смерти своего основателя сами стали объектами преследований. В то время как большинство францисканцев поддались искушению, против которого их предостерегал святой Франциск, а именно обогащению, небольшая часть ордена осталась верна его заветам. И скоро они стали предметом насмешек. В 1266 году святой Бонавентура сокрушался: «Святой Франциск взывает к нам с призывом измениться. Те братья, кто остался верным своим клятвам, более не являются предметом подражания. Наоборот - над ними смеются».

К XIV веку их преследовали как еретиков и подвергали страшным мучениям. Наконец в 1317 году папа Иоанн XXII объявил, что те странствующие монахи, которые слушаются указов своего непосредственного начальника, еретики. В 1318 году в Марселе были сожжены четверо «святых» отцов - доминиканцев за то, что они объявили закон святого Франциска идентичным Заветам Христа. Эти монахи просили разрешения основать собственную конгрегацию. Разрешения им не было дано. Прошло то время, когда папская власть поддерживала реформы или, по крайней мере, не была настроена враждебно по отношению к ним. Следовательно, решено было пожертвовать евангелистическим духом нищенствующих орденов в интересах властной политики. Поэтому реформа была объявлена антипапской. Это помогает объяснить, почему за возрождением XII века последовал застой, духовный и интеллектуальный, - и в этом трагедия всей Европы.

Этому способствовало и «ухудшение качества» самих нищенствующих орденов. К XIV веку сатирические портреты нищенствующих монахов, нарисованные Чосером и Лангланом, были абсолютно оправданны. У Ланглана доктор Фрайер Флэттер был допущен к постели больного:

«Монах сменил ему повязку (не за просто так) и сказал: «Я буду молиться за тебя и твоих возлюбленных всю свою жизнь». Другому пациенту он сказал: «Я буду поминать тебя в своих молитвах... за небольшую плату, конечно».

Попрошайничество и продажа индульгенций так тесно ассоциировались со странствующими монахами, что люди в панике бежали при виде их. Но существовали и истинные последователи святого Франциска, такие как святой Бернардино. Изможденное лицо святого, ум и юмор в уголках его глаз свидетельствовали о том, какую жизнь он прожил. Он проповедовал сострадание и любовь. Его красноречие и человечность притягивали к нему людей. Он учил: «Совершенство - это следующее: увидев прокаженного, ты чувствуешь к нему такое сочувствие, что готов взять себе его страдания».

Святого Бернардино три раза судили как еретика. В последний раз папа Евгений IV с негодованием отменил все обвинения в адрес монаха, назвав его «самым святым проповедником и безгрешным учителем для всех, кто проповедует Евангелие в Италии и за ее пределами».

Когда в 1444 году святой Бернардино умер, Европа подошла к поворотному моменту своей истории. В следующие сто лет Средневековье постепенно сменилось Новым временем. Возможно, самой важной движущей силой этого процесса было сохранение, возрождение и распространение греческой философии, особенно Аристотеля. Первые монахи своими усилиями спасли древние рукописи. Но именно университеты вобрали в себя классическую мысль, а позже стали распространять и развивать ее. На этом средневековом фундаменте зиждились научные открытия, работы ученых, путешественников и философов.

Школы и ученики

«В Нойстрию (Северная Франция) вторглась орда язычников, которые пришли из-за моря в огромных лодках и, обрушив на эту землю свои мечи, превратили ее в пустыню. Они уничтожили много монастырей и церквей; города, которые захватили, они сровняли с землей, а христиан либо убили, либо превратили в рабов, продав их чужестранцам в вечное иго».

Это описание, сделанное французским монахом, дает представление об условиях, в которых приходилось существовать европейцам VIII-X веков. Тем не менее, несмотря на подобные этому рейды, монастыри и соборы с их школами и библиотеками не только сумели выжить, но и сохранить древние рукописи и бесценные сокровища. Они, по сути, были островами культуры в бушующем океане истории, которые силой своей веры сопротивлялись окружающим их диким потокам варварства.

Если монахов заблаговременно предупреждали о набеге варваров, они хватали свои бесценные рукописи и священные сосуды и уносили их в леса или другое безопасное укрытие, пока угроза нападения не пройдет. Когда в 925 году свирепые мадьяры хлынули через альпийские перевалы и обрушились на монастырь Святого Галена (возле озера Констанс на территории современной Швейцарии), все его обитатели, за исключением Герибальда, убежали в соседний и соперничающий с ними монастырь в Райхенау. Герибальд, будучи не вполне разумным существом, отказался бежать, потому что ему не выдали дотацию на кожу для обуви на год! Мадьяры, которые внешне были безобразнее скандинавов, но лучше по характеру, начали разбивать бочки с вином. «Остановитесь! Остановитесь! - закричал Герибальд. - Что же мы будем пить, когда вы уйдете?» Они расхохотались, но, как ни удивительно, прекратили крушить все вокруг. Но когда монах упрекнул их за то, что они разговаривают в церкви, его побили. Позже они угостили его вином, что сторицей искупило все побои. «Я никогда не видел более веселых людей, - позже сказал Герибальд. - Но это дикие люди! Наверное, они были раньше дикими зверями в лесу!»

Когда мадьяры ушли, монахи вернулись вместе со своими манускриптами. Среди них был список грамматики Присциана, написанный в первой половине VI века до н. э. Судя по изящному ирландскому шрифту, этот список был сделан монахами Клонферта или Клонмакнойза. Они были вынуждены бежать от нападения викингов и взяли с собой грамматику Присциана в Кельн - вообще в те беспокойные времена и люди, и книги путешествовали на очень большие расстояния. К X веку книга попала в монастырь Святого Галена, где ей еще раз удалось избежать уничтожения. Она вернулась в монастырь и мирно пролежала в его хранилищах следующие 900 лет. И до сих пор ее можно видеть среди других раритетов. Вообще, наследство классической мысли и литературы было сохранено на Западе именно благодаря усилиям монахов-бenedиктинцев.

Европа смогла предпринять попытку восстановления своей культуры и образования только к концу X века, когда набеги викингов стали происходить все реже. Эта попытка основывалась на одной из главных идей Средних веков - вере в то, что общество было божественным промыслом поделено на три класса: тех, кто воевал и правил; тех, кто молился, и тех, кто работал руками. В поэме начала XIII века эта идея выражается очень четко:

Работа священника - молитва,
А правосудие - удел дворян,
Простые люди добывают
Хлеб насущный трудом своим,
И все согласны со своим уделом.

Поэтому образование, которое получал тот или иной ребенок, зависело от того, выходцем из какого класса он был - духовенства, дворянства или ремесленников.

Дети аристократов учились читать, еще сидя на коленях у матери. Людовик Святой был одним из таких детей: его по псалтырю учила читать его мать королева Бланш Кастильская (кстати, этот псалтырь до сих пор существует), а у Карла, герцога Беррийского, в 1454 году было целых пять книг - букварь, список Семи Псалмов, «Малая грамматика» Доната, «Моральные изречения» Като и стихотворный вариант грамматики Присциана. Иногда домашний капеллан учил детей феодала основам латыни, чтения и письма. Однако в Средние века хорошие манеры ценились больше, чем умение читать. Поэт XIII века говорил:

Хороший ребенок встанет
В присутствии своего господина,
И чесаться он не станет
Вдруг в присутствии других,
Ну а если вдруг подарок
Поднесут ему, то примет
Стоя на коленях.

Также очень важно было уметь играть в шахматы, скакать на лошади, охотиться и фехтовать, знать геометрию, магию и законы. Поэма «Айоль» так описывает идеальное образование молодого аристократа:

«Его отец учил его скакать по лесам и лугам, скакать галопом и рысью... Айоль знал законы движения звезд на небосклоне и фазы Луны. Отшельник Моисей учил его грамоте, письму, а также латыни и французскому».

Очень часто мальчиков и девочек из семей аристократов отправляли на обучение в другие семьи. С 7 лет мальчики служили пажами, а с 14 лет - оруженосцами. Девочки служили компаньонками при хозяйке дома, и их учили вязанию, вышиванию, ткачеству и науке ведения хозяйства.

На другом конце социальной лестницы крестьяне и ремесленники вообще не получали никакого формального образования, выходящего за рамки необходимого для участия в церковных службах. Исключение делалось только для детей, у которых были исключительные способности и которых принимали в монастырские школы. Они должны были лишь обеспечивать себя и своих хозяев хлебом и всем необходимым для жизни.

До 1100 года образование в Северной Европе было в основном в руках монахов. Школы существовали главным образом для мальчиков, которые готовились стать монахами. Но некоторые монастыри имели школы и для тех мальчиков, которые не собирались посвящать себя религии. Детей делали послушниками очень рано, и больше они никогда не видели своих родителей. Одним из них был Ордрик Виталий, хронист XII века. Он рассказывает, что его крестили накануне Пасхи:

«Когда мне было пять лет от роду, я стал учеником школы в Шрусбери и посвятил тебе, Боже, свои первые уроки, в церкви Святых Петра и Павла. Известный священник Зигвард научил меня читать, псалмам, гимнам и другим наукам... Затем, боясь, что любовь к родителям отвлечет меня от моего призвания, ты убедил моего отца Оделера передать меня вам насовсем. Плача, отец отдал меня, рыдающего ребенка, монаху Райнальду и никогда больше не видел меня. Маленький ребенок не мог сопротивляться, поэтому я оставил родину, родителей, родных и друзей, которые горько плакали при расставании.

Мне было 10 лет, когда я пересек Ла-Манш на пути в Нормандию - в ссылку - неизвестную и недружелюбную. По твоей милости, о Боже, меня приняли в монастырь Святого Эврола в Оше, и я погрузился в учебу. Меня назвали Виталием, и прожил я здесь 56 лет...»

Не все дети так счастливо вписывались в монастырскую жизнь, к которой их приговорили родители. В IX веке Готтшалк, сын рыцаря, был привезен в монастырь в Фулда, что-

бы стать монахом. Однако приручить этого свободолюбивого ребенка было трудно; он то и дело бунтовал, и его постоянно наказывали. В 16 лет он попросил дать ему свободу. Совет епископов дал свое согласие, но аббат, человек жесткий и суровый, обратился к императору, и тот приговорил Готтшалка к монашеству в ордене бенедиктинцев.

Другой послушник, сын французского крестьянина по имени Герберт, своими успехами прославил монастырскую школу в Реймсе. К нему приезжали ученые и учащиеся со всей Европы. Преобразовав средневековую систему образования, Герберт Аврилакский, ставший в 999 году папой Сильвестром II, проложил дорогу европейскому «ренессансу» XII века.

До 972 года, когда, усвоив научные достижения Италии и Испании, Герберт двинулся в Реймс, обучение в школах было скучным и утомительным. Книг было мало, обычно учебник был только у преподавателя. Учебная программа, по образцу времен Римской империи, состояла из семи свободных искусств, которые подразделялись на две группы. В первую входили грамматика, риторика и логика (тривиум). Эти предметы следовало освоить до того, как начинать изучение арифметики, геометрии, астрономии и музыки, составлявших вторую группу (квадривиум). Грамматику изучали по учебникам Доната (писателя IV века) и Присциана (VI век). Этот предмет включал в себя заучивание наизусть «Моральных изречений» Като, отрывков из Овидия и Вергилия и других писателей, как язычников, так и христиан. Ученики также учились писать стилосом на восковых дощечках, а когда приобретали хорошие навыки письма - перьями на пергаменте. Во время занятий говорили исключительно на латыни. Наказания за нарушения правил были суровыми, но мы знаем, что иногда учителя смягчали суровую дисциплину школ. Об этом свидетельствует эпизод из жизни школы монастыря Святого Галена, где аббатом в X веке был знаменитый Соломон. Хотя он был сторонником строгой дисциплины, он был обаятельным и понимающим человеком. В праздничный День святых невинных душ, когда ученикам, как правило, дозволялось больше свободы, мальчики однажды «взяли в плен самого аббата». Внеся в класс, они посадили его в кресло учителя.

Рис. 47. Учитель риторики преподает искусство публичного выступления у древа законов

С хитрой улыбкой Соломон сказал: «Вы сделали меня своим учителем. Очень хорошо! Я сам накажу вас. Раздевайтесь, все вы!» И он взял плетку учителя. Растерявшиеся мальчики обменялись взглядами, затем самый догадливый вскричал: «Сэр! Существует обычай, что если мы придумаем прямо сейчас стихотворение, которое вам понравится, то сможем претендовать на освобождение от наказания». Аббат кивнул. В ту же минуту двое

мальчиков так ловко сочинили несколько стихотворных строк, что Соломон, обняв их, даровал всей школе три дня каникул с угощением за счет аббата, и это не только на тот год, но и на последующие!

Однако в Реймсе Герберт внедрил оригинальность и глубину в преподавание второй группы предметов, не принося при этом в жертву дисциплину. До этого арифметику преподавали весьма обрывочно, он же ввел в преподавание девять арабских цифр от 1 до 9, которые до этого никогда не использовались за пределами мусульманской Испании и Сицилии. Неудивительно, что мальчиков обрадовало это нововведение - а попробуйте-ка вы сложить MCMLXXX и MMCCCLX.

Вновь введя в использование абак, прямоугольник, разделенный на несколько столбцов для единиц, десятков и сотен, и сделав счеты с новыми цифрами, он намного облегчил решение математических задач. Представляя число 304 на абаке, в колонку сотен ставили цифру 3, десятки оставались пустыми, а четверку ставили в разряд единиц. Однако поскольку ноль был введен в арифметику значительно позже, на письме выразить число 304 было весьма трудно. Часто вместо него ошибочно писали число 34. Индийцы использовали символ вместо нуля, но неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем его стали использовать и на Западе. Книга, которая, в переводе на латынь, впервые познакомила западный христианский мир с арабской математической системой, была написана аль-Ховаризми. Наука, известная нам как арифметика, тогда называлась алгоритмом, по имени этого ученого. Однако, несмотря на явное преимущество арабской системы цифр над неуклюжей и тяжеловесной римской системой, арабские цифры прижились на Западе только через четыре века. «Книга об абаке» Леонардо Пизанского, написанная в 1202 году, объясняла преимущество этой системы, но только «Алгоритм» Джона Холливууда способствовал ее популяризации.

Рис. 48. Между математиком и сочинителем сидит астроном. В одной руке он держит астролябию, в другой - подзорную трубу

Помимо усовершенствования учебного процесса, Герберт полагал, что теорию любого предмета необходимо по возможности преподавать, опираясь на практику. На уроках музыки он пропагандировал использование монокорда для игры в унисон. Преподавание астрономии следовало оживлять демонстрацией сфер, на которых можно было показать расположение и движение звезд. Для наблюдения за небесными светилами он придумал трубу, которая была предшественницей телескопа. Слава Герберта была такова, что о нем говорили, будто он может одним взглядом определить расстояние между точками на земле и на небе.

Возможно, его основной вклад в развитие образования состоял в расширении изучения риторики и логики. Герберт провозглашал: «Я всегда учился, как жить хорошо и говорить хорошо, хотя первое более важно, чем последнее, но в публичных делах важно и то и другое. Чтобы уметь убеждать и отговаривать силой слова, надо уметь владеть этим словом в высшей степени».

Герберт всячески рекомендовал изучать книги Аристотеля по логике, которые были переведены на латынь еще философом VI века Боэцием, автором книги «Уроки философии», популярной все Средние века. Император Оттон III так восхищался этим ученым, что повесил портрет Боэция в своем дворце. На Оттона, который был наполовину саксом, наполовину греком, также большое влияние оказал Герберт Аврилакский. В октябре 997 года он написал этому «самому великому из учителей, имеющему высшие достижения в трех областях философии» (физике, этике и логике), прося стать его наставником:

«Мы желаем, чтобы вы показали свое отвращение к саксонскому невежеству, дав развитие нашим греческим корням и стремлению к знаниям. Мы смиренно просим, чтобы пламя ваших знаний разожгло наш дух, пока с Божьей помощью вы заставите гореть греческий огонь».

Рис. 49. Философ Боэций

Герберт откликнулся на просьбу Оттона, и совместными усилиями трепетный мальчик с живым воображением и ученый церковник и политик старались не только возродить древние знания и образование, но и по мере возможности восстанавливать славу Римской империи.

К XI веку образование в основном перешло в руки белого духовенства в школах, которые развивались при соборах под контролем их епископов. Кафедральные школы в Шартре, Туре, Париже, Руане, Льеже и Утрехте были наиболее известны. На фасадах некоторых из этих соборов изображены аллегорические фигуры, символизирующие семь свобод-

ных искусств. На фасаде собора Парижской Богоматери Грамматика изображена в виде пожилой женщины с удочкой; Диалектика - со змеем мудрости, Риторика несет таблички для письма. Четверка наук представлена Арифметикой, считающей на пальцах, Геометрией с компасом в руке, Астрономией - с астролябией и Музыкой, ударяющей молоточком по связке колокольчиков.

В Шартре епископ Фулберт, ученик Герберта, помог ввести в действие систему образования, созданную его великим учителем. Фулберт всегда интересовался медициной и изложил принципы Гиппократов в стихотворной форме, чтобы студентам было легче запомнить их. «Капитулярии» Карла Великого, а также некоторые каноны и римские законы преподавались в его школе, куда ученики съезжались со всех концов Европы.

Примерно в 1140 году там учился Иоанн Солсберийский - позже ставший одним из светочей возрождения XII века. Он возмущался тем, что в современных школах грамматике уделялось так мало внимания. Иоанн утверждал, что Бернард Шартрский был одним из величайших учителей своего времени:

«... самым блестящим ученым в Галлии нашего времени. Его метод преподавания заключался в том, чтобы читать и указывать, что является простым и соответствует всем правилам. Его цель заключалась в том, чтобы давать образование в зависимости от умственных способностей учеников. Поскольку по мере постоянных тренировок память улучшается, а талант лишь совершенствуется, то он поощрял усердие некоторых учеников упрямками, а других - телесными наказаниями».

Это упоминание о физических наказаниях (рис. 50) показывает, что школа в Шартре «не дотягивала» до звания университета. Дело в том, что до XV века в университетах не применялись телесные наказания. Далее, Иоанн рассказывает, что «деклинацию», то есть последнее упражнение дня, было так напичкано грамматикой, что если бы кто-то выполнял его весь год, то (если он, конечно, не полный тупица) он бы освоил все основные принципы устной и письменной речи и не смог бы остаться в неведении относительно значения общепотребительных слов.

Рис. 50. Наказание школяра

Однако Иоанн с удивлением и грустью отмечал, что многие студенты и учителя считали своих предшественников абсолютно устаревшими:

Со всех сторон они кричат:
Куда идет этот старый осел?
Зачем нам идеи и мысли
Тех древних забытых людей?
У нас ведь есть все, что нам надо,

И мыслей доволен своих.

В Италии никогда не исчезали школы риторики, созданные по образу и подобию их древнеримских предшественниц; именно благодаря им сохранились европейские законы и политика. Здесь уцелели традиции светского образования, так как и учителя, и ученики не принадлежали к духовному сословию. Именно поэтому, когда позже школы превратились в университеты, Италия заняла первое место по уровню преподавания светских наук, а Болонья и Салерно сделались центрами изучения права и медицины, в то время как Париж оставался «королем» теологии.

Это развитие произошло в начале XII века благодаря гению нескольких великих учителей. В Болонье ими были Ирнерий и Грациан. Ирнерий, как говорят, был «гением права и первым, пролившим свет на эту науку», в то время как Грациан написал свою знаменитую книгу «Декрет». Ее целью было разъяснить некоторые из канонических законов, пункты которых касались веры, морали и дисциплины и которые были выработаны веками для регламентации управления церковью. В Париже особо знамениты были Вильгельм из Шампо и Пьер Абеляр, которые, как преподаватели философии, привлекли в свои школы тысячи студентов. Позже о Франции говорили как о «печи, в которой выпекается интеллектуальный хлеб для всего мира».

Из одного письма Абеляра становится очевидно, что между школами существовало соперничество, но это было еще прежде, чем студенты и доктора объединились в гильдии, из которых непосредственно и развились университеты. Абеляр рассказывает, что его отец «умел читать еще до того, как он прошел военную подготовку. Он так любил литературу, что хотел видеть своих сыновей грамотными, а потом уже воинами. Поскольку я был первенцем и любимцем, он уделял особое внимание моему образованию. Со своей стороны, чем больше я учился, тем больше мне это нравилось. Я путешествовал по различным провинциям, выясняя, где более развито искусство логики. Наконец я приехал в Париж, где этот предмет преподавался Вильгельмом из Шампо.

Когда я занимался с ним, то сначала нравился ему, но потом он невзлюбил меня, когда я начал оспаривать некоторые из его утверждений и иногда одерживал верх. Ведущие преподаватели были возмущены моим поведением, так как считали меня слишком юным - и по возрасту, и по годам учебы.

Наконец, положившись на свои способности... я, совсем юнец, решил открыть собственные классы и выбрал почтенный город Мелун. Вильгельм, услышав об этом, пытался отделить моих учеников от своих, прежде чем я покинул Париж. Он также пытался помешать мне заниматься преподаванием в Мелуне. Однако враги Вильгельма среди сильных мира сего поддержали меня, и его очевидная ревность привлекла многих на мою сторону, поэтому я смог достичь своей цели».

К концу XII века многие кафедральные школы превратились в университеты, в том числе в Салерно, Болонье, Париже, Монпелье и Оксфорде. Слово «UNIVERSITAS» означало «союз». Северные университеты шли по стопам Парижа, где именно преподаватели объединились в гильдии, чтобы защитить свои права. В южных же университетах Европы инициативу в свои руки взяли студенты.

В 1215 году специальным указом папы были выработаны правила существования университетов с целью избежать трений, о которых упоминает Абеляр. Одно из этих правил гласило: «Никто, не достигший 21 года от роду, не будет преподавать искусства в Париже; и он должен в течение шести лет слушать лекции, прежде чем начать читать их самому».

Применительно к теологии эти правила были еще жестче. Лектору должно было быть не меньше 35 лет, а проучиться сам он должен был не менее восьми лет. Вообще право преподавать тщательно охранялось.

В Италии главой гильдии студентов был ректор. Он соответствовал по своему положению магистрату итальянского города. Избранный студентами, а не преподавателями уни-

верситета, он должен был быть церковником. О его престиже можно судить по тому факту, что в решении многих вопросов его голос перевешивал даже голос кардинала.

Рис. 51. Капитель колонны с изображением Абельяра и Элоизы

После избрания ректора проводился торжественный обед. В записях 1444 года говорится, что «студенты начали играть и развлекаться. .. танцевать и шутить». В феврале после избрания ректора студенты устроили банкет в доме Николо Пассети, расположенном на улице Санта-Мария-Новелла. Затем они установили на улице деревянную статую человека - «Бамбоччио» - и стали метать в него копьё. Победителю вручался приз, и ему аплодировали все собравшиеся.

Ректор не был полновластным руководителем школы, но делил власть с советом и должен был соблюдать все положения университетского устава. Студенты всегда могли возражать против незаконных действий со стороны ректора. В 1433 году студент гражданского права во Флоренции пожаловался, что ректор Иероним купил у него шесть мер зерна по обычной цене. Лишь четыре месяца спустя Андреас получил свои деньги, и то только 7 фунтов. Когда он спросил об остальных деньгах, ему дали книгу по медицине, «за которую, - сказал он, - я выручил 5 форинтов».

Спустя некоторое время ректор попросил вернуть ему книгу. «Заплатите, что вы должны мне, и я с радостью верну книгу», - сказал Андреас. Но ректор «лишь гордо фыркнул» и ответил: «Ты вернешь мне книгу, а я ничего не заплачу тебе». Помимо всего прочего, Иероним послал слугу магистрата схватить Андреаса, который в это время был на лекции. Там в присутствии других студентов «Андреаса схватили, всячески унижая, и послали, как обычного вора, в тюрьму». Андреас потребовал, чтобы на ректора был наложен штраф, «не только из-за нанесенного личного оскорбления, но и из-за того, что он опозорил мантию ученого, а значит - весь университет». Его требование было удовлетворено. Ректор заплатил Андреасу 20 фунтов и недоплаченную сумму за зерно.

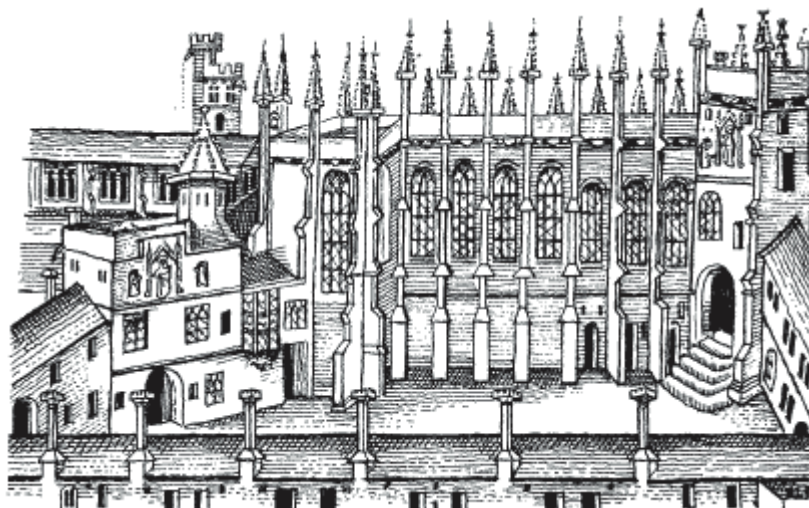

Рис. 52. Новый колледж, Оксфорд, XIV век

Вопрос об университетской форме одежды был очень важен. Были выработаны специальные правила, предписывающие ношение «приличествующей положению одежды». Весьма неодобрительно относились как к преподавателям, которые «считали возможным посещать учебное заведение в повседневных накидках, туниках без рукавов и военных плащах», так и к студентам, которые занимали свои места в аудитории не в мантиях с длинными рукавами. Поэтому было предписано «всем преподавателям приходиться в университет в соответствующем одеянии, а именно - в мантии, короткой или длинной, отделанной мехом». Студенты должны были носить наглухо застегнутую тунику с длинными рукавами, а поверх нее - еще одну, уже без рукавов. В университете Парижа в XIV веке все четыре факультета - искусства, медицины, права и теологии - имели свои отличительные элементы одежды:

«Слушатели и преподаватели факультета искусств носят мантии из черной шерстяной ткани или темно-синей или голубой ткани, отделанной мехом. Студенты-медики ходят в темно-красных одеждах, а юристы - в алых. Что касается преподавателей теологии, то если они принадлежат к какому-то ордену, то носят мантии цветов этого ордена; если же они миряне - то носят простую одежду скромных цветов».

На заре существования университетов студенты не имели общежитий. Иоанн Солсберийский написал своему другу письмо с выражением благодарности за помощь, оказанную ему в тяжелый период его юности:

«Ты не первый раз помогаешь мне хлебом насущным. Я помню твою былую доброту, когда ты помог мне в моей нищете и заставил остро почувствовать, что я никогда не знал родительской любви. Это было так благородно, когда ты создал для меня такие условия, что я чувствовал себя на чужбине лучше, чем дома».

Однако в XII веке стали создаваться приюты для бедных студентов. Самым первым из них был «Коллеж Восемнадцати», основанный в 1180 году в Париже неким англичанином. Студенты этого коллежа жили в богадельне Святой Марии для нищих и больных. Каждому предоставлялась постель и некоторая сумма денег на жизнь. За это студенты по очереди должны были носить крест и святую воду на похоронах умерших в заведении. Правила также гласили, что «каждую ночь они должны были читать семь покаянных псалмов с соответствующими положенными молитвами».

Рис. 53. Студенты из приюта Святой Марии

Однако студенты часто не были благодарны за полученные удобства. Мы знаем, что в 1228 году «несколько бедных студентов из приюта Святого Лоренцо в Лувре, которые долгое время жили за счет этого дома, дошли до такой степени дерзости, что заявили, что если их не пустят ночевать, то они ворвутся силой. И так они и сделали. Другие же съедали больше, чем было положено тем, кто учится долгое время, но добивается небольших успехов и лишь мешает покою и занятиям других».

В конечном итоге было решено оказывать помощь только добронравным студентам. Высокомерные, буйные и злонамеренные студенты лишаются всяческой помощи, поскольку «мы не намерены давать кров и пищу развратникам, грубиянам, сквернословам и

завсегда таверн, но только добропорядочным и истинным студентам, которые будут способствовать укреплению церкви и спасению души».

Эти студенты также должны были проходить еженедельные испытания, чтобы доказать свою усердную учебу. В некоторых случаях студентам предоставлялось жилье и денежная помощь только на год. Решение о продлении помощи принималось основателями приюта. Однако они получали некоторые другие привилегии. Например, им разрешалось бесплатно переписывать церковные рукописи - в качестве «платы» они должны были читать семь псалмов за упокой души покойного жертвователя учебного заведения и давать вознаграждение хранителю рукописей в размере одного пенса. Более обеспеченные студенты должны были вносить залог золотом, чтобы получить рукопись, а также платить за ее использование, причем плата зависела от числа страниц в манускрипте. Вообще существовали правила, регламентирующие все аспекты жизни студентов университетов. Они должны были посещать лекции в закрытых туниках (застегнутых наглухо).

«Однако разрешалось носить открытые туники, накидки и капюшоны, когда студенты находились не на занятиях или принимали пищу за пределами приюта. Одежания без рукавов, а также богато украшенные перчатки, обувь и другую одежду носить не разрешалось. Если же студент отправлялся на пешую прогулку или прогулку верхом, он мог надевать все, что угодно».

Лекции начинались очень рано. Студенты должны были вставать со звуком колокола, призывающего на раннюю мессу. Это было примерно в момент восхода солнца, но точное время варьировалось в зависимости от времени года. После этого студенты спешили на лекции, которые длились два часа. Сначала эти лекции читались в арендованном зале, обычно в церкви, или дома у преподавателя. Позднее для этой цели были построены специальные аудитории. Свод правил, написанный дофином Франции в 1358 году для Парижского университета, проливает свет на условия, в которых занимались студенты.

«Мы доводим до сведения всех, что, хотя со дня основания университета улица Стро была отдана преподавателям и слушателям факультета искусств, чтобы там читали и слушали лекции, и что в прошлом это было тихое и спокойное место, теперь же злонамеренные люди и враги образования загрязняют эту улицу всяческими отходами и мусором, что делает жизнь там невыносимой. Что еще более ужасно... ночью бродяги и разбойники ломают ворота этого храма знаний. В школу также приводят продажных женщин, так что утром, когда туда приходят преподаватели и студенты, они находят там непотребные вещи и в ужасе бегут из этого грязного и отвратительного места».

Дофин Франции повелел возвести ворота по обеим сторонам улицы Стро; так, чтобы, когда они были заперты, никто не мог бы использовать эти помещения для грязных дел.

Когда новичок становился студентом университета, он должен был пройти через «обряд посвящения». Детали этого обряда варьировались в зависимости от места и времени, но он всегда включал в себя угощение за счет новичка и множество грубых шумных игр, часто выходящих за рамки приличий. Указания по проведению этого обряда, в частности, содержались в уставе коллежа в Ананси, Авиньон.

Во главе суда новичков стоял аббат. Прибыв на церемонию, несчастные новички должны были обнажить голову, чтобы получить ритуальный удар. Под угрозой получить еще два удара их заставляли соблюдать тишину.

Новичок, который пробыл в школе год, должен был «очиститься» от своего настоящего имени, а затем выступить с неким заявлением, которое его товарищи по несчастью должны были оспорить. Если ему удавалось победить в споре, двое недавно прошедших очищение новичков приносили воду, чтобы водой очистить нового кандидата, которого после этого провозили по городу верхом на осле. Суд новичков собирался два раза в неделю и мог подвергнуть наказанию тех, кто грелся у камина в присутствии старших или кто называл старшего новичком или не выполнял положенных ему обязанностей за столом.

В германских университетах к новичкам относились как к диким животным, которых следовало приручить. Обряд включал себя обламывание воображаемых рогов, удаление

клыков и когтей при помощи сверла, пилы и щипцов, так что жертве не всегда удавалось избежать травм. Постепенно были приняты законы, запрещающие такие обрядовые действия. В Париже было запрещено требовать что-либо у новичка, но он мог по доброй воле сделать какой-нибудь подарок своим товарищам-студентам. О любых оскорблениях, нападениях или угрозах в адрес новичка следовало сообщать мэру Парижа, который подвергал нарушителя наказанию.

Насилие было неотъемлемой частью жизни в Средние века, в том числе и студентов университетов. Они не только дрались друг с другом, используя шпаги, плети и все, что попадалось под руку, но часто врывались и в чужие дома, нападали на горожан и оскорбляли женщин. Это вело к многочисленным конфликтам между городами и учебными заведениями, в которых принимали участие и дворяне, и их слуги.

В 1404 году Парижский университет был в зените своей славы и могущества и мог примерно наказать любого, даже высокопоставленного обидчика. В тот год состоялось университетское шествие к церкви Святой Кaterины, покровительницы университета, чтобы испросить у нее мира для церкви и государства и здоровья королю. На пути процессии встретила группа пажей и других слуг управляющего королевским двором Карла Савойского, которые шли на Сену купать лошадей. Отказавшись дать дорогу процессии, они въехали на лошадях в толпу студентов. Сразу же завязалась драка, в ход пошли камни, многие студенты оказались под копытами лошадей. Не успокоившись на этом, слуги бросились в дом управляющего и вооружились мечами, луками и стрелами.

Вернувшись, они оттеснили процессию внутрь соседней церкви, где шла служба. Группа разгневанных служителей церкви во главе с ректором университета бросилась к королю. Когда они заявили, что покинут Париж, если справедливость не восторжествует, им пообещали наказать виновных. Так и было сделано, и Карл Савойский был оштрафован на 1000 либров. Эту сумму получили пострадавшие, и еще некая сумма была пожертвована на строительство пяти зданий для капелланов. Карл также был вынужден уйти с должности управляющего, оставить двор и разрушить свой городской дом. Последнее было выполнено руками торжествующих студентов. Они же проследили, чтобы трое зачинщиков драки прошли в качестве наказания до церкви босиком, в простых рубашках и со свечами в руках. Они к тому же подвергались наказанию плетью вместо своего хозяина.

Но хотя мы знаем о многочисленных случаях насилия, связанных с жизнью студентов, другая сторона этой жизни была мирной, если не сказать - идиллической. Эти сцены дошли до нас в латинских разговорниках для студентов. Этим языком они должны были пользоваться в стенах университета. Эти книги позволяют нам увидеть то далекое время. Вот французский студент Жан спешит по парижским кварталам. Задержался у книжных развалов у Нотр-Дам; затем, свернув к рынку на рю Нове, покупает себе запеченного фазана. Перейдя Гранд-Понт, спешит мимо кузнечных мастерских и лавок менял, которые расположены по обеим сторонам улицы. Проходя мимо мастерской башмачника, он вспоминает, что надо забрать из ремонта башмаки. Затем заходит к аптекарю купить лекарства от расстройства желудка, которое, возможно, вызвано печально известными несвежими яйцами Парижа.

В магазинчике, торговавшем свечами, также продавались писчие материалы. Сделав здесь покупки, голодный и усталый Жан спешит в Латинский квартал. Здесь, перебивая друг друга, расхваливают свои товары продавцы вина, фруктов, вафель и других вкусностей. Но Жан спешит в закусочную, сегодня он может позволить себе колбасу и тарелку супа. А вот таралетки с яйцом и сыром и острые пирожки со свиной, курица и угорь - не для него. Их могут позволить себе только более обеспеченные студенты, которые с аппетитом уплетают все это за столиком напротив. Тщательно вытерев нож и вилку кусочком хлеба (который он тут же и съедает), Жан отправляется на поиски пивной, чтобы утолить жажду.

Сквозь еще одно лингвистическое окно мы видим Карла в Гейдельберге. Здесь картинка несколько другая. Карл и его друзья гуляют по окрестностям Гейдельберга - по берегам

Некара, по знаменитой дороге философов, которая пленяла стольких студентов. Гуляя, они обмениваются фразами на латыни - о птицах, деревьях и рыбах. А может быть, они закупают жаркую дискуссию о «реализме» и «номинализме», а еще, возможно, Карл хочет получить от друзей совет по поводу письма, которое только что получил из дома: в нем его зовут домой, чтобы женить на зажиточной девушке из хорошей семьи. Он говорит друзьям, что этого ему совсем не хочется: «Глупо оставлять учебу ради женщины, поскольку жену можно занять всегда, а вот потерянные знания восстановить нельзя».

Возможно, Карл возбужден, потому что ему предстоит защищать свои тезисы, выдержать серьезный экзамен и защиту докторской работы перед архидьяконом и преподавателями колледжа. Он боится, что не получит права на преподавание. Друзья советуют ему устроить для экзаменаторов обед, чтобы они были более снисходительны к нему и проголосовали в его пользу. Только тогда его подведут к креслу магистра, вручат открытую книгу, наденут на голову берет и он будет посвящен и получит благословение на преподавание. Церемония завершится торжественной процессией, которая пройдет по узким улицам Гейдельберга и обратно к его дому, где они с друзьями отметят его успех грандиозным пиром.

В студенческом братстве были свои «паршивые овцы» - так называемые странствующие студенты. Говорили, что они «перемещались от города к городу... в Париже стремились познакомиться со свободными искусствами, в Орлеане - с классическими науками, в Салерно - с медициной, в Толедо - с искусством магии, но нигде их не интересовали манеры и нравственность».

Рис. 54. Гольярд клянется в любви

Главным местом их обитания была Северная Франция, центр Возрождения XII века. Поэзия странствующих студентов носила откровенно языческий характер и прославляла жизнь, любовь и красоту. Она является отражением более живой, энергичной и страстной стороны жизни, возможной для некоторой части церковников. В придорожных тавернах они пили и пели свои развеселые песни:

В наших странствиях веселых
Мы превесело живем,
Мы едим и пьем досыта,
Песенки свои поем.

Вызывающие, богохульствующие, веселые, часто испытывающие невероятные трудности, но никогда не жалеющие себя гольярды, они были вечной головной болью церкви. Ничто не могло заставить странствующего студента - прирожденного бродягу и искателя удовольствий - стать полезным членом общества. Ну что можно было сделать с человеком, который хвастался:

Широкой дорогой иду я вперед
И ни о чем не жалею;
Порок интереснее мне, чем добро,
И вход в небеса мне не светит.
Чем мертвей моя душа,
Тем живее я живу.

Наконец, в 1231 году церковь исчерпала свой запас терпения и выпустила указ, согласно которому любой странствующий студент-церковник должен был быть побрит наголо. С него сбивали тонзуру, драгоценный символ принадлежности к привилегированному классу. Более того, любой церковник, оказавший ему помощь или давший приют, также подвергался наказанию и штрафу. После принятия этого указа число странствующих студентов быстро уменьшилось. Скоро само слово «гольярд» стало символом чего-то низменного и к XIV веку стало синонимом «содержателя борделя».

Однако гольярдов не следует путать со странствующими учеными типа Иоанна Солсберийского, или Герберта Аврилакского, или Николаса Брейкспира, единственного англичанина, когда-либо занимавшего папский престол. Действительно, они переезжали из одной великой школы Европы в другую, движимые жаждой не наслаждений, но знаний. Тысячи менее выдающихся студентов с равным энтузиазмом и стремлением к знаниям колесили по пыльным дорогам Европы, загоревшие до черноты так, что собственные отцы не узнавали их. Именно этим людям мы обязаны сохранением древнего и созданием нового образования. А гольярдам мы обязаны сохранением искры поэтического воображения.

Когда Диана зажигает
Свою хрустальную лампаду,
Ее бледный лик отражается
В свете седого огня.
По небу бегут облака -
Их гонит западный ветер.
Лунный свет исчезает вдали,
Как звон далекой стрелы.

Глава 8

Художники и строители церквей

«В Средние века не было такой великой мысли, которую люди не запечатлели бы в камне». Это утверждение Виктора Гюго во многом справедливо. Ведь существовала теснейшая связь между работой поэтов и ученых, философов и теологов, с одной стороны, и строителей церквей и художников - с другой. Средневековые соборы являются хранилищем иллюстраций не только к библейским легендам, но и к поэмам и популярным сказаниям, житиям святых, научным и религиозным теориям и историческим фактам, а также зарисовкам из современной жизни.

Некоторые школы существовали при соборах, где преподавали и учились самые талантливые ученые того времени; поэтому вполне естественно, что семь свободных искусств должны были быть символически изображены в церкви. Храмы стали не только «библией бедняка», но и энциклопедиями. В их стенах дети, неграмотные люди, новообращенные в

христианство могли не только получить устные наставления в вере, но и познакомиться с ее истинами, легендами и писанием, увидев статуи, картины, мозаику и другие произведения искусства.

Самые лучшие произведения искусства того времени были созданы под руководством церкви и в соответствии с неким символическим кодексом, появившимся еще в древности, которого придерживались средневековые художники, изображавшие определенные предметы.

Поскольку лишь у монахов было достаточно математических знаний и художественных навыков для строительства и отделки церквей, именно они явились продолжателями старых традиций и зачинателями новых. К XIII веку среди строителей и художников появились миряне - и их становилось все больше. Постепенно, несмотря на сопротивление церкви, в этой области начались радикальные изменения. С самых ранних веков христианства нимб над головой человека символизировал святость. Добавление к нимбу креста означало, что изображенная фигура символизировала либо Бога Отца, либо Бога Сына. На тимпане Шартрского собора Христос изображен с нимбом и крестом. Помимо этого, от всей фигуры исходит сияние - распространившиеся во все стороны лучи, символизирующие его святость. Его ноги босы, потому что таким образом изображали лишь Христа, Бога Отца и ангелов. Правая рука с вытянутыми большим, указательным и средним пальцами поднята вверх - это знак благословения. А рядом с фигурой Христа изображены символические фигуры евангелистов: человек, символизирующий святого Матфея, крылатый лев, символизирующий святого Марка, крылатый бык - святого Луку и орел - святого Иоанна.

То, что художники не должны были самостоятельно выбирать темы для своих работ, видно из решения Отцов Церкви, принятого на Втором соборе Никейском в 787 году. Этот документ гласил:

«Композиция религиозных образов не оставляется на усмотрение художников, но формируется в соответствии с принципами, определенными католической церковью и религиозными традициями».

Это решение оставалось в силе все Средние века. В 1425 году, когда собрание каноников церкви Святой Магдалены в Труа решило заказать несколько гобеленов со сценами жизни их святой покровительницы, каждому художнику была определена тема для работы:

«Брат Дидье, доминиканский монах, в письменном виде изложил историю святой Магдалены, а художник Жак сделал набросок на эту тему на бумаге. После этого швея Руансет со своей помощницей собрала полотнища, на которые были перенесены образы, нарисованные художниками Жаком и Симоном».

За стаканом вина брат Дидье обсудил с художниками детали выполнения заказа. Все эскизы были переданы ткачам только после одобрения их представителями церкви.

Это не означает, что художественное воплощение одних и тех же сцен было одинаковым во всех деталях. Скульптуры, изображающие воскрешение из мертвых, не всегда идентичны. На соборе Нотр-Дам фигуры воскресших полностью одеты, на Северном портале собора в Базеле воскресшие поспешно одеваются, а на соборе в Бурже спасенные появляются перед Господом в полной боевой амуниции - проклятые же изображены обнаженными. Как теологи расходились во мнениях по некоторым вопросам, так и художники следовали инструкциям, полученным от церкви, по заказу которой они работали.

С течением времени легенды о святых также менялись в некоторых деталях и становились все более красочными. Примером тому может служить жизнеописание святого Николая Мирликийского. Его считали покровителем детей, хотя его главной заслугой было то, что он обратил в христианство и крестил сотни язычников Малой Азии. В древности его изображали стоящим у крестильной купели, в которой находились трое обнаженных язычников. С течением времени купель превратилась в чан для квашения, и родилась легенда, согласно которой в этот чан опустили тела троих убитых ребятишек. Это сделал хозяин гостиницы, в которой остановился на ночь святой Николай. Обнаружив расчлененные те-

ла детей, святой благословил их и вернул к жизни. Эта странным образом трансформированная легенда изображена на мозаике XVI века собора Бове.

Отдельные художники также бросали вызов консерватизму церкви и вносили в традиционные образы свои изменения. Однако дело Тидемана, германского резчика, показывает, насколько серьезно церковные власти относились к вопросу церковной дисциплины. В 1306 году Тидеман сделал для лондонской церкви распятие, которое «было вырезано неправильно - в полном противоречии с церковными канонами... и к этому распятию потянулись толпы, как к настоящему, что было совсем не так, и в этом мы видим огромную опасность для душ». Епископ приказал Тидеману вернуть вознаграждение в 23 фунта, которое настоятель церкви дал ему. Он также должен был тайно и без всякой огласки, то есть до зари или после захода солнца, унести распятие в какую-то другую епархию. Помимо этого, он должен принести клятву, что впредь не будет «делать для продажи» или просто предлагать в качестве подарка такие «деформированные распятия нашим епархиям в Лондоне».

Возможно, более раннее дело, возбужденное против испанского ремесленника в конце XIII века, может пролить свет и на вышеупомянутое дело о «деформированном» распятии: епископ Туи обвинил художников в том, что «они рисуют или вырезают искаженные фигуры святых, чтобы при взгляде на них вера христианского населения превратилась в отвращение. Презирая христианский крест и ненавидя его, они вырезают фигуры нашего Господа, где одна нога положена на другую, так что обе пронзены одним гвоздем. Это явно нацелено на уничтожение веры в Истинное Распятие и традиций Святых Отцов».

Рис. 55. Распятие XI века

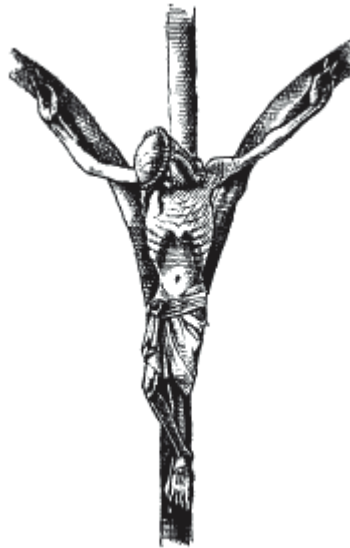

Рис. 56. Распятие XIV века

На ранних распятиях фигура Христа была задрапирована и каждая нога была пронзена гвоздем. Только в XIII веке развилась традиция не драпировать фигуру Христа и изображать его со скрещенными щиколотками, так что вместо двух гвоздей мог бы быть использован только один. Однако традиция была столь значимой вещью, что художников, пытавшихся внести в нее изменения или хотя бы элемент новизны, сначала подвергали наказанию подобно Тидеману. Тем не менее с течением веков традиция все-таки менялась. Хорошим примером тому служит изображение рождества Христова. В манускриптах X-XII веков Святого Младенца традиционно изображают не на руках у Девы Марии и даже не в колыбели, а лежащим на алтаре. Над ним горит алтарная лампада, повешенная между двух занавесей. И происходит все не в хлеву, а в церкви. Мария лежит внизу, отвернувшись, как будто размышляя о судьбе своего сына, а Иосиф стоит, разделяя ее скорбь. Этот символизм содержит в себе мысль, что с момента рождения Христос был жертвенной фигурой. Чтобы сделать этот символизм более ясным, иногда над фигурой Младенца на алтаре изображают фигуру Христа на кресте. Культ Девы, который развился в конце XII-XI-II веке, постепенно оказал свое влияние на этот традиционный подход к изображению таинства рождения. Только в этот период Марию стали изображать с Младенцем на руках или глядящей на Него с бесконечной любовью.

Художественные изображения современных «научных» воззрений в основном взяты из бестиариев - книг о животных и растениях - с комментариями, дающими символическое толкование содержащихся в них легенд, которые иллюстрируют тот или иной аспект христианской веры. Одну такую иллюстрацию можно видеть на капители собора в Труа (теперь она хранится в Лувре, Париж), на которой изображено «райское дерево». На его ветвях сидят птицы, внизу под деревом лежат в ожидании два змея. В средневековых бестиариях говорится, что на этом дереве растут такие сладкие плоды, что голуби слетаются и рассаживаются на его ветках. Однако тень от дерева губительна для змеев. Это хорошо известно птицам, поэтому, пока они находятся в тени его ветвей, они в безопасности. Здесь дерево символизирует жизнь, птицы - это душа, питающаяся его плодами, а тень - главный враг всех сил зла.

Повседневная жизнь рабочего человека всегда была излюбленной темой художников. На скульптурных композициях и мозаиках многих соборов можно увидеть календари со знаками зодиака для каждого месяца и изображением соответствующего этому знаку вида деятельности.

Марциан Капелла, африканский грамматист V века, написал книгу, которая была очень популярна в Средние века. В ней он символически изобразил семь основных наук в виде прекрасных женщин. Вообще во многих соборах можно увидеть ранние образцы персонифи-

фикации семи искусств. Например, на западном портале Шартрского собора семь искусств изображены в виде скульптур, сопровождаемых фигурами, которые, возможно, символизируют родоначальников каждого искусства. Та же тема нашла отражение на фресках испанской часовни церкви Санта-Мария-Новелла.

Произведения искусства, которые носят чисто исторический характер, встречаются в соборах гораздо реже, чем те, которые иллюстрируют библейские эпизоды. Знаменитое окно Карла Великого в Шартре изображает как реальные, так и символические сцены и должно было зафиксировать победы веры и церкви, добытые ими при содействии императора.

Религиозный фанатизм был главным источником вдохновения для большинства средневековых художников. Жизнь и деятельность тех строителей и художников, которые оставили для потомков записи о своих целях и интересах, служат тому подтверждением. Одним из этих мастеров был монах Айрардус, который, по всей видимости, был прорабом на строительстве новой церкви Сен-Дени, возведенной франкским аббатом Фульрадом и освященной Карлом Великим в 775 году. Вероятно, Айрардус является одним из первых художников-строителей, произведения которых до сих пор радуют наш взор. Он создал бронзовые двери главного входа романской церкви, который позже был изменен аббатом Сюжером. На дверях (позже разрушенных) был выгравирован портрет Айрардуса, с двусишием на латыни внизу:

О Сен-Дени, покорный раб
Те двери вам приносит в дар.

На барельефе VIII века - от которого сохранилась только его поздняя копия - Айрардус изображен, как и большинство строителей и художников монахов, в рясе бенедиктинца длиной до щиколоток. Его полное лицо спокойно и безмятежно; все же, несмотря на оказанные ему почести, на память, оставшуюся о нем, его фигура полна почтения и смирения, когда он передает свою работу святому.

На стенах церкви Сан-Бенедетто в Милане помещены еще два портрета эпохи Каролингов - на них изображены меценат, а также, возможно, главный архитектор церкви. Слева стоит дворянин с обнаженной головой, который держит свой меч, как крест, справа - монах с суровым, но умным лицом, с моделью церкви в руках. Этот портрет считается одним из лучших произведений эпохи Каролингов.

Министр Карла Великого Эйнхард также был архитектором. Словесный портрет Эйнхарда, сделанный его современником, рисует нам «невысокого роста человека, беспрестанно, словно муравей, бегающего взад и вперед со связками книг и другими вещами». В научных кругах и при дворе Карла Великого его любили все без исключения. В молодости он был искусным ювелиром и, возможно, являлся автором той триумфальной арки из серебра, которую подарил монастырю Святого Серве в Маастрихте, светским куратором которого он был. Если верно, что «искусство - это мысль человека, выраженная в его произведениях», то архитектура и мелкая пластика, созданные около 800 года, выражают преклонение перед памятниками христианского Рима. Коронование Карла Великого папой римским как «самого чистого Августа, когда-либо правившего Римской империей» подогрело интерес его подданных к Древнему Риму. Так что это не было лишь причудой Эйнхарда, когда он решил украсить свою триумфальную арку - сделанную в виде подставки для креста - фигурами не только Христа, но и античных воинов и двух императоров.

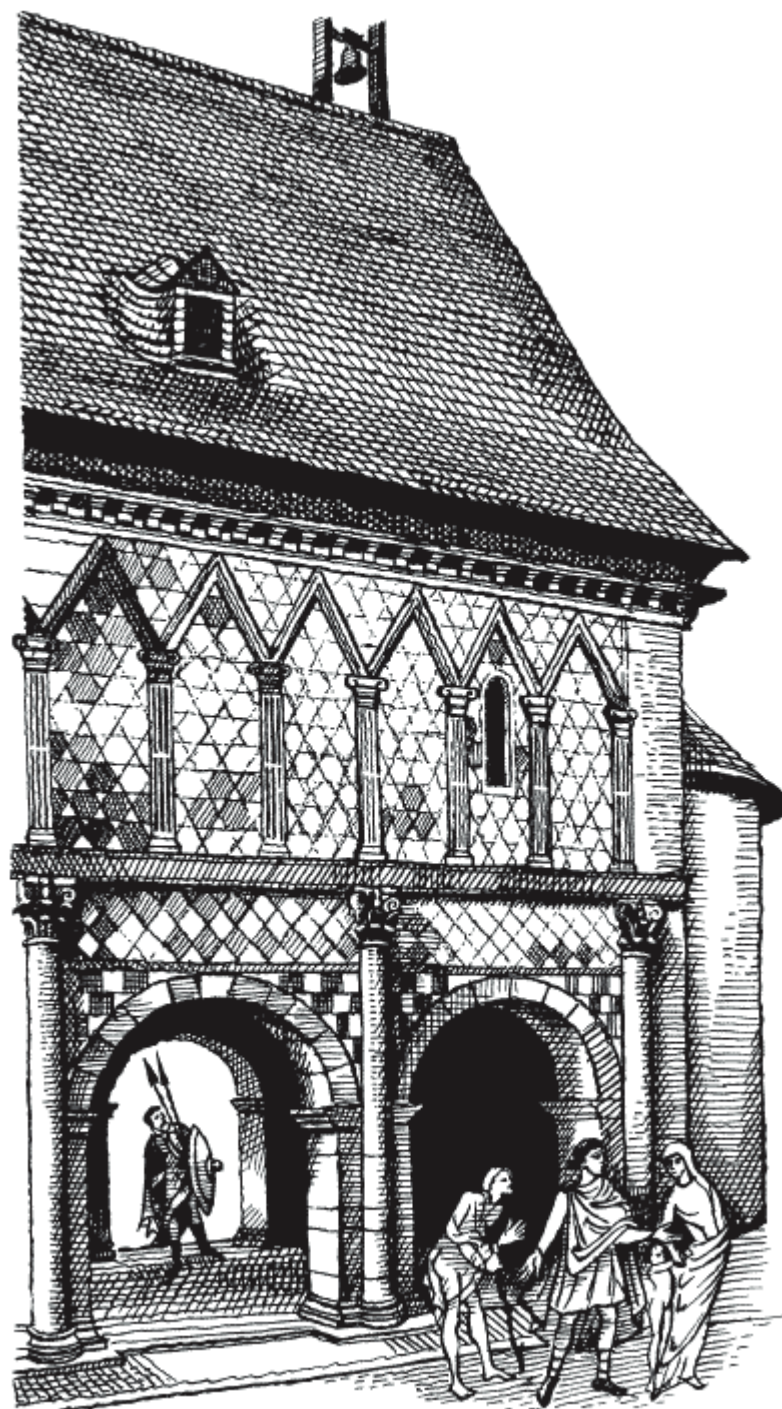

Рис. 57. Ворота в Лорше

Постройки того времени также отражали эту гордость своей принадлежности к возрожденной Римской империи. Аббат Рикбод (р. в 804 г.) или, возможно, его преемник построили чудесные новые ворота монастырской церкви в Лорше, к югу от Майнца в Германии. В них использовано много классических деятелей, хотя сами по себе они классическими по стилю не являются. Авторы вдохновила на создание этих ворот арка Константина в Риме.

С древних времен строительство церквей было результатом гигантских усилий их заказчиков, одним из которых был сам Карл Великий. Очень часто при возведении церкви аббатами руководило желание соорудить подходящую усыпальницу и место для хранения мощей святых. Ангильберт, один из самых блестящих придворных Карла Великого и любовник одной из его дочерей, получил задание (частично в знак покаяния за его грехи)

построить под патронажем Карла Великого церковь в монастыре Святого Рикера в Кентуле. Он же стал и настоятелем этой церкви. Ангильберт, страстный любитель красоты, собрал для своей церкви обширную коллекцию реликвий, включавшую в себя более сотни частиц мощей мучеников, праведников и святых девственниц, чьи алтари заняли важное место в церкви. Перед этими алтарями Ангильберт и его монахи ежедневно проводили литургию. Вера в помощь святых, безусловная христианская вера вообще и верность своим соратникам и светскому господину были теми тремя китами, на которых, собственно, и стояло средневековое общество.

К концу XII века готическое искусство пришло на смену романскому и некоторые приверженцы этого стиля - строители, художники и меценаты - оставили потомкам манускрипты и книги, которые проливают свет на их работы и идеи. Аббат Сюгер, который основательно перестроил церковь Сен-Дени, построенную в романском стиле, оставил подробное описание своей работы. Его можно считать первым поклонником готического стиля. Между ним и его работниками - каменщиками, художниками и ремесленниками - существовала теснейшая связь. Он начал собирать деньги на реконструкцию и реставрацию церкви, как только стал аббатом. Сделать базилику самой прекрасной в западном мире было для него целью жизни. Конечно, нельзя сказать, что Сюгер был начисто лишен тщеславия. Его имя упоминается в большинстве надписей на стенах церкви:

«Сюгер своими усилиями сотворил эту великолепную церковь».

И еще:

Прими, суровый Судия,
Молитвы Твоего раба
Сюгера, который
Жаждет стать одним
Из Твоих рабов.

Не щадя сил и не зная усталости, Сюгер работал над тем, чтобы воплотить свои идеи в жизнь. Когда для сооружения крыши новой западной части церкви понадобились длинные шести, выяснилось, что нигде нет подходящих бревен.

«Но в одну ночь, - рассказывает он нам, - вернувшись с вечерней молитвы, я начал размышлять о том, что должен сам обойти все леса в этой местности. Поэтому рано утром мы с плотниками и мастерами поспешили в лес Ивлин. Затем, вызвав зрителей нашего собственного леса, а также тех, кто знал все о других лесах, мы заставили их под присягой ответить на вопрос, можем ли мы найти в этих лесах деревья нужного размера. Они лишь улыбнулись - они бы даже расхохотались, если бы осмелились. Почти с сожалением они объявили, что во всем районе не найдется ничего подобного».

Однако Сюгер, которому было почти шестьдесят, настоял на том, чтобы «прочесать все леса», и вместе со всеми «продирался сквозь кусты и колючки». К концу девятого часа поисков они обнаружили и поместили двенадцать подходящих деревьев. Вообще заказчики церковью всегда принимали самое активное участие в проектировании и непосредственном сооружении церкви. Сюгер рассказывает, что лично отбирал всех мастеров, настоял на витражах в окнах и выбрал для них сюжеты, а также лично разработал крепление распятия и роспись алтаря. Готическая «фроза» этой церкви стала образцом для других готических храмов. Сюгер скончался в 1150 году, и его смерть была кончиной человека, который поставил перед собой определенную цель и умирает с чувством выполненного долга.

«Он не боялся смерти, потому что обожал жизнь и наслаждался ею. Он ушел с чистым сердцем и по своей воле... потому что не считал, что добрый человек должен уходить отвергнутым или выброшенным из жизни насильно».

Еще один манускрипт - «О разных искусствах» - был оставлен Теофилом (это псевдоним Роджера из Хелмерсхаузена), который был монахом и имел отличные навыки во мно-

гих искусствах и ремеслах, особенно в работе по металлу. Монастырь в Хелмерсхаузене, который принадлежал к епархии Падерборн, был в XII веке одним из наиболее развитых центров искусств в Северо-Западной Германии. В нем создавали произведения искусства для герцогов и епископов, и этот монастырь славился качеством своих изделий из металла и иллюстрированных рукописей, а также настенной живописи и мозаики. Теофил в первую очередь говорит о том, что источником и главной темой его искусства была любовь к Богу. Он пишет, что всю жизнь трудился «не из стремления заслужить похвалу людей или получить какую-то материальную выгоду от своей работы; я не накопил ни драгоценностей, ни редкостей, не молчал и не допускал злобы и зависти. Но я всегда работал во имя славы Господа Бога. Я заботился о нуждах многих и работал во имя их блага».

В предисловии к последней части своей книги он восторженно пишет об украшении церковью:

«Возлюбленный сын мой, благодаря добродетелям своим, ты пришел в Дом Господа и украсил его прекраснейшим образом; ты расписал стены и потолки изумительными картинами и до некоторой степени показал людям рай Господень, изобилующий разными цветами, травами и животными и дарующий посмертные венцы праведникам. Ты дал им повод благодарить Создателя за Его усилия и провозгласить Его совершенство в Его творениях. Глаз человека не способен определить, на чем в первую очередь задержать свое внимание; если он задерживается на потолке, тот светится, как тончайшее кружево; если на стенах, то они похожи на рай. Если мы остановимся, чтобы полюбоваться преломлением света через оконное стекло, то придем в восторг от невыразимой красоты стекла и бесконечного богатства воображения художника. Если вдруг душа истинно верующего задержится у изображения страстей Господних, она преисполнится состраданием... Если же душа верующего осознает, какие радости ожидают ее на небесах и какие муки таит геенна огненная, то она исполнится надеждой на то, что все ее добрые дела зачтутся, и переполнится страхом перед наказанием за грехи».

Основная часть книги, написанной монахом, носит, конечно, практический характер. Благодаря ей, мы можем познакомиться с жизнью ремесленников в большом монастыре. Мы видим кузницы и горны мастеров по металлу и их инструменты - наковальни, щипцы и молоты; мы узнаем, как сделать переплеты для мозаичного стекла, какие материалы нужны для этого и как их использовать; мы узнаем, как смешивать краски для достижения желаемого эффекта и как делать священные сосуды из золота и серебра, а также о том, как наносить эмаль и обрабатывать драгоценные камни. Как будто этого одного недостаточно, Теофил дает подробное описание устройства органа и литья колоколов. По крайней мере одна из работ монаха-художника находится в хранилище собора в Падерборне. Это дорогой переносной алтарь, сделанный примерно в 1100 году для епископа Генриха Падерборнского, великого покровителя искусств.

Еще одной рукописью, оставленной нам средневековым художником, является «Альбом» Виллара де Хоннекорта, знаменитого архитектора XII века. Впрочем, строго говоря, архитекторов в то время не существовало. Каменные здания возводились под руководством мастера-каменщика, а деревянные строения - под руководством мастера-плотника. Что касается мастеров-строителей, то они были людьми самых разнообразных талантов и были широко востребованы. Из «Альбома» Виллара мы узнаем о его собственных познаниях в области архитектуры. На одном из рисунков изображено окно-розетка, состоящее из подвижных частей разной формы. Они были нужны, чтобы придать устойчивость столь хрупкой фигуре. Благодаря этому и многим другим сложным инженерным разработкам французские архитекторы смогли создать воздушные стрельчатые своды, поддерживаемые пересекающимися ребрами стрельчатых арок. Давая дополнительную крепость стенам, такой каркас позволял врезать в стены окна с удивительными витражами, напоподобие тех, которые украшают соборы Шартра или Реймса. В результате готический собор оказался наполнен светом, а когда солнце проникало внутрь сквозь цветные стекла этих окон, эффект был поразительным.

Средневековая философия была близка Виллару, и это видно из включенного в его книгу наброска колеса Фортуны. Этот рисунок является иллюстрацией к высказыванию Боэция, философа, чья работа «Утешение философией» пользовалась большой популярностью вплоть до XI века. Философ одно время был любимцем Теодориха, вождя остготов, но был убит им в 524 году. Неудивительно, что Боэций вложил в уста Судьбы следующие слова:

«Я заставляю это колесо вращаться. Я люблю поднимать падших и ниспровергать гордых. Поднимайся же, если хочешь, но при условии, что ты не будешь возмущаться, когда мой закон потребует, чтобы ты опустился на самое дно».

Колесо Фортуны изображено на «розе» собора в Амьене, на северном портике Сен-Этьен в Бове и на портике собора в Базеле. Этот сюжет также часто встречался на миниатюрах, а в одной средневековой книге говорится:

«В этих соборах и королевских аббатствах правит госпожа Фортуна, которая крутит свое колесо быстрее, чем ветряная мельница».

Виллар также вспоминает ремесленников, которые работали с ним вместе, и спорили с ним, и пили с ним, а затем удалялись в дальние страны, где их и хоронили или где они находили себе покой в родных пенатах. Так или иначе, благодаря их странствиям и жарким спорам новые идеи и стили проникали из одной части Европы в другую. Хью Либерже - современник Виллара - помогал построить церковь Святого Никеза в Реймсе. На надгробной плите в Реймском соборе он изображен в виде рослого мужчины в одежде и головном уборе ремесленника. В правой руке он держит рулетку, а в левой - модель Святого Никеза, внизу лежат его мастерок и компас. Виллар провел много времени в Реймсе, делая зарисовки собора, так что вполне вероятно, что он вместе с Хью обсуждал интересующие их проблемы. Виллар, безусловно, советовался с Пьером де Корбе по поводу того, как спроектировать своды в круглой часовне. Их обоим интересовало, как заставить колесо вращаться без посторонней помощи или как сделать так, чтобы механический ореол на кафедре поворачивал голову к дьякону, когда тот читает Евангелие, и т. д. Мы также видим, как Виллар записывает рецепт удаления волос негашеной известью, которым с ним поделились друзья-каменщики.

Еще один из современников Виллара - но стоящий гораздо выше его на социальной лестнице - был Юд де Монтре, любимый архитектор святого Людовика, который сопровождал короля в Крестовом походе и построил башни в Яффе. В 1584 году Треве включил Юда в число самых знаменитых французов, потому что «он всегда интересовался механическими задачами и никогда не важничал. Микеланджело, как бы он ни был гениален, не совершил столько всего за 60 лет, сколько Юд за 20 лет».

Возможно, услышав, что Юд был с королем в Крестовом походе, Виллар решил построить действующую модель баллисты, применявшейся при осаде городов. Ведь Виллар также живо интересовался «механическими задачами». Однако нынешние ученые считают, что строители XIII века «демонстрируют крайнюю неразвитость способов измерения расстояний». Без сомнения, именно этим объясняется то, что средневековые постройки часто падали, рушились без всякого внешнего воздействия. Однако все равно нельзя не восхищаться удивительной красотой и мощью дошедших до нас средневековых сооружений. Сам Виллар приходил в восторг от башни в Лаоне: «Я был во многих странах, но нигде не видел башни, подобной этой». На его рисунке мы видим, что у основания шпиля высечены головы быков, расположенные между колоннами. С этими животными связана красивая легенда. Однажды быки тянули вверх по горе очень тяжелый воз с камнями для строительства собора в Лаоне и один надорвался и пал. Возчик был в отчаянии, но вдруг с удивлением увидел, что к нему приближается еще один бык. Он сам пожелал, чтобы его впрягли в воз вместо павшего животного. Доставив камни на место, возчик увидел, что новый бык исчез. В память об этом чуде и в знак благодарности всем животным, участвовавшим в возведении собора, скульптор поместил статуи быков на башню.

Вне зависимости от того, сколь правдива эта легенда, она свидетельствует об интересе средневековых людей к животным. В рукописях того времени очень много упоминаний о любимых кошках монахов. Среди рисунков Виллара есть изображения кошки, медведя, лебедя, пары попугаев и льва с примечанием: «Заметьте, этот лев срисован с натуры». Его изображения змеи, мухи, стрекозы и омара свидетельствуют о его внимательном взгляде и наблюдательности. То же самое можно сказать и о сотнях каменщиков, чьи имена не сохранились в истории. В средневековых соборах хранится множество трудов о растениях и цветах. Подорожник, лютик, папоротник, клевер, чистотел, кресс-салат, львиный зев и другие растения, украшающие фриз и капители, также свидетельствуют о ностальгии по диким растениям, которая никогда не исчезала и не исчезает у городских жителей, потому что они всегда помнят наполненные солнечным светом весну и лето своего детства.

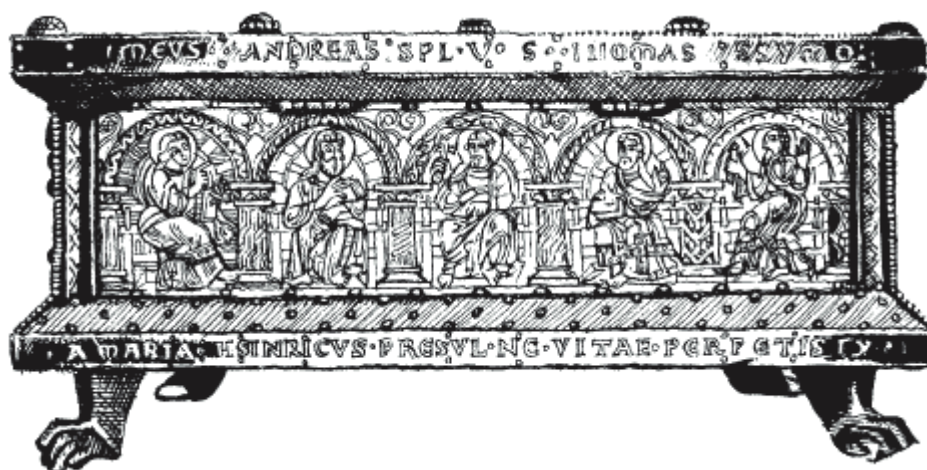

Рис. 58. Переносной алтарь, сделанный Роджером из Хелмерсхаузена

Возможно, что и листья арума и лилии, использовавшиеся в Средние века для колдовства и заклинаний, использовались простыми ремесленниками в качестве образцов для своих произведений, потому что, попав в христианский храм, они как будто освобождались от своей темной силы. Без сомнения, уродливые фантастические фигуры, ужасные дикие звери, наполовину люди и наполовину животные - это все навеяно сказками, которые рассказывались длинными зимними вечерами. Вообще, в готической архитектуре очень много элементов магического и необъяснимого. Для людей, привыкших к приземленности и массивности романского стиля, изящные колонны и своды, ажурные каркасы, невероятная легкость каменных кружев, красота арочных окон с их витражами и взметнувшиеся ввысь башни, должно быть, казались чудом. Это изящество и воздушность, вкуче с оригинальной техникой выполнения и отделки, кажутся еще более невероятными, когда мы вспомним, что помимо ограничений, навязанных церковью, средневековые строители должны были следовать строгим правилам своей гильдии. Тем не менее заставить каменщиков следовать этим правилам было всегда труднее, чем членов других гильдий. Даже в 1356 году власти жаловались, что в Лондоне «каменщики не в достаточной степени подчиняются своим руководителям». И уж конечно, их было гораздо труднее, чем представителей других профессий, подвергнуть наказанию. Каменщики были «сегодня здесь, а завтра там» по самой природе своей деятельности. В 1380 году Виклиф жаловался, что в Англии «свободные каменщики договариваются оспорить установленное вознаграждение за свой труд и хотят требовать повышения оплаты», и то же самое происходило во всей Европе, особенно после эпидемии чумы.

Судя по всему, в Германии каменщики не объединялись в союзы, которые можно было бы контролировать, вплоть до начала XV века. Затем в 1456 году германские каменщики объявили бойкот Иодоху Таушену, потому что «они сомневались, что он в достаточной степени удовлетворял их обычаям, которые в те времена соблюдались гораздо более стро-

го, чем теперь. Они сомневались, что он в достаточной степени овладел ремеслом и доказал свое мастерство перед членами гильдии. Поэтому они запретили ученикам работать с Таушеном, который проводил обучение у себя на дому».

Иодох вырезал чашу, в которой хранились освященные облатки. Эту чашу до сих пор можно увидеть в церкви Елизаветы в Бреслау. Это отличный образец готического искусства, однако, очевидно, работа вызвала неодобрение членов гильдии. Члены гильдии к тому времени уже начали вырабатывать стандарты «шедевра», которые были столь высоки, а цена этих шедевров была столь велика, что кандидатам на членство в гильдии становилось все труднее удовлетворять этим требованиям. Необходимо было также заплатить очень большой взнос членам совета гильдии, на суд которых отдавалась работа, и устроить пышный банкет действующим членам гильдии, если кандидата допускали в нее. Еще нужно было платить взносы в муниципалитет того города, где жил каменщик. На банкетах для членов гильдии и на официальных заседаниях, после которых обычно следовал пир, поведение участников должно было быть безупречным. Эти правила этикета были сформированы в уставах английской и германской гильдий:

Хорошие манеры делают человека.
Руки твои должны быть чистыми,
А нож - острым.
И если ты сидишь рядом с более достойным,
То пусть он первым притронется к угощению.
А в обществе прекрасных дам
Не смущай их грубой речью
И нескромным взглядом.

Старейшинами каменщиков становились те, кто достиг высот в своем деле. Однако существовало и много других степеней, определявших как социальный статус человека, так и его материальное положение. В Эли в 1359-1369 годах Джон Линн был слугой Джона Уэйда из Колчестера, который носил звание каменщика. В 1436 году некий Джон Уэйн из Колчестера получил «место в гильдии графства как дворянин и место для своего слуги, йомена». В списке профессий, относящихся к строительству, значились каменотесы, укладчики, мостильщики, специалисты по обработке мрамора, облицовщики, причем все эти работники получали разную плату за свой труд. Некоторые рабочие назывались просто «землекопами или разнорабочими». Они разравнивали участки под строительство, замешивали и подавали строительный раствор, перевозили на ручных тележках камни, закладывали фундамент зданий. Помимо всего прочего, отдельные люди готовили известь для штукатурки, подавали инструменты, носили корыта с известью, устанавливали блоки, которые до сих пор можно увидеть на чердаках соборов и церквей аббатств. Все это были низкооплачиваемые рабочие, которых набирали из числа местных жителей и которые находились под глубоким впечатлением от своего участия в таких грандиозных проектах, как строительство церквей, замков или каменных мостов.

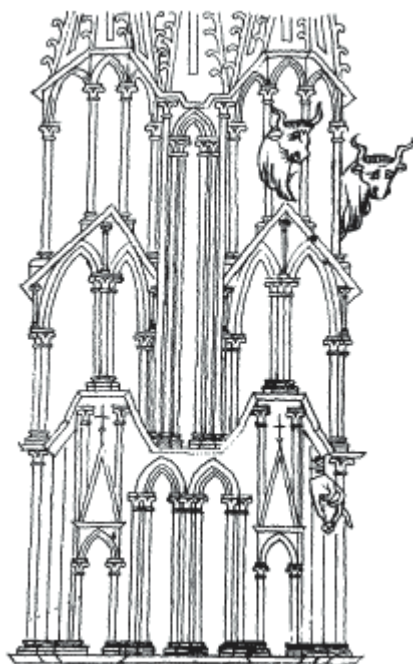

Рис. 59. Набросок Виллара де Хоннекурта для Лаонского собора

Что касается квалифицированных каменщиков, то они, как правило, не сидели на одном месте, а то и дело переезжали в поисках работы. Возможно, выражение «свободные каменщики» обязано своим появлением тому факту, что человек получал разрешение от своей гильдии работать и жить там, где желал. Правда, возможно, что это выражение берет свое начало и от способности человека работать со строительным камнем, легко поддающимся обработке, что позволяло выполнять поистине ажурную резьбу для окон и капителей. Еще одно возможное объяснение происхождения этого выражения лежит в ирландском обычае, согласно которому «квалифицированный ремесленник, который был по происхождению фактически рабом, благодаря своему искусству становился свободным человеком». Однако этот термин не означает, что свободный каменщик мог претендовать на освобождение от общественных работ. Наказание за отказ работать там, где приказал король, было суровым: такого человека заключали в тюрьму; и светские строители, и строители, имеющие духовный сан, должны были участвовать в общественных работах, если королю или любому другому правителю спешно требовалось возвести какое-то здание. Одно или более временное помещение, в котором строители выполняли часть своей работы, возводилось прямо на строительных площадках. Там они также принимали пищу и отдыхали. Иногда над мастерской возводили навес или нечто вроде чердачного помещения, где каменщики могли поесть и отдохнуть. Такие помещения (ложи) были достаточно большими и вмещали в себя до 20 человек. На крупных объектах помимо лож для каменщиков строились специальные постоянные дворы. Каждая ложа подчинялась своим строгим внутренним правилам. На строительной площадке церковных зданий собрание каноников выработало устав жизни ложи, и старший каменщик, ответственный за эту ложу, брал на себя обязательство следить за соблюдением этих правил. Именно он сообщал настоятелю церкви или монастыря обо всех случаях плохой работы или несоблюдения дисциплины.

Рис. 60. Плотники и каменщики строят Шартрский собор

Власть членов монашеского ордена над наемными рабочими была велика: об этом можно судить на примере старшего плотника Филиппа Виара, который славился своей резьбой по дереву. В 1466 году собрание каноников Руана поручило ему сделать для них новые церковные хоры. Через некоторое время каноники пожаловались, что работа продвигается очень медленно. Они уволили всех плотников Виара и взяли на их место других, но все равно остались недовольны ходом работ. Виара неоднократно предупреждали об этом и в конце концов уволили. Он, вместе с женой и детьми, был вынужден отправиться в путь в поисках новой работы. Но видимо, эта задача была не столь трудной, как та, что стояла перед собранием каноников собора: они потратили три месяца, чтобы найти свободных плотников, которых пришлось приглашать из Лилля, Турнея и Брюсселя.

Создается впечатление, что Виар проиграл не во времени, а в деньгах. Эта система была принята в конце Средневековья и была неодобрительно воспринята рабочими. Собрание каноников Руана, очевидно, посчитало, что Виар и его люди сделали за определенное время недостаточно. Судя по тому, что 20 фунтов, полученные Тидеманом за его распятие, были очень большой суммой, рабочие могли потребовать высокую плату за свою работу.

Однако к XV веку пик увлечения готическим искусством прошел. Слова Виктора Гюго о том, что «готическое солнце закатилось за гигантский пресс Майнца», объясняют одну из причин этого. К 1500 году в Германии, Франции, Италии, Нидерландах и Англии работало уже 40 станков для печатания книг. Религиозный пыл больше не вдохновлял художников, как это было в XII и XIII веках. Церковь перестала просвещать массы посредством пластических искусств. Перед христианством стояла новая задача: превратиться в духовную силу.

Глава 9

Врачи и пациенты

«Я требую, чтобы те, кто заботится о телесном здоровье братьев... со всей честностью помогали заболевшим, как требует того их знание медицины... Поэтому изучайте природу растений и стремитесь узнать, каким образом сочетать их с пользой для здоровья; однако не полагайтесь исключительно на одни растения. Поскольку медицина была придумана Богом и поскольку именно Он возвращает здоровье, обратитесь к нему. Делайте все, что вы делаете, именем Господа нашего Иисуса Христа... Если вы не знаете греческого, то прочитайте переводы Диоскура, который описывает свойства растений. Также читайте переводы Гиппократ, Галена и Аврелия Цельсия и другие работы по медицине, которыми я, с Божьей помощью, снабдил нашу библиотеку».

Из этого наставления Кассиодора (род. в 575 г.), друга святого Бенедикта, касающегося лечения болезней, можно видеть, что, как и в искусстве, религия была основой медицины. Традиционного знания фитотерапии, основанного на работах греческих и римских врачей, было недостаточно для набожного и ученого основателя монастыря в Калабрии. Для эффективного лечения была нужна христианская вера, а также больницы.

Опять-таки, именно монахи не дали медицине умереть, как, собственно, и любой другой форме знаний, в век варварства, наступивший после распада Римской империи. Эта забота о заболевших прежде всего была продиктована необходимостью поддерживать здоровье самих монахов, а также мирских служек монастыря. Без сомнения, монахи ухаживали и за заболевшими работниками монастырских поместий, однако и проведение месс зависело от лечения заболевших женщин из окрестных поселений или тех, кого Боккаччо в XIV веке называл «квакерами».

У дворян и королей были собственные врачи, которые также были людьми духовного звания (за исключением Италии). Карл Великий часто игнорировал советы врачей, которые были особенно непопулярны, когда доктора рекомендовали ему не есть жареного мяса, которое он обожал, и перейти на тушеное, которого он терпеть не мог. Тем не менее в Средние века многие врачи считали правильную диету основой здоровья. В начале этой эпохи греческий врач Антимус, лечивший Теодориха Великого, который правил из Равенны, заявил: «Здоровье человека зависит от его диеты. Прежде всего, необходима умеренность в еде». Он, как и врачи Карла Великого, полагал, что пост полезен здоровью. Книги Антимуса по медицине использовались вплоть до IX-X веков.

Однако в более ранние века в хрониках зафиксированы случаи излечения людей с помощью Девы Марии, живших в то время благочестивых епископов и святых, которые из своих могил и посредством своих мощей совершали чудеса исцеления. Тем временам была присуща значительная доля презрения к любым формам научной медицины. В этих хрониках говорится о Евстахии, племяннице епископа Григория из Тура, которая в VI веке посвятила себя излечению больных. Епископ описывает, как некая женщина была поражена демонами, которые вызвали у нее паралич языка:

«Люди использовали все: растительные настои и заклинания; но они не смогли победить болезнь никакими медицинскими способами. Наша дочь (Евстахия) подошла к больной женщине и посмотрела на нее, лежавшую в этих дурацких растительных компрессах, влила ей в рот масла из Святой чаши, после чего больная женщина начала выздоравливать».

Рис. 61. Рисунок опийного мака (из травника)

Истории о чудесных исцелениях с помощью Девы Марии - бесчисленны. Одна из них рассказывает, как в Невере один человек страдал от некой болезни, похожей на рак, кото-

рая поразила Северную Францию в 1128-1129 годах. В результате болезни у мужчины ампутировали ногу. Помолвившись в соборе, он заснул, а когда проснулся, понял, что Дева Мария своей милостью вернула ему ногу, и он ушел на двух здоровых ногах.

Наряду с широко распространенной верой в целительную силу христианской веры по-прежнему использовались языческие обряды и заклинания. Церковь запрещала эту практику, но языческие традиции оказались живучими: часто они прикрывались знаком креста или использованием христианских имен и изречений. Сборщики растений, которые срывали травы или выкапывали их корни, когда они находились под влиянием определенных планет, часто шептали: «Святая богиня Земля, мать Природы, Мать Великая... приди ко мне со всей своей целительской силой и даруй лечебные свойства тому лекарству, которое я сделаю из этих растений... Молю тебя, сделай так, чтобы твои дары сделали здоровыми тех, кто будет пользоваться ими». В Средние века астрология считалась необходимым дополнением к использованию лекарственных средств, причем даже самые продвинутые ученые не гнушались этим. Для кровопускания были благоприятные и неблагоприятные дни. Первым делом врач спрашивал у своего пациента, под каким созвездием тот родился, поскольку конкретные лекарства ассоциировались с определенными планетами. И даже после этого лекарства надо было пить только тогда, когда Луна находилась в благоприятной фазе.

При простых заболеваниях большинство лекарств было растительного происхождения, хотя иногда растения смешивались с весьма агрессивными веществами - уриной, выделениями животных, толчеными червями и тому подобными. В рукописях средневековых докторов встречаются многочисленные рецепты лекарств, в том числе и растительных:

«От головной боли прими корень пиона, смешанный с розовым маслом. Пропитай этой смесью льняную повязку и приложи к больному месту.

От зубной боли смешай уксус, масло и медный порошок и помести смесь в рот больного».

А вот рецепт менее симпатичного лекарства:

«Взять свечу из жира барана, смешанного с семенем морской свинки. Зажги свечку как можно ближе к зубу больного, держа под ней чашу с холодной водой. Черви, грызущие зуб, упадут в воду, чтобы избежать жара свечи».

Аббат Штрабо из Райхенау сумел в IX веке соединить интерес к медицине с любовью к садовым растениям. Он описывает, как повсюду, где он начинал копать, были лишь камни. Но он упорно трудился и скоро имел:

«Дикие и культурные и южные растения; мяту и ячмень, редиску и, только во имя Господа, гладиолусы и лилии и розы, хотя розы были только простые, а не бордовые или алые, как во Франции».

Рис. 62. Доктор роняет сосуд с мочой пациентки, что означает ее скорую смерть

Что касается самих растений, то Штрабо записал рецепты и способы применения лекарства в стихотворной форме. Один из этих стихов свидетельствует о его хорошем чувстве юмора:

Если мачеха твоя от злости
Под покровом ночи
Что-то вдруг в твою еду
Тайно добавляет,
Удиви ее, придя
Утром в ее спальню,
Ты не бойся ничего,
Ее чары не опасны,
Только пей почаще ты
То мое лекарство.

Исследование мочи также использовалось при диагностике заболевания. В IX веке Ноткер, монах знаменитого монастыря в Галене, «совершал чудеса исцеления, в которые было трудно поверить». Когда его пациентом стал герцог Баварский, он, чтобы испытать Ноткера, заменил мочой беременной женщины свою собственную. Сделав анализ, монах повернулся к герцогу и сказал: «Бог замыслил чудо! Через 30 дней господин герцог даст жизнь ребенку». Нечего и говорить, что Ноткера назначили личным врачом герцога. В Средние века были составлены таблицы, которые связывали цвет мочи с определенным заболеванием, и очень часто можно было видеть слугу, несущего в специальной корзине флягу с образцом мочи для ее исследования врачом.

Но были ли все врачи того времени церковниками, как Ноткер? По крайней мере, не в Италии, где миряне с древних времен занимались медициной. Салерно, расположенный на берегу чудесного залива, издавна был курортом, а к IX веку стал процветающим медицинским центром. Неподалеку располагался монастырь бенедиктинцев в Монте-Кассино, аббат которого очень интересовался медициной и был автором двух медицинских трудов. Главное же заключается в том, что Салерно находился в той части Италии, которая раньше была под властью греков, а потому здесь по-прежнему говорили по-гречески, что дава-

ло возможность пользоваться древними манускриптами, которые остались в библиотеке бенедиктинцев, - это были останки рухнувшего древнего мира.

К XI веку салернская школа превратилась в лучший медицинский университет Европы. Там было принято, что после трехлетнего изучения свободных искусств ученик 4 года изучал медицину, а после этого год работал под контролем квалифицированного врача. Если студент хотел стать хирургом, то изучение анатомии входило в обязательную программу.

Одним из самых знаменитых преподавателей медицины в Салерно был Константин Африканец. Он говорил по-арабски и зачастую допоздна сидел над восточными книгами, изучая арабскую медицину. Герцог Робер Салернский много своего времени уделял переводу - не всегда точному - медицинских работ Гиппократ, Галена и Цельсия, а также работы арабского врача Авиценны с арабского на латынь. Только в эпоху позднего Ренессанса были сделаны более точные переводы работ классических авторов. В Салерно была также написана книга, в которой в стихотворном виде излагались рекомендации по здоровому образу жизни:

Если хочешь свою силу
И здоровье сохранить,
Прячь подальше все заботы,
И волнение - не в счет.
Не спи ты в полдень
И старайся пешком
Ходить, ходить, ходить.
Природу слушай -
В ней вся правда.
И эти наставленья выполняй.
И уж тогда -
Твой путь длинней,
Что Солнца луч,
И это - навсегда.

Одно из наиболее известных правил Салернского университета не потеряло своей актуальности:

Три врача даны нам Богом:
Спокойствие, веселость и диета.

Еще одна теория, в которую верят уже много веков, гласила:

Четыре начала живут в нашем теле,
Которые сродни четырем элементам, -
Радость, желчь, флегма и меланхолия.

Живописный портрет медика XI века дан в «Инструкции для врача», также написанной в Салерно. Мы читаем о том, как врач идет к своему пациенту вместе с посыльным, которого прислали за ним. «Инструкция» советует врачу прежде всего подробно расспросить слугу о характере и обстоятельствах болезни его хозяина:

«Затем, если ты не можешь поставить точный диагноз, прослушав пульс и изучив мочу больного, по крайней мере, порази всех точным знанием симптомов, и таким образом за-

воюешь их доверие. Пальцы следует держать на пульсе больного, пока не насчитаешь хотя бы сто ударов, чтобы определить характер пульса. Стоящие вокруг только проникнутся к тебе большим уважением. Войдя в дом, врач не должен суетиться, но должен поприветствовать всех мягко и с достоинством. Затем, сев рядом с больным, он должен выпить предложенный напиток и постараться успокоить пациента, прежде чем приступить к осмотру».

Хорошие манеры у постели больного считались делом первостепенной важности.

«Пусть врач всегда имеет чистые руки и аккуратные ногти, без всякой грязи под ними. И пусть у него в запасе будет несколько хороших поговорок, чтобы в нужный момент успокоить пациента. И очень хорошо, если врач умеет рассказывать забавные истории, чтобы заставить пациента улыбнуться, потому что это облегчает душу и улучшает настроение».

Что касается гонорара, то хирург 1380 года, который специализировался на язвенной болезни, говорит следующее:

«За лечение язвы, если ее можно вылечить, просите у зажиточного человека 100 марок или 40 фунтов плюс запас бинтов и ежегодную плату в 100 солидов. С бедного человека следует брать не меньше 100 солидов. Я сам никогда не брал меньше за лечение этой болезни».

В Южной Франции своей медицинской школой прославился Монпелье. Эта школа стала известна уже к XI веку, вероятно благодаря географической близости к Испании и, как следствие, доступу к богатым знаниям Греции в области медицины и благодаря переводам греческих рукописей еврейскими и мусульманскими врачами. В Монпелье выяснили, что больные корью быстрее выздоравливали, если их обертывали в ткань красного цвета и занавешивали окна красными занавесками. Этот способ, вероятно, лег в основу лечения этой болезни красным светом, разработанного Финсоном. И в Монпелье, и в Салерно имелись хорошие для того времени больницы. Они были основаны христианами, и в IV веке император Юлиан сказал: «Теперь мы видим, почему христиане являются столь сильными врагами наших богов: все дело в братской любви, которую они проявляют к странникам, больным и неимущим». После этого он стал всячески поощрять создание больниц язычниками.

Рис. 63. Темпераменты: меланхолик и флегматик

Устав бенедиктинцев гласил, что в каждом монастыре должна быть больница. Но, как мы знаем, эти больницы в основном предназначались для монахов и мирян, работавших на монастыри. Если бы все монастырские больницы были столь гостеприимны для страждущих, как это задумывалось для больницы монастыря Святого Галена в Швейцарии, это было бы поистине чудом. Там для нескольких врачей выделялись отдельные помещения, существовал лазарет, отделенный от других зданий, при котором имелись собственная часовня и дворик. Там были отапливаемые и неотапливаемые комнаты, прекрасные спальни,

столовая, кухни, ванны и туалетные комнаты. Для тяжелых больных были устроены отдельные помещения, а также комнаты для кровопускания и очищения. Также там были аптека, пункт бесплатной раздачи лекарств для бедных и огород для выращивания лекарственных трав.

Однако в XII-XIII веках христианская церковь внезапно усилила благотворительную деятельность, оказываемую бедным и немощным. Иннокентий III, который в 1204 году призвал к началу Четвертого крестового похода, построил больницу Святого Духа в Риме. Он был возведен в соответствии с планом госпиталя, построенного Ги де Монпелье в своем родном городе. Увеличение темпов строительства больниц и лепрозориев в эти века, кажется, совпало по времени и по духу с движением реформы монастырей и папской власти и перекликалось с резким всплеском религиозных чувств населения. В некоторых местах увеличение помощи благотворительным заведениям и больницам было результатом роста независимости и силы городов.

Лишь малое число больниц и лепрозориев располагалось в жилых домах, переделанных под эти цели, чаще всего здания для лечебных заведений строились специально.

Когда, к примеру, в середине XIII века в Тулоне проживало 25 000 человек, в нем было 7 лепрозориев и 12 больниц. К тому же в местных монастырях были лазареты для заболевших монахов и отдельные лазареты для мирян, которые оказывали медицинские услуги бедным. Лепрозории были довольно маленькими, и только в двух были свои часовни. В каждом было 10 больных, таким образом, во всех лепрозориях города проживало 70 прокаженных.

Больницы Тулона разительно отличались друг от друга по размеру. В 1243 году в одной из них было 56 коек. Некоторые были меньше - там могло лечиться примерно 13 больных. Планировка лечебных учреждений была хорошо продумана. Госпиталь Святого Духа в Любеке, построенный в XIII веке, поражал своей архитектурой: высокие потолки, большие окна и водопровод поблизости, который, будучи соединен с дренажной и трубопроводной системой монастыря, обеспечивал водоснабжение и отвод стоков. В лечебнице Дьюи в Байоне у кровати каждого пациента был полог, а в больнице в Тонере кровати были разделены специальными панелями, чтобы обеспечить пациентам уединение и покой.

Вероятно, самыми страшными болезнями Средневековья были лихорадка святого Антония, проказы и бубонная чума. Лихорадка святого Антония вызывалась зараженным ржаным хлебом, а вот распространение проказы, скорее всего, было связано с употреблением в пищу некачественной рыбы и мяса (в основном бедняками). «Когда рыба или мясо оказываются нечистыми, их следует отдать в больницу Святого Иоанна», - гласит один из пунктов устава университета. Тем не менее тот факт, что прокаженные изолировались в специальных помещениях и не имели права общаться со здоровыми членами общества, свидетельствует о том, что уже тогда признавали инфекционный характер этого заболевания.

Рис. 64. Темпераменты: сангвиник и холерик

Что касается бубонной чумы, или «черной смерти», то в любой европейской хронике нашел отражение ужас средневековых людей перед этой ужасной болезнью. Когда чума входила в город или страну, обычный порядок вещей сразу же нарушался, причем в большей степени, чем при нападении северных племен или сарацин. Они, нанеся удар, обычно уходили обратно, и от этой напасти спастись было можно, а спастись от чумы - нет.

«Если в доме умирал один или два человека, одновременно или через короткий промежуток времени, то из дома сразу же выносили всю утварь. Иногда случалось так, что в одном доме умирали сразу 10 человек, а в некоторых домах умирали даже кошки и собаки. То есть никто не мог чувствовать себя в безопасности - ни бедные, ни богатые, и все каждый день ждали решения своей судьбы Господом».

Так пишет летописец из Турнея. Но то же самое было везде. Считается, что эта болезнь пришла из Китая, но ее источник оставался невыясненным вплоть до XIV века. Чума - болезнь преимущественно крыс и других грызунов - переносится зараженными мухами, которые, укусив человека, заносят инфекцию ему в кровь. Ги де Шолиак, врач папы из Авиньона в 1348 году и сам жертва чумы, который, однако, сумел побороть болезнь, диагностировал чуму в двух видах. Первый вид, который современные врачи называют бубонной чумой, характеризуется появлением гнойных нарывов в паху или в подмышечных впадинах. Именно этот вид чумы перенес де Шолиак, и, как выяснилось, вылечиться от нее можно. Второй тип чумы, который он считал более опасным, характеризовался резкими болями в груди и кровавыми выделениями. Легочная чума была чрезвычайно заразной. Третий тип - септическая чума, - который де Шолиак не выделял отдельно, приводил к смерти за несколько часов, поскольку инфекция в крови была столь сильной, что не оставляла времени развиться другим симптомам.

У нас есть описание современника начала эпидемии чумы в Мессине на Сицилии в 1347 году. Мы видим, как 12 генуэзских торговых кораблей входят в порт и бросают там якорь. Многие члены команды уже умирают от страшной болезни. Те, кто еще здоров, сошли на берег и одним своим дыханием заразили всех, с кем общались. Затем, «видя, какое количество внезапных смертей им принесли генуэзцы, жители Мессины выгнали их из города и из порта. Но болезнь осталась, и люди продолжали умирать. Отец бросал больного сына; магистраты и нотариусы отказывались приходить и выполнять волю умирающих. Забота о несчастных легла на плечи членов монашеских орденов, чьи обители также скоро опустели. В пустых домах лежали трупы, и никто не предавал их земле по христианскому обычаю».

Еще один летописец рассказывает о необходимости хоронить умерших в общих могилах. Мы видим, как в Провансе простых селян соблазняли щедрым вознаграждением, если они перенесут трупы к могиле.

«Каждый день какого-нибудь богатого человека несут к могиле. За ним не следуют ни друзья, ни знакомые. Когда приближается эта небольшая процессия, улицы вымирают. Только несчастные труповозы не могут никуда исчезнуть. И через некоторое время большинство из них умирает, заразившись страшной болезнью».

Петрарка, творивший в Парме, 19 мая 1348 года посылает печальное сообщение своему брату, единственному выжившему из 35 монахов:

«Брат мой! Брат мой! Что я могу сказать?! К кому мне обратиться?! Везде одна печаль, везде один страх. Лучше бы я никогда не появлялся на свет или, по крайней мере, умер до этих печальных времен. Как можно поверить, что было время, когда без грома небесного, без огня земного, без войны и без видимого насилия целые части нашей земли остались без единой живой души? Разве когда-либо можно было видеть заброшенные дома, покинутые города, поля, где уже не хватает места для мертвых и на всей земле царит одиночество?»

Почему же ничего не делалось, чтобы попытаться победить чуму? Сами университеты оказывались и без преподавателей, и без студентов. Тем не менее в университете Парижа сделали попытку выяснить причины этой болезни, чтобы победить ее. В университете приписали происхождение болезни «соединению трех планет 20 марта 1345 года. Это вместе с пересечением других небесных тел вызвало опасное изменение окружающего воздуха».

Рис. 65. Сжигание одежды, зараженной чумой

С этим объяснением согласились ученые по всей Европе. Однако в Италии решили предпринять некоторые практические меры. В 1348 году жители Пистойи, которые хотели посетить родственников в Пизе или Лукке, обнаружили ворота своего города запертыми и охраняемыми самими горожанами, которым платили за эту работу. За воротами остались купцы, которым не терпелось продать свои ткани и шерстяные изделия, но их не пускали в город; а на рынке инспекторы ежедневно проверяли качество продаваемой еды. По улицам проходили похоронные процессии, потому что это были пока первые дни эпидемии, а массовые захоронения были еще впереди. «Если рыцарь, или доктор права, или врач умирал, плакальщикам и трубачам разрешалось пройти по улицам перед процессией, чтобы воздать им положенные почести».

По обычным людям колокола не звонили, чтобы лишний раз не испугать больных, и только ограниченное количество родственников могли сопровождать умершего в последний путь.

В 1348 году еще несколько итальянских городов помимо Пистойи объявили у себя нечто вроде карантина. Среди них была Лукка. Ни каталонцы, ни генуэзцы, которые были в других городах или частях Италии, не допускались в этот город. Однако только в 1577 го-

ду в Рагузе приняли закон, по которому любой человек, въезжавший в город из зараженного региона, должен был месяц пробыть в старой Рагузе, прежде чем его пускали в новый город. 6 лет спустя в Марселе ввели 19-дневный карантин, так что эта тенденция распространялась. Боккаччо, писавший во Флоренции, заявлял:

«Болезнь, казалось, застала врасплох и искусство врачей, и силу организма... Некоторые люди просили совета у магов (и шарлатанов), потому что появилось много людей, которые практиковали, не имея и малой толики медицинских познаний».

Тем не менее многие врачи без устали лечили больных и пытались помешать распространению инфекции. Одним из них был Джентиле да Фолиньо, «бог врачевания. Чтобы защитить Перуджу, он и его почтенные коллеги изобрели божественное средство, а затем выработали рекомендации относительно еды и питья, очищения организма, кровопускания, лекарств и дезинфекции. Он заботился о больных, пока сам не заболел от слишком тесного общения с ними. Он прожил 6 дней и умер. Я, Франциско из Фолиньо (еще один врач), присутствовал при его болезни и не покидал его до самой смерти».

Наконец эпидемия пошла на убыль, однако и в Средние века, и в Новое время болезнь еще не раз возвращалась. После нее население Европы настолько уменьшилось, что изменилась и общественная и экономическая жизнь континента. Смертность резко сократила число слушателей и преподавателей университетов; погибли многие выдающиеся ученые. Моральный дух упал, и все надежды на будущее, возлагаемые интеллектуальной элитой, казалось, исчезли навсегда. Вместо этого по всей Европе, явно находящейся в состоянии экономического, художественного и интеллектуального упадка, уныния и отчаяния, развилась невосприимчивость и равнодушие к смерти и страданию. Однако у каждой монеты - две стороны. Так и в этом случае, обратной стороной медали оказались усилия по поддержанию уже существовавших учебных заведений и основанию новых университетов. Повсеместно стали признаваться права студентов, а во многих странах благодаря острой нехватке рабочей силы крестьяне получили возможность покупать себе свободу. Однако в целом эпидемия «черной смерти» привела к замедлению развития образования и торговли и общему упадку в XIV веке: на смену процветанию пришел период экономии средств.

В области хирургии практически в забвении находились изучение анатомии и, как результат, операционное искусство. Врачи-терапевты считали хирургию чем-то низким и поэтому оставляли за цирюльниками право делать простейшие операции, такие как, например, кровопускание. Однако в область медицины, как таковой, их не допускали, и указ, изданный в 1271 году медицинским факультетом Парижского университета, гласил:

«Некоторые люди, могущие делать операции, не знают, как применять лекарства и какое влияние лекарства имеют на болезнь, поскольку эти вопросы остаются в компетенции исключительно квалифицированных врачей. Тем не менее эти ремесленники от медицины вторгаются в чужую область деятельности, что ведет иногда к лжесвидетельствам и отлучению от церкви. Поэтому мы строго запрещаем любому хирургу, мужчине или женщине, аптекарю или травнику переступать границы предписанной им деятельности... чтобы хирург занимался только мануальной практикой, а аптекарь или травник - только составлением лекарств, но применять эти лекарства могут только магистры от медицины или люди, имеющие на то лицензию».

Рис. 66. Доктор заказывает лекарства у аптекаря

Эти «мануальные работники», хирурги-цирюльники, работая так, как они это делали во время Крестовых походов и частых войн, накопили огромный практический опыт. Однако без изучения анатомии человека путем вскрытия и речи не могло быть о развитии научных знаний о хирургии.

На том основании, что «церковь не приемлет кровопролития», церковные власти неодобрительно относились к практике хирургического вмешательства, и было принято несколько законов, запрещающих хирургическую практику. В 1300 году папа Бонифаций издал указ, направленный на то, чтобы положить конец нарождающемуся обычаю отделять кости погибших крестоносцев от плоти, предварительно обдав их кипятком. Это делалось, чтобы облегчить транспортировку останков крестоносцев на родину. Принятие этого закона фактически привело к запрету вскрытия тел умерших. Попытка получить для этой цели трупы даже преступников расценивалась многими как прямой вызов церковному завету о том, что тела мертвых ни в коем случае нельзя тревожить. В 1350 году в Париже студентам университетов запретили практиковаться в хирургии, и даже в Италии, где университеты находились не под столь суровым гнетом церкви, изучение хирургии в Болонье до 1405 года было в основном теоретическим. Там студент, интересующийся анатомией, не имел права «даже пытаться заполучить труп умершего для вскрытия, если только он сначала не получил на то разрешение от ректора... Не более 20% студентов могли присутствовать при вскрытии трупа мужчины и не более 30% - при вскрытии трупа женщины. И тот, кто присутствовал при вскрытии мужчины, больше не мог посещать это «практическое занятие» в том же году. А на вскрытии женщины он мог вообще присутствовать только раз в жизни».

Это была самая ревностно охраняемая привилегия. Разрешение наблюдать вскрытие давалось лишь ограниченному числу студентов, выбранных со всего университета. Без сомнения, это делалось с целью не допустить толчеи вокруг демонстрационного стола, возле которого стояли хирург и демонстратор. В это же время лектор читал лекцию с кафедры, расположенной неподалеку. Он получал за свою работу 100 болоньезских солидов. Мы не знаем, сколько получали непосредственно хирург и демонстратор, однако все расходы поровну делились между студентами, присутствовавшими на вскрытии.

В XV веке в Париже было много женщин-хирургов, которые работали без лицензии. Одна из них - Перетта Пероне - в январе 1411 года была наказана хирургами - старейшинами университета. Она предстала перед высоким судом Парижа («парламентом»). Когда ее спросили, умеет ли она читать и знакома ли с лечебными свойствами растений, она, с чисто женской нелогичностью, ответила, что работает «во имя Бога» и что ее преследуют несправедливо, поскольку остальных женщин-хирургов никто не беспокоит. Возможно, те

работали не так успешно, как она, поскольку Перетта утверждала, что у нее было «много пациентов, которым от нее нужны были лекарства и постоянные посещения». Когда решение по ее делу отложили до февраля, она попросила разрешения навещать своих больных, но ей в этом было отказано. Тем временем Перетте было приказано «убрать вывеску или коробку или флаг, который она вывесила перед своим домом по образцу и подобию хирургов». Ее книги «по искусству хирургии» необходимо было представить на изучение четырём парижским хирургам и другим экспертам. Мы не знаем, что дальше случилось с несчастной Переттой. Но поскольку ее уже раньше вызывали на суд, но она продолжала заниматься своей незаконной деятельностью, вероятно, она продолжала это делать и после освобождения из Шале, куда была заключена.

Рис. 67. Урок анатомии

В 1436 году презренные хирурги, которые в течение некоторого времени пытались добиться права посещать лекции в университете, наконец получили возможность «быть уважаемыми студентами, пользоваться всеми привилегиями и свободами», которые распространялись на принесших клятву студентов, при условии что они посещали лекции лучших специалистов Парижа, преподававших на медицинском факультете. Практическая медицина по-прежнему считалась более престижной ветвью профессии, и противоборство между нею и хирургией продолжалось и в Новое время. Тем не менее в Средние века было немало образованных врачей, которые живо интересовались хирургией и внесли большой вклад в ее развитие. И опять-таки именно Салерно был первым в этой области. В XIII веке там была написана книга - очевидно, компиляция из многих источников - некими «четырьмя авторами». В этой книге содержится много передовых идей, касающихся проведения хирургических операций. Например, в ней детально описывается лечение перелома черепа путем трепанации. В книге говорится, что, в особенности при операциях на голове, следует избегать переохлаждения. Воздух в операционной должен специально для этого подогреваться, и голову пациента должны согревать горячие пластины. Абсолютно современно звучит предупреждение о том, что хирург должен проводить операцию в условиях абсолютной стерильности - и ни в коем случае не есть даже лук и чеснок во избежание возникновения инфекции! Хирурги Северной Италии настаивали на том, что рана должна затягиваться естественным путем. Для обеспечения этого они выступали за предварительное очищение раны при помощи вина, которое обладает антисептическими свойствами. Затем они соединяли края раны, не позволяя вину или чему-то еще оставаться внутри ее, чтобы поверхность стала сухой и способной к склеиванию. Они говорили, что

природа сама выделит жидкость, которая соединит края раны. Кстати, пластическая хирургия, которая кажется атрибутом нашего времени, практиковалась еще до окончания Средневековья отцом и сыном Бранкасами. Они успешно исправляли поврежденные носы, глаза и уши. В 1456 году Антонио Бранкас описал процесс пересадки кожи с предплечья на нос:

«Он поместил остатки раздробленного носа в новую кожу с предплечья и так крепко соединил их, что человек даже не мог повернуть голову. Через 15-20 дней Бранкас понемногу начал приоткрывать части плоти, которые приклеились к носу и сформировали новые ноздри, с таким искусством, что глаз не мог различить место соединения, и деформация лица исчезла без следа. Бранкас вылечил много ран, которые, казалось, были неизлечимы».

Во Франции тоже были свои блестящие хирурги, среди которых можно выделить Анри де Мондевиля и Ги де Шолиака. Первый был преподавателем Парижского университета во второй половине XIII века и был зачинателем антисептической хирургии. О его учителе, Жане Питарде, который был личным хирургом Филиппа Красивого, говорили как о «самом искусном и опытном хирурге». Однако титул «отца современной хирургии» получил все-таки Ги де Шолиак. Вот как он описывает использование анестетиков перед операцией:

«Некоторые хирурги предписывают такие лекарства, как опиум, сок листьев салата, вишни морелло, мандрагоры, плюща, чтобы пациент заснул и не почувствовал боли от надреза. Новую губку следует намочить в соке упомянутых растений и высушить на солнце. Перед использованием губку следует смочить водой, а затем подержать ее у носа пациента, пока он не заснет».

Помимо прочего Шолиак обсуждает возможность операции грыжи. Он не рекомендует хирургическое вмешательство, если только речь не идет о жизни или смерти пациента. Фламандский хирург Иперман использовал трубку для искусственного кормления примерно в то же время. Помимо этого многие врачи рекомендовали своим пациентам ухаживать за зубами. Появился целый отряд врачей-«стоматологов», и Шолиак перечисляет инструменты, которыми они должны пользоваться, щипцы, крючки, держатели, а также разнообразные виды сверл, скальпелей и пломб. Инструмент для удаления зубов - пеликан - также был изобретен во Франции в XIV веке.

Чтобы бросить последний взгляд на практическую медицину и хирургию XV века, мы должны вернуться в Италию. Некий судья потерял своего сына, который скончался от неизвестной болезни. Семейный врач Бернар Торню в письме отцу подчеркивал, что судья не должен допустить, чтобы другие дети заразились той же болезнью, а для этого необходимо провести вскрытие тела ребенка.

«Многоуважаемый судья! Я скорблю вместе с вами, поскольку кончина ребенка - всегда тяжелое испытание. Еще тяжелее - потерять сына, но всего хуже - не знать, от чего он все-таки умер. Ради остальных детей, я думаю, полезно было бы исследовать внутренние органы ребенка».

Далее следует отчет о вскрытии, который весьма характерен для средневековой мысли и способа ее выражения, а именно: это ясность и определенность изложения фактов, а также логика, с которой делаются выводы из этих фактов. Еще одна, весьма неожиданная деталь: Торню выстраивает профилактические меры, которые необходимо предпринять, чтобы не допустить повторения этой же болезни у других детей судьи.

Еще один выдающийся хирург XV века Леонард из Бергинальи писал о применении хирургического вмешательства при лечении своего 11-летнего сына Фабрициуса: «Клянусь живым и распятым Христом не делать в этой книге ни одного ложного утверждения». Затем он перечисляет 8 свойств, которыми должен обладать настоящий хирург. Совершенно необходимы «легкая рука, ловкость при проведении операции, если ты не хочешь причинить пациенту боль... Ты слышал того, кто сказал, что у меня легкие и умелые руки, когда

я вынул у него из мозга часть кости с помощью инструмента из пергамента через маленькую дырочку в носу».

Операция была успешной, и Леонард начал обсуждать отделы мозга, которые отвечают за отдельные виды деятельности: «первый верхний желудочек отвечает за воображение, средний - за логику и ум, а задний - за сдерживающие центры». Судя по всему, в Средние века выделяли три, а не четыре отдела головного мозга. Эта точка зрения просуществовала много веков, и функции отделов головного мозга никогда серьезно не обсуждались до середины XIX века.

Однако наряду с очевидным прогрессом медицина и хирургия продолжали идти рука об руку с магией и астрологией. Сам Леонард торжественно цитирует рецепт лечения одержимости у Пьера из Абано, «которому он научился у демонов, когда изгонял их». Архангел Софазель также учил людей астрологической медицине после своего падения, говорит Леонард. Действительно, до Нового времени астрология оставалась в учебных программах медицинских факультетов университетов. Слово в поддержку традиций в 1464 году Иоанн из Арrezzo (очень известный врач) посвятил свою книгу о сердце Пьеро Медичи, где утверждал, что длинный список лекарств, которые он рекомендует, почерпнут из рецептов великих врачей прошлого, особенно Авиценны.

«В этом вопросе я не претендую на то, чтобы добавлять что-то свое. Богатейшие сокровища были найдены древними, поэтому лучше принять их, а не изобретать новые».

Но, несмотря на нежелание отказаться от традиционного учения, предрассудков и верований, несмотря на относительно медленное развитие медицинских исследований в Средние века, все же, без сомнения, медицина шагнула далеко вперед.

После падения Римской империи и почти полного уничтожения классического образования на Западе средневековые студенты, ученые, хирурги и врачи заложили основу, на которой можно было строить не менее выдающиеся достижения Нового времени.

Глава 10

Ученые и техники

«Люди пытаются разгадать тайную силу природы, что не приносит им богатства. Их единственное стремление - умножить свои знания. С той же извращенной целью они изучают искусство магии... Что до меня, то я не желаю знать путь, по которому движутся звезды, и все священные тайны я ненавижу».

Это отношение Блаженного Августина, епископа из Хиппо в Северной Африке и одного из раннехристианских Отцов Церкви, чье учение оказало большое влияние на развитие религиозной мысли в Средние века, типично для подхода христианских иерархов Европы к чисто светским знаниям. Все, что хотя бы пахло новизной, предавалось анафеме, а на изучение «сил природы» смотрели весьма неодобрительно, если оно шло вразрез с христианским учением. Тем не менее поиск мирских знаний продолжался. Исследование «искусства магии» и изучение движения планет продолжалось вплоть до Нового времени. Однако самый большой толчок к развитию науки получила в XII-XIII веках, в основном благодаря знакомству западного христианского мира с работами греческих авторов, в особенности Аристотеля (чаще всего эти работы были переведены на латынь с арабских вариантов).

Это движение вперед светской науки сопровождалось более критическим отношением многих ученых к консерватизму церковных властей. Аделард Баттский был одним из тех, кто в начале XII века оказался под глубоким впечатлением от арабских текстов, которые он переводил на латынь. Это привело его к конфликту с первыми Отцами Церкви и устоявшимися традициями. В своей книге «Естественные вопросы» Аделард пишет:

«Руководствуясь логикой и разумом, я учился у своих арабских учителей, в то время как вы, упиваясь своей властью, упорствуете в заблуждениях, тормозящих прогресс; как иначе, кроме как уздой, можно назвать власть авторитетов? Точно так же, как дикие животные бегут туда, куда их гонят палкой, так и вы под властью писателей прошлого стремитесь к опасности, связанные своей животной доверчивостью».

Однако консервативные церковники не принимали новых учений. Стефан, епископ из Турнея, был одним из тех, кто возглавил борьбу с «модернизмом». В письме к папе в 1202 году он горько сетует:

«Изучение Священного Писания привело к немалому раздору и путанице, потому что ученики приветствуют только новое, а учителя ищут скорее славы, а не знаний. Так называемые либеральные факультеты, потеряв свою изначальную свободу, погрузились в непотребство, когда длинноволосые недоросли узурпируют места своих профессоров, а безбородые юнцы сидят на местах, предназначенных для старших, а те, кто еще даже не знает, что значит быть учеником, претендуют на звание учителя. Они пишут комментарии к великим книгам, щедро сдобренные болтовней, но не приправленные солью философии».

Вообще говоря, обвинения епископа звучат вполне современно. Новое отношение, по поводу которого он сетует, было в основном результатом знакомства в XIII веке с переводами «Физики» и «Метафизики» Аристотеля. До того времени студенты изучали лишь его «Логикку». Многие консерваторы, подобно Стефану, понимали, какую опасность ортодоксальному учению представляет это новое знание. Сразу же, как будто в панике, были предприняты попытки освободить вырвавшееся на свободу и быстро распространявшееся новое течение от влияния греческих научных идей. В 1231 году был издан указ, по которому в Парижском университете запрещалось «публично читать книги Аристотеля о философии природы или комментарии к ним, и мы запрещаем делать это под страхом отлучения от церкви».

Началась борьба между ортодоксальной религией и наукой. Университет Тулузы, находящийся на свободолобивом юге, выступил на стороне модернистов, утверждая, что книги Аристотеля, запрещенные в Париже, можно читать здесь всем, кто хочет проникнуть в тайны природы. К 1231 году церковь была вынуждена пойти на компромисс, и в апреле папа объявил, что «поскольку, как мы выяснили, книги о природе, которые были запрещены в Париже, содержат в себе как полезные, так и бесполезные идеи, мы повелеваем, чтобы вы изучили эти книги... и полностью исключили то, что вы найдете ошибочным или вредным, чтобы все оставшееся можно было бы без промедления начать изучать».

В ответ на это святой Фома Аквинский (род. в 1270 г.) повторно перевел работы Аристотеля и в своей знаменитой книге «Итог» поместил комментарий к ним и попытался примирить языческие и научные идеи Аристотеля с научными идеями христианства.

Арабские переводы также привнесли в западное христианство псевдонаучные алхимические идеи. Алхимия строилась на теории «четырех элементов» Аристотеля. Согласно этой теории материя состояла из четырех элементов: земли, воды, огня и воздуха. Также считалось, что все материальные тела имеют четыре свойства - жар и влагу и их противоположности - холод и сухость. Экспериментальным путем было выведено, что холодная мокрая вода при нагревании могла изменить свое состояние и стать жарким сухим воздухом. Точно так же считалось, что тела могут трансформироваться в первобытную материю, из которой они все были сотворены, если только будет найдено вещество, способное содействовать этому изменению. Поиск этого вещества, известного как «философский камень», был главной задачей алхимии, поскольку считалось, что с его помощью простые металлы можно превратить в серебро и золото. Помимо этого посредством философского камня якобы можно было создать эликсир жизни, который подарит бессмертие любому, кто выпьет его.

Рис. 68. Алхимик Томас Нортон за работой

Для необразованных и суеверных людей посещение лаборатории алхимика было чем-то ужасным. Любые опыты считались колдовством, а ученые, их проводившие, слугами дьявола. У нас имеется картина, изображающая алхимика XV века за работой: луна освещает помещение через готическое окно, лицо алхимика освещено пламенем его горелки, или очага, с помощью которого совершалось «великое делание»; над пламенем висит сосуд в форме лица, герметично закрытый. Вокруг другие очаги, поскольку на подготовительном этапе работы их надо очень много; на скамье рядом находятся распятие из огнеупорной глины, металлические сосуды, стеклянные колбы и реторты, там же можно видеть кочергу, ухваты, прихватки и другую утварь, необходимую для работы с горячими предметами.

Знания алхимика держались в строжайшей тайне, равно как и его записи, которые были зашифрованы и изобиловали символическими терминами. Цвета также имели свое скрытое значение, когда они использовались в иллюстрациях к алхимическим текстам: красный король означал алхимическую серу; белая королева - алхимическую сулему, и эти вещества - не то же самое, что обычная сера или сулема. Король и королева также могли означать золото и серебро. Цвета «великого делания» часто передавались через образы птиц: ворона - черное, лебедь - белое, феникс - красное.

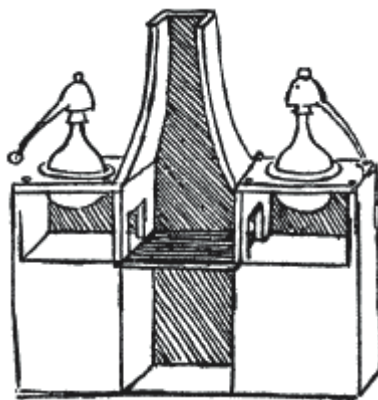

Рис. 69. Очаг и дистиллятор, сконструированные Леонардо да Винчи

Николя Фламмель (1330-1418), который работал вместе со своей верной женой Пернель, был одним из самых знаменитых средневековых алхимиков. Он заявлял, что раскрыл секрет «великого делания», записанный в таинственной «позолоченной книге, очень старой и большой, с обложкой из латуни, хорошо переплетенной, написанной буквами странной формы». Фламмель также украсил аркаду церковного дворика храма Невинных, в Париже, алхимическими символами.

Монах XV века, известный под псевдонимом Базель Валентин, также оставил труд под названием «Двенадцать ключей», в которой двенадцать рисунков изображают алхимические символы. Эти рисунки, по заявлению Валентина, показывают, как «найти двери, ведущие к самому древнему камню наших предков, и самый строго охраняемый источник нашего здоровья». Первый ключ изображает короля и королеву, символизирующих солнце и луну, или золото и серебро популярной алхимии, серу и сулему в алхимических трудах. Агрессивный серый волк символизирует антимоний - металл, который, как считали, имел великие свойства, в частности возможность очищения. Тело волка должно было быть сожжено до пепла на сильном огне - только тогда можно было освободить короля. Этот процесс очищения золота антимонием выполняется трижды, и он символически изображен в виде трех цветков, которые держит королева. Мужчина на деревянных ногах с косой - это Сатурн, символ простого свинцового шара, который должен превратиться в серебро или золото. Веер из перьев павлина с их разнообразием цветов символизирует типы человеческого темперамента.

Алхимики имели разные цели. Некоторые из них были мистиками и идеалистами, которые стремились изменить собственную природу при помощи экспериментов и соответствующей символической философии.

Современный психоаналитик Карл Юнг разгадал философию и глубинный смысл алхимии. Философствующие алхимики считали, что если бы они могли доказать, что в материальном мире основные металлы могут превращаться в золото, то аналогичным образом основные инстинкты в человеке смогли бы превращаться в благороднейшие качества. Одним из наиболее распространенных убеждений Средневековья была вера в то, что человек и Вселенная соотносятся в своей природе и структуре: «Как вверху, так и внизу» - другими словами, макрокосмос (или Вселенная) повторяет себя в микрокосмосе или малой вселенной каждого человека. Кстати, впервые эта мысль была высказана Платоном.

Полной противоположностью идеалистам были шарлатаны, которые получали изначальный запас золота у своих покровителей, вводя их в заблуждение обещаниями, что с помощью этого золота они смогут превратить в благородный металл огромное количество свинца. Дело в том, что, как считалось, драгоценные металлы (как и все в природе) усиливали свои свойства, увеличиваясь в количестве. Изначальное количество золота должно было стать ростком или философским камнем, с помощью которого можно получить большое количество золота. В XV веке Томас Нортон из Бристоля, самый выдающийся алхимик, не был шарлатаном. В поэтической форме он указывал, что «истинные ученые» не вовлекали других ни в какие эксперименты и не вводили их в расходы, но сами несли на себе всю тяжесть «великого делания»:

Ученый ищет истину один
И хочет отыскать волшебный камень,
Работа эта нелегка - и дорога к тому же,
Но никогда не станет он
Просить об одолжении.

О том же самом говорит нам красноречивая картина: рыдающая жена просит денег, чтобы купить хлеба для себя и ребенка, пока ее муж фанатично ищет разгадку тайны, которая делает их богатыми.

Существовали также «пыхтелки», которых так называли из-за того, что они постоянно раздували меха, чтобы поддержать горение своих печей. Они искренне верили, что упорство и настойчивость приведут к успеху. Некто Гебер был одним из них. Его «Сумма совершенств», написанная в начале XIV века, была основным учебником по химии в западном христианском мире. Люди, подобные ему, фактически стали родоначальниками современной химии.

Пути движения планет, к которым Августин был абсолютно равнодушен, были предметом пристального изучения все средние века, поскольку они напрямую (как считалось) влияли на человеческую судьбу и исторические события. Аристотель в свое время учил, что звезды имели строго определенную траекторию движения в то время, как движение планет бессистемно. Поэтому считалось, что звезды управляют упорядоченным развитием природы - сменой времен года, дня и ночи, - а планеты влияют на ход истории, повседневные события, в том числе время рождения и смерти.

Также считалось, что будущее можно предсказать. В зависимости от дня недели, в который начался новый год, можно определить характер следующих двенадцати месяцев:

«Если календы в январе приходятся на День Господа, то зима будет мягкой и теплой; весна - ветреной, а лето - засушливым. В такой год будет произведено много вина, будут прибавляться стада и будет много меда. Старики найдут свой последний приют, и воцарится мир».

Рис. 70. Николя Орсем вручает свою книгу королю Карлу V Французскому

Часто, когда рождался ребенок, обращались к астрологу, чтобы он составил гороскоп новорожденного. В зависимости от расположения планет и звезд в момент рождения ребенок мог стать знаменитым или прожить жизнь в неизвестности, стать ученым или остаться неграмотным, богатым или бедным; наконец, можно было определить, проживет он долгую или короткую жизнь и будет ли эта жизнь спокойной или полной опасностей. Можно было также предсказать, какая профессия наилучшим образом подойдет ребенку. Родившемуся под знаком Марса следовало стать кузнецом или солдатом, а родившемуся под знаком Венеры больше всего удавались творческие профессии.

Герберт Аврилакский (впоследствии папа Сильвестр II), судя по всему, изучал астрологию и другие искусства в Испании, когда там господствовали сарадины. Говорили, что там он также «изучал, что предвещают пение и полет птиц и как вызвать духов из загробного мира». Ведь астролог, как и алхимик, как предполагалось, был еще и волшебником, и о Герберте говорили, что он «лучший колдун во Франции, которому день и ночь повиновались демоны, потому что он приносил им великолепные жертвы, а еще благодаря его молитвам, постам, магическим книгам и огромному разнообразию колец и свечей». Даже его избрание папой приписывалось помощи демонов, и говорили, что он мог решать арифметические задачи с помощью духа, который был заключен в золотом шаре. Быть каким-то образом связанным с арабской наукой значило рисковать быть обвиненным в связях с демонами, если уж не прослыть учеником самого дьявола.

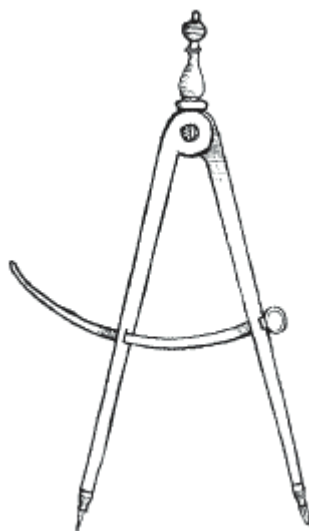

Рис. 71. Циркуль

Однако к концу XIV века ученые начали серьезную атаку на астрологию. Критические замечания в ее адрес показывают, что во многих областях знания начал развиваться более научный подход к действительности.

Николя Оресм (рис. 70), один из величайших математиков XIV века, который в 1382 году умер в сане епископа Лисью, яростно выступал против оккультных наук. Хотя при дворе его покровителя, Карла V Французского, были широко распространены всякого рода предрассудки и суеверия, Оресм пытался показать разницу между собственно астрологией и псевдоастрологией.

Жан де Донс из Падуи был еще одним ученым, обладающим рационалистическим подходом и пытавшимся развенчать астрологическую практику, «не через великую приверженность идеям церкви или потому, что указанная практика запрещена, но потому, что он четко представляет себе ошибку тех, кто тратит свое время на получение этих предсказаний». Как мы знаем:

«Жан жил при дворе графа Вертуса и благодаря трем усвоенным им наукам - философии, медицине и астрологии - получал при дворе плату в 2000 флоринов в год. Этот мастер Жан за свою жизнь создал астрологические приборы для великих ученых Италии, Германии и Венгрии. Среди других приборов, которые он создал, есть один, который называется сферой или часами небесных тел. Этот прибор посредством использования бесчисленного количества колесиков показывает движение планет с их окружностями и орбитами; для каждой планеты показана траектория ее движения, так что в любой момент дня и ночи можно определить расположение планет и звезд. Более того, эта сфера устроена таким образом, что, несмотря на множество колесиков... всем движением управляет единственный противовес. Следовательно, все сведущие в астрономии, философии и медицине утверждают, что аналога столь точному инструменту просто не существует».

Современник Жана, Николя Оресм, говорит о такой искусственной сфере как о подспорье для понимания законов движения мира и небесных тел. Далее Оресм таким образом говорит о строении Вселенной:

«Земля - круглая, как шар; философы говорят, что сфера мира состоит из небес и четырех элементов. Первым из этих элементов является земля, твердая и круглая, хотя и не совсем идеальной круглой формы, поскольку на ней есть горы и долины. Но если бы на Землю можно было посмотреть с Луны, то она показалась бы круглой, и эклипс Луны, при отбрасывании на нее тени Земли, тоже показывает, что Земля - круглая. Земля - центр Вселенной, потому что она самая тяжелая из четырех элементов».

Хотя средневековые ученые были правы относительно формы Земли, они ошибались, считая ее центром Вселенной. Предполагалось также, что Земля неподвижно закреплена на своей оси, потому что библейские писатели давным-давно заявили, что «мир - стабиль-

но неподвижен». В XV веке Николай Кузанский поставил эту теорию под сомнение, но лишь в 1543 году Коперник доказал, что центром Вселенной является Солнце, вокруг которого вращаются Земля и планеты.

Но в космографии Оресма Земля была окружена незаконченной водной сферой, а вместе они были заключены в воздушную сферу. Вокруг всего этого существовала огненная сфера. Над этими четырьмя элементами - землей, водой, воздухом и огнем - находится небо. Оно разделено на сменяющие друг друга сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна, за которыми находится сфера неподвижных звезд. По Оресму, существуют и другие сферы, но знания о них не относятся к области естественной философии или астрономии.

В области ботаники средневековые знания в основном опирались на древние источники. Те, кто стремился узнать о лекарственных свойствах растений, в основном использовали «Травник» Диоскорида, писателя I века. Эта книга широко использовалась вплоть до XVII века. В конце Средних веков испанский автор писал:

«Диоскорид нашел и описал эти растения, деревья, травы, животных и минералы, из которых составил те самые шесть книг, которые прославили его во всем мире... И эти труды принесли ему больше славы, чем его участие в военных походах».

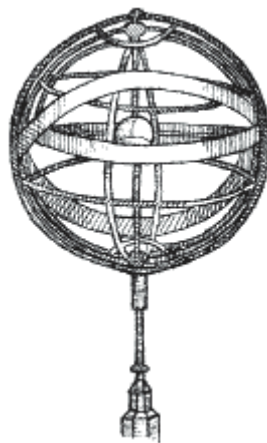

Рис. 72. Сфера Николая Оресма

Еще одним знаменитым знатоком растений был Апулей Варвар. Его энциклопедия была составлена примерно в 5 году нашей эры. Все средневековые энциклопедии растений, составленные на основе древних рукописей, изобиловали магическими элементами. Апулей подробно описывает процедуру выкапывания корня мандрагоры, который, как считалось, напоминал по форме фигуру человека:

«Он светит ночью, подобно лампе. Когда ты впервые видишь его головку, прижми ее железом, если сможешь, он обладает столь добродетельными качествами, что не покажется недоброму и нечистому в помыслах человеку... Когда ты видишь его руки и ноги, обвяжи его веревкой. Второй конец веревки привяжи к шее собаки. Положи перед собакой мясо, но так, чтобы собака, пытаясь достать его, потянула за веревку и вытащила корень. Затем возьми растение, скрути его и выжми сок его листьев в стеклянную колбу».

Это растение обладало снотворными свойствами и использовалось для анестезии перед операциями и во время родов.

Некоторые авторы энциклопедий растений XIII века не просто бездумно копировали работы более ранних авторов. Альберт Великий (1206-1280), автор многих научных, теологических и философских трудов, написал книгу о жизни растений, в основе которой лежал труд Дамасцения, написанный до рождения Христа.

Альберт добавляет в этот труд собственные наблюдения, к примеру, что иногда виноградная лоза имеет усики. Он сделал верное предположение, что усики - это потенциальные гроздья винограда, которые не сумели развиваться. Альберт также попытался классифи-

цировать цветы по семействам. Однако он сумел выделить только три семейства: в форме птицы (наподобие лесных фиалок и крапивы); в форме колокола (типа вьюнка) и в форме звезды (роза).

Современник Альберта написал энциклопедию растений, которая содержала и более смелые и оригинальные наблюдения. Это был Руфино из Генуи. В предисловии к своему труду он говорит, что намерен опираться на данные авторов прошлого, но затем добавляет: «А после этого говорить буду я». Среди прочего, он дает описание виноградной лозы:

«У нее длинные заостренные листья, желтый цветок и длинный корень. Круглая лоза имеет круглые листья, черный цветок и круглое яблоко на корне. Плод обоих растений в просторечии называется «*terrimalium*» - они свисают с его ветвей. Другое название этого плода - *mellumceli*».

Руфино также описывает камфору как смолу, которая горит в воде, как битум горит в масле, если ее поместить на что-то легкое и пустить на воду, когда она горит. «Я доказал, - добавляет он. - И это правда». Здесь мы опять имеем дело с наблюдением, подтвержденным опытом, а не с повторением уже известных знаний.

Симон Кордо из Генуи также написал энциклопедию растений в 1292 году. Эта энциклопедия была основана на знаниях, полученных в ходе его многочисленных путешествий. Он искал растения в горах и долинах, возле рек и на равнинах и в степях. На Крите он беседовал со старой женщиной, от которой узнал названия и свойства трав и растений этого острова. Один грек, который знал латынь, также помогал Симону. Действительно, Кардо, Руфино и Альберт Великий, очевидно, посвящали много времени изучению растений и были среди первых средневековых ученых, которые заложили фундамент ботаники как науки.

Рис. 73. Доминиканец Альберт Великий

Все энциклопедии были иллюстрированы и, без сомнения, имели своей целью показать растения в их естественной форме и цвете, но, поскольку многие из их составителей всего лишь копировали древние манускрипты, изображения растений все меньше и меньше напоминали оригиналы. Помимо этого, растения часто изображались вместе с насекомыми или животными, чьим укусам они якобы служили противоядием. Например, каштан помещали рядом со змеей или скорпионом, а растение мандрагоры изображалось в виде фигурки человека, иногда женщины, но чаще - мужчины. Книга о лекарствах, изготовленных из животных компонентов, часто включала в себя энциклопедию растений. В этих книгах помещались стилизованные изображения животных с рекомендациями по использованию лекарства, сделанного из них. Там содержались не только лекарства и лосьоны, сделанные не только из различных органов, но и из экскрементов животных.

Наиболее научный подход к изучению животных существовал на Сицилии при дворе Фридриха II (1212-1250). Этот молодой человек был также правителем Германии, однако

воспитан он был на Сицилии, которую предпочитал своей северной родине. Сицилия, которая поочередно находилась под игом мусульман, скандинавов и германцев, была местом встречи арабской, греческой и северной культур. Фридрих живо интересовался животными и птицами - особенно соколами, собранными в питомнике, который везде путешествовал вместе с ним, даже через Альпы в Германию. Султан Египта прислал его в подарок жирафа - первого, которого увидели в средневековой Европе. Он везде вызывал живой интерес и восторг. Леопарды, пантеры, ястребы и соколы использовались императором во время охоты. Фридрих написал и собственной рукой проиллюстрировал книгу об «Искусстве охоты и разведении соколов». Его рисунки птиц удивительно правдоподобны; они ярко раскрашены и точны в деталях и, совершенно очевидно, являются результатом долгих и тщательных наблюдений. Та же самая оригинальность видна и в тексте книги. Если Фридрих цитирует Аристотеля, то чаще для того, чтобы поспорить с ним. Когда он дает информацию, почерпнутую из другого источника, то этим источником является зарубежный специалист, приглашенный ко двору императором. Фридрих никогда не делал утверждений, не проверив их экспериментальным путем. Он пригласил в Апулию знатоков из Египта, чтобы изучить возможность высиживания яиц с помощью солнечного тепла. Из-за этого нежелания принимать на веру какие бы то ни было утверждения, а также из-за того, что он фиксировал факты только после долгих наблюдений, книга Фридриха по праву считалась предвестником позднейших трудов по научной зоологии.

Император приглашал ко двору многих известных ученых. Среди них был Майкл Скотт, который специально для императора кратко изложил содержание труда Авиценны «О животных». Майкл также написал книги по астрологии, физиогномике и метеорологии, в то время как гений математики, Леонард из Пизы, написал для Фридриха «Труд об абаке».

Сицилийский король Роджер, дед Фридриха, также интересовался научными проблемами, но в основном его привлекала география. Не удовлетворенный содержанием книг арабских авторов, он призвал ко двору знаменитых путешественников, чтобы те рассказали о своих странствиях. Его удовлетворили только те факты, которые подтверждались несколькими рассказами, и именно их по его просьбе зафиксировал арабский ученый Эдриси в 1154 году. Результаты этих исследований были выгравированы на серебряной карте. В X веке мусульмане впервые вошли на землю Африки к югу от Сахары, но только в XII веке христиане познакомились с цивилизацией внутренней части континента.

Рамон Лалл (род. в 1315/16 г.), миссионер с Майорки, написал самый ранний отчет свидетеля о путешествии христианина через Сахару. Этот человек, посланец кардинала, «собрал караван из 6000 верблюдов, груженых солью. Караван отправился из города Тибалберта туда, где Нил берет свое начало. Там жило так много людей, что весь запас соли был распродан за 15 дней. Эти люди были черными и поклонялись идолам. На земле есть остров на большом озере, где живет змей, которому приносят жертвы... и люди с изумлением уставились на посланника, потому что он был белый и христианин и потому что они никогда не видели здесь христиан».

Рис. 74. Участники экспедиции Марко Поло при дворе Кублай-хана

Исследования внутренних регионов Африки продолжались после этого путешествия, но даже в XVI веке коренных африканцев называли «людьми с лицами, зубами и хвостами, как у собак».

Одно из первых морских путешествий христиан вдоль западного побережья Африки, о котором остались записи, было предпринято испанским странствующим монахом-францисканцем в 1380 году. Его товарищами были мавры, и они достигли берега Сьерра-Леоне, а также упомянули в своих отчетах остров Шубро. Карта мира 1450 года, судя по всему, была составлена на основе информации, доставленной этим монахом. Другие средневековые карты свидетельствуют о других путешествиях внутрь этого континента и вдоль его побережья.

Проникновение европейцев в Азию в XIII веке было в основном результатом растущего желания обратить азиатов в христианство и заполучить их в качестве союзников в борьбе против мусульман. Примерно в этот период ходили рассказы о мифическом христианском короле Иоанне, который правил на Востоке, и миссионеры были посланы на его поиски. Одним из первых миссионеров был францисканец Джон из долины Карпорини, который прибыл в Каракорум во Внешней Монголии в 1245 году. Поезд миссионеров скоро нагнал караван торговцев, хотя Марко Поло из Венеции, который оставил чудесное описание своих путешествий и Китая, был скорее дипломатом, чем миссионером или торговцем. Он рассказывает нам о плотности населения Китая, о полях риса и проса, об огромных городах в 100 миль в окружности, с десятью главными рынками, которые три дня в неделю посещают 40-50 тысяч человек: хотя падение династии Моголов позже закрыло Китай для иностранцев, все же торговцы по-прежнему пытались найти альтернативные пути в Индию. Фактически путешествия в Африку и Азию, а затем морские походы вдоль берегов континента в Сьерра-Леоне имели очень глубокие последствия. Если до этого мир вертелся лишь вокруг Средиземного моря, а его восточные границы были границами Восточной империи, то теперь мир словно раздвинулся и вдруг оказался безграничным. Такое отношение сподвигло людей, подобных принцу Генриху Мореплавателю, Колумбу или Магеллану, финансировать или предпринимать самим долгие и дальние путешествия. Изначаль-

ный импульс всем этим походам дали простые моряки и путешественники XIII и XIV веков.

Изменениям в повседневной жизни способствовали не только ученые, моряки и исследователи, но и технический прогресс. Неизвестно, кто первый придумал использовать силу воды для управления молотами, мехами и прессами или для перемалывания зерна и производства бумаги. После X века число водяных мельниц неуклонно росло. В Обе (Франция) в XI веке их было всего четырнадцать, а в XIII - уже двести. В Центральной Европе водяные мельницы появились еще в VIII веке. Позднее они распространились в Германию и Скандинавию, в то время как итальянцы построили первую мельницу по производству бумаги недалеко от Нюрнберга в 1389 году.

На равнинах широкое распространение получили ветряные мельницы. В Нидерландах первая такая мельница была построена примерно в 1430 году, чтобы способствовать осушению болот - хотя лишь в XVII веке они начали массово использоваться в этих целях. Самое раннее упоминание о ветряных мельницах в Западной Европе относится к 1180 году (Нормандия). Использование силы воды было особенно важно в условиях нехватки рабочей силы после эпидемии чумы. Оно также способствовало производству большего количества товаров за меньшее время. Это помогло Европе в XII и XIII веках создать свое финансовое могущество.

Рис. 75. Первая ветряная мельница

Рис. 76. Этапы создания книги из пергамента

Однако из всех технических изобретений и открытий самый большой эффект в долгосрочной перспективе имело, пожалуй, изобретение производства бумаги в промышленных объемах. Со времен Римской империи рукописи выполнялись на пергаменте. Пергамент делали из шкуры животных, которую особым образом выстригали и шлифовали, а затем растягивали и сушили. Пергамент высшего качества делали из шкур телят. Однако этот материал был очень дорог, а поскольку все средневековые книги были рукописными, то делал чрезвычайно дорогими и их. Первоначально производство бумаги началось в Китае, откуда при помощи арабских и еврейских купцов в 1150 году было завезено в Испанию. Если говорить коротко, то производство бумаги состояло из шести этапов. Сырье - хло-

пок, солома или дерево - в воде превращалось в мягкую массу. Сначала для этого использовались ручные дробилки с деревянными ступками. Между 1269-м и 1276 годами в Фабриано (Италия) для этой цели стали использовать силу воды, чтобы поднимать и опускать металлические поршни и более эффективно превращать размокшее сырье в однородную массу.

В определенный момент эту мягкую массу спускали в большой чан. Работник держал форму, которая представляла собой нечто вроде подноса с плетеной основой и подвижным каркасом для придания листу нужного размера. В форму помещали размяченную массу. Избыток воды стекал вниз через сито. Потряхивая форму, работник разравнивал оставшуюся массу, убирал каркас и прямо вместе с формой помещал бумагу на стопку войлока. Он ждал, пока бумага обсохнет, и затем ловко вынимал ее из формы и помещал на слой войлока нужной формы и размера. Сверху клали свежий войлок, и этот процесс повторялся, пока не получалась стопка из 144 листов бумаги, переложенных войлоком. Затем другой работник нес эту стопку влажной бумаги и войлока в прессовочную. После этого бумагу сушили, обычно подвешивая ее на волосяных веревках. На последнем этапе каждый лист бумаги окунали в раствор желатина, приготовленного из копыт или рогов животных. После последней просушки бумага, твердая и не пропускающая влагу, была готова к использованию.

Однако позже выяснилось, что такая бумага была непригодна для печатания по китайскому методу при помощи деревянных клише (этот метод использовался в Китае с VIII века). Европейские печатники поставили перед собой задачу решить эту проблему и обнаружили, что, используя металлические литеры и ручной пресс, они могут печатать на обеих сторонах бумаги. Это эпохальное изобретение было частично заслугой Иоганна Гутенберга из Майнца, однако скоро печатные прессы появились в других европейских странах. К концу XV века с металлических клише было напечатано более 9 миллионов книг. Изобретение бумаги и печати было столь же (если не более) великим открытием, как и открытие Колумбом Америки. При помощи печатных книг идеи античности стали распространяться в христианском мире. Это классическое образование во многом способствовало расцвету цивилизации XII века. Оно также стало основным толчком к началу эпохи Возрождения. Оба этих периода расцвета вырели на одном растении, корни которого находились глубоко в средневековой почве. Этот живой продукт классических знаний с веками стал только лучше и спелее, и ему суждено было вновь расцвести, в обогащенном и обновленном виде, в эпоху, которую мы называем Новым временем.

Хронология

I

Правители и Папы Римские

489 г. Теодорих Готский - король Италии.

511 г. Смерть Кловиса, короля франков.

526 г. Смерть Теодориха.

596-604 гг. Папа Григорий Великий.

639 г. Смерть Дагобера, короля франков из династии Меровингов.

741 г. Смерть Карла Мартелла.

768 г. Смерть короля франков Пипина. Королем становится Карл Великий.

814 г. Смерть Карла Великого.

840 г. Смерть Людовика Благочестивого.

936 г. Хьюго, король Ломбардии.
973-983 гг. Оттон II, король и император Германии.
983-1002 гг. Оттон III, король и император Германии.
999 г. Герберт Аврилакский, папа Сильвестр II.
1073-1085 гг. Папа Гильдебрандт.
1081-1118 гг. Император Алексей (Комнин).
1088-1099 гг. Папа Урбан II.
1108-1137 гг. Король Франции Людовик VI.
1154 г. Смерть Роджера II Сицилийского.
1208 г. Папа Иннокентий III, альбигойцы.
1212-1250 гг. Император Фридрих II.
1226-1270 гг. Людовик IX (Святой).
1285-1314 гг. Король Франции Филипп IV Красивый.
1317 г. Папа Иоанн XXII.
1364-1380 гг. Король Франции Карл V.
1380-1422 гг. Король Франции Карл VI (женат на королеве Изабелле).
1422-1461 гг. Карл VII (министр Жак Кер).
1483-1498 гг. Король Франции Карл VIII.

II

Религия и монашество

354 г. Родился Блаженный Августин из Хиппо.
379 г. Смерть св. Василия Великого.
412 г. Св. Кассий в Марселе.
430 г. Смерть Блаженного Августина.
480-543 гг. Св. Бенедикт из Нурсии.
575 г. Смерть Кассиодора.
581 г. Разрушен Монте-Кассино.
594 г. Смерть епископа Турского Григория.
609 г. Св. Колумбан основывает Люксейль.
692 г. Вилгорд обращает фризийцев в христианство.
721 г. Мусульмане захватывают Люксейль.
754 г. Фризийцы убивают св. Бонифация.
817 г. Бенедикт из Аниана вводит бенедиктинский устав во франкских монастырях.
910 г. Основано аббатство Клуни.
1026 г. Аббат из аббатства Ванна совершает паломничество в Иерусалим.
1028 г. Смерть епископа Шартрского Фулберта.
1079-1142 гг. Пьер Абеляр.
1086 г. Св. Бруно основывает орден картезианцев.
1109 г. Смерть св. Ансельма.
1115-1180 гг. Иоанн Солсберийский.
1117 г. «Хартия любви» Стивена Хардинга.
1122-1151 гг. Сьюгер, аббат Сен-Дени.
1153 г. Смерть св. Бернарда Клервоского.
1175 г. Вальденсы.
1214 г. Основан орден монахов-доминиканцев.
1224 г. Основан орден францисканцев.
1274 г. Смерть св. Бонавентуры.

- 1274 г. Смерть Фомы Аквинского.
1289 гг. Смерть Альберта Великого. Эти двое пытались примирить идеи Аристотеля с теологией католицизма.
1312 г. Разгромлен орден рыцарей-тамплиеров.
1444 г. Смерть св. Бернардино.
1465-1536 гг. Эразм.

III

Военное дело и политика

- 410 г. Аларик берет Рим.
476 г. Падение Рима.
559 г. Авары вторгаются в Европу.
568 г. Ломбардцы вторгаются в Италию.
635 г. Мусульмане завоевывают Сирию, Персию, Египет и Ливию.
711-716 гг. Мусульмане завоевывают Испанию и Португалию.
732 г. Карл Мартелл наносит мусульманам поражение при Пуатье.
793-795 гг. Скандинавы нападают на Ирландию.
800 г. Император Карл Великий.
855-862 гг. Скандинавы селятся на Луаре и Сене.
870 г. Мусульмане завоевывают Сицилию.
911 г. Скандинавы заселяют Северную Францию.
925 г. Магьяры совершают набеги на Европу.
987-1040 гг. Фальк Анжуйский.
1020-1053 гг. Норманны завоевывают Северную Италию.
1071 г. Победа турок при Манцикерте.
1077 г. Император Генрих IV приносит присягу папе Григорию VIII.
1095-1099 гг. Первый крестовый поход.
1143 г. Арнольд Брешианский поднимает восстание в Италии.
1204 г. Четвертый крестовый поход. Захват Константинополя.
1323-1328 гг. Народные волнения во Фландрии.
1453 г. Турки берут Константинополь.

IV

Искусство и литература

- 350 г. Донат пишет свою грамматику.
413-426 гг. Блаженный Августин пишет «Город Бога».
523-524 гг. Бозций пишет «Утешение философией».
525 г. Присциан пишет свою грамматику.
782-796 гг. Алкуин возглавил Дворцовую школу.
790 г. Ангильберт основывает церковь в Кентуле.
В конце VIII в. Одо из Метца строит часовню Карла Великого в Аахене.
В IX в. развивается романская архитектура.
VIII-XV вв. Создана «Песнь о Роланде».

В начале XII в. Аделард Баттский пишет «Естественные вопросы», охватывающие все его научные интересы.

Развивается готическая архитектура.

1120 г. «Алексиада».

1140 г. Написаны «Декреты» Грациана.

1141 г. Ордерик Виталий завершает «Церковную историю».

XIII в. Гийом де Лоррис пишет «Роман о Розе». Мари де Франс пишет ответ на это произведение.

1250 г. Виллар де Хоннекурт.

1265 г. Родился Данте.

1304-1374 гг. Петрарка.

1338 г. Родился Фруассар.

1344-1350 гг. Боккаччо пишет «Декамерон». Жан де Мен завершает «Роман о Розе».

V

Наука, география и торговля

526 г. Смерть Антимуса, греческого врача Теодориха.

850 г. Родился Разес, знаменитый персидский врач.

986-1037 гг. Авиценна.

1150 г. В Испании начинают производить бумагу.

1180 г. Первая ветряная мельница в Европе. Иоанн Солсберийский пишет «Металогикон».

1206-1280 гг. Альберт Великий.

1245 г. Иоанн из Плано-Каркопино приезжает в Каракорум.

1252 г. В Италии начинают чеканить золотые монеты.

1279-1292 гг. Марко Поло в Китае.

1330-1418 гг. Никола Фламмель, алхимик.

1348-1350 гг. «Черная смерть» в Европе. Ги де Шолиак, хирург.

1382 г. Умирает математик Никола Оресм.

1415-1461 гг. Генрих Мореплаватель. Иоганн из Майнца развивает искусство печати.

1465 г. В Италии начинается печать с металлических литер.

VI

События в Британии

410 г. Римляне постепенно покидают Британию.

449-457 гг. Начало поселений англов в Британии.

563 г. Св. Колумба причаливает к острову Иона.

597 г. Св. Августин в Кенте.

616-632 гг. Эдвин Нортумбрийский.

633-641 гг. Освальд Нортумбрийский, Дейра и Берника.

738 г. Беда Достопочтенный пишет «Церковную историю».

757-796 гг. Оффа из Мерсии.

802-839 гг. Эгберт из Вессекса.

871-899 гг. Альфред Великий.

899-925 гг. Эдвард Старший.
925-940 гг. Ательстан.
940-946 гг. Эдмунд Великолепный.
946-955 гг. Эдред и его главный советник Дунстан.
959-975 гг. Эдгар, король Англии.
991 г. Начинается датское завоевание.
1013 г. Завоевание Англии свейнами.
1017-1035 гг. Канут, король Англии.